

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВСѢХЪ

СОЧИНЕНІЙ,

ВЪ

СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

ПОКОЙНАГО

*Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена
Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго
Ученаго Собранія Члена,*

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА

СУМАРОКОВА.

Собранны и изданы

ВЪ удовольствіе Любителей Россійской Учености

Николаемъ Новиковымъ,

Членомъ

*Вольнаго Россійскаго Собранія при Император-
скомъ Московскомъ Университетѣ.*

Изданіе Второе.

Часть III.

ВЪ МОСКВѢ.

Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова,

1787 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

III Частини.

				страз.
I.	Трагедія	Хоревъ	- - -	5.
II.	—	Гамлетъ	- - -	61.
III.	—	Синавъ и Труворъ	- - -	123.
IV.	—	Артистона	- - -	187.
V.	—	Семира	- - -	257.
VI.	—	Ярополкъ и Димиза.	- - -	333.

Х О Р Е В Ъ

Т Р А Г Е Д І Я .

*Представлена въ первый разъ въ началѣ 1750
года, на Императорскомъ театрѣ,
въ Санктпетербургѣ.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КІЙ, Князь Россійскій.

ХОРЕВЪ, братъ и наслѣдникъ ево.

ЗАВЛОХЪ, бывшій Князь Кіева града.

ОСНЕЛЬДА, дочь Завлохова.

СТАЛВЕРЪХЪ, первый бояринъ Кіевъ.

ВЕЛЬКАРЪ, наперсникъ Хоревовъ.

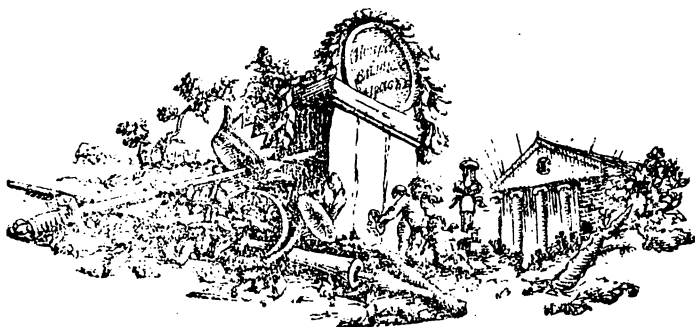
АСТРАДА, мамка Оснельдина.

Два спража.

Три воина.

Плѣнникъ.

Дѣйствіе въ Кіевъ въ Княжескомъ домѣ.

ХОРЕВЪ ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОСНЕЛЬДА и АСТРАДА.

АСТРАДА.

Княжна! сей день тебѣ свободу обѣщаетъ,
Въ послѣдній тебѣ здѣсь солнце освѣщаетъ.
Завлохъ, родитель твой, пришелъ ко граду днесь,
И вооружающа ко оборонѣ здѣсь.
Ужъ носится молва по здѣшнему народу,
Что Кій спрашася бѣдствѣ даетъ тебѣ свободу.

ОСНЕЛЬДА.

О день! когда то такъ, день радости и слезъ!
Щедрота поздняя разгнѣванныхъ небесъ,
Смѣшенна съ казнію и люпою напастью!
Чрезъ пущую бѣду отверзся путь ко счастью.
Астрада! мнѣ уже свободы не выдашь,
Я здѣсь осуждена подѣ стражею страдашь!

Хотя я нѣкую часть волюности имѣю,
И опѣ привычки злой претерпѣвать умѣю.
А шамъ. - - увы! - - -

АСТРАДА.

А шамъ ошпачочный предѣлъ,
Гдѣ множество еще во власти вашей селъ,
Наслѣдіе пвое: а ты воздвигнешъ племя
Безчадному опцу; уже приходитъ время
Тебѣ достойнаго супруга получитьъ,
И падшій родъ опять опѣ низкихъ опличить.
Ты будешъ машь - - -

ОСНЕЛЬДА.

Молчи, не представляя мнѣ браковъ,
Нещасной мнѣ, жѣ пому ни малыхъ нѣтъ признаковъ;
Довольно: я хочу изъ сихъ прошивныхъ мѣстъ.
О жалостна спрана! о горестный опѣздѣ!
Толкуй мои слова, толкуй мои напасти,
И сожалѣй о мнѣ въ шакой суровой часпи.

АСТРАДА.

Поняпи не могу сей шайны пвоея.

ОСНЕЛЬДА.

Теперь опкроешь тебѣ душа моя,
Но акѣ! обѣмлетъ спыдѣ, все мысли днесъ мяшущя.
И рѣчи во ушакѣ безгласны ошпачущя.

АСТРАДА.

Никакъ постигаа я? любовь - - -

ОСНЕЛЬДА.

Прилично ль мнѣ
Ея заразы знашь, въ печальной сей спранѣ?
О помѣ ли помышляшь Оснельдѣ надлежало?
Но акѣ! вошло во грудь сіе зменно жало.
Ты сказывала мнѣ опцово жишпѣ,
И многожды при помѣ плачевно бышпѣ,

Какъ смерть голодная народы пожирала,
 И слава многихъ лѣтъ въ одну минушу пала.
 Благополучный Кій побѣду одержалъ,
 Родилель мой тогда въ пустыни убѣжалъ;
 Въ опчаяннѣ своемъ превожась, унывая,
 Озеры на конѣ и рѣки преплывая,
 Съ оставшимъ воинствомъ лѣсъ, горы преходя,
 Разбитъ и побѣжденъ изъ степи въ степь блудя.
 Моя спеняща мать сыновъ своихъ лилася,
 Въ послѣдокъ и съ своимъ супругомъ разлучася,
 Услыша злую вѣсть, что Кій какъ вѣтеръ прахъ,
 Народы размѣшавъ во градскихъ ужъ врагахъ,
 Лице горчайшими слезами омывала,
 И кровь свою своей рукою проливала,
 И лобызаячи вполсѣднѣя меня,
 Скончала бѣдну жизнь, въ сонъ вѣчный премѣня.
 А я въ плѣненіе се низвергшись году,
 Не помню ни отца, ни матери, ни роду;
 Однако кровь во мнѣ во всѣ шестнадцать лѣтъ,
 Какъ помнишь я могу, опмищенье вопіетъ.
 Я сказанное мнѣ плачевно время вижу,
 И рода моего убійцу ненавижу;
 Но ахъ! Хоревъ въ тѣ дни хопя младенецъ былъ,
 Онъ Кію братъ, увы! - - - а мнѣ, Астрада, милъ.

АСТРАДА.

Искореняй сей ядъ, отецъ тебя желаетъ.

ОСНЕЛЬДА.

Мнѣ памятенъ мой долгъ; пускай сей огонь нылаетъ;
 Какія бѣ надобно суровости имѣшь,
 Когда бѣ отца могла и не хотѣла зрѣть?
 Оснельда только симъ единымъ нынѣ льститъся;
 Но духъ, мой слабый духъ, и рвется и мушится.

АСТРАДА.

Давно ль, съ которыхъ дней ты знаешь ету спрашь,
И непорочный дужъ позналъ любви власть?

ОСНЕЛЬДА.

Шесть мѣсяцовъ уже, Аспрада, унываю,
И слезъ въ одрѣ моемъ потоки проливаю.
Достоинства ево и искренна любовь,
Противъ желанія зажгли незапно кровь.
Я спала на него охотѣе смолрѣши,
Не смысля, что иду въ неисходимы сѣши:
Искала, что бы мнѣ съ нимъ чаще купно бышь,
И время горести скоряе проводишь.
И спало безъ него вездѣ въ послѣдокъ скучно;
Желала, чтобъ была съ Хоревомъ неразлучно.
И въ то то время я узнала спрашь мою,
Которую еще по нынѣ я шаю.
Я злилась на себя за сей преступокъ грозно,
И каялась, но что! уже то было позно.

АСТРАДА.

А еспьли Кій отдастъ отцу тебя назадъ,
И будешь ты должна покинути сей градъ,
Возрадуешя ли родителя увидя?

ОСНЕЛЬДА.

Вѣраюсь; но жизнь мою возненавидя:
И горько веселъ сей единый будешь часъ,
Онъ веселу меня одинъ увидитъ разъ.
Но какъ то ужъ ни есть, мнѣ льститъ сія минута;
Поди, и извѣспись, уже ль судьбина люта
Назначила сей день Завлоха облегчить.
И вѣрь, хотя она стремится приключить
Жесткоу мнѣ тоску, и жалкую разлуку,
Я бодро шествую на ету злую муку.

Я В Л Е Н І Е ІІ.

ОСНЕЛЬДА одна.

КѢ чему вѣдешъ меня моя судьбина зла!
 КѢ такимъ ли днямъ любовь во мнѣ пыя кровь зажгла!
 Нецѣспливымъ временъ жестоки всѣ премѣны,
 О домъ опцевъ моихъ! о вы прошивны спѣны,
 Копорыми пришлецъ сей городъ оградилъ!
 Земля, вѣ которой Кій. кровавы поки хилъ!
 Мѣста, шоль много разъ слезами орошенны,
 Возлюбленнымъ моимъ Хоревомъ украшенны,
 Печалей и утѣхъ собраніе и смѣсь,
 Чѣмъ слабая душа обремененна днешь!
 Отверзи мнѣ врапа любезныя темницы,
 И выпусти меня за Кіевы границы!
 О честь! о долгъ! любовь! мой Князь! Родитель мой!
 Дѣлите сердце днешь и рушьте мой покой!
 А ты, о естество! терпи случаевъ ярость,
 И бременемъ своимъ нецѣспливую старость
 Попущися ободрить, какъ бѣдной небеса
 Дадутъ на жипельство дрѣмучія лѣса!

Я В Л Е Н І Е ІІІ.

ОСНЕЛЬДА и ХОРЕВЪ.

ХОРЕВЪ.

Готовься кѣ радостямъ княжна вѣ сей день желанный,
 Ужъ часъ приближился шобой шоль часпо званный.
 Уже открылся пущъ тебѣ изъ здѣшнихъ спѣнь,
 Ступай и покидай мѣста сіи и павнѣ;

Родитель твой въ сей день тебя къ себѣ желаетъ,
 А Кій, мой братъ, на то уже соизволяетъ.
 Внимай изъ устъ моихъ желаемый отбѣздъ;
 Но оплачаяся изъ сихъ пропивныхъ мѣстъ,
 Которыя тебя въ неволѣ содержали,
 Когда дни щастливвы Завлоха пробѣжали,
 Хотя единою утробой я рожденъ
 Со княземъ, коимъ твой родитель побѣжденъ,
 Не спавъ меня врагомъ; мной сколько можно было,
 Несчастіе тебя подѣспражею щадило;
 Я щилъся оное вседневно облегчать - - -
 Ты плачешь; но къ чему такъ сердце опягчать?
 Или вспомнила ты Кіеву досаду?
 Но я пропивного не подавалъ я взгляду.

ОСНЕЛЬДА.

Я плачу, что тебѣ безсильна опслужить;
 Но вѣрь мнѣ, вѣрь мой князь, гдѣ я ни буду житьъ,
 Я милостей твоихъ во вѣки не забуду,
 И съ ними вспоминая тебя по гробъ мой буду.
 О солнце, кое здѣсь въ послѣдній разъ я зрю!
 О солнце! ты то зришь, отъ сердца ль говорю!
 Въ томъ ты свидѣтель будь, что имя милосерде,
 Доколѣ я жива, пребудетъ очень твердо.

ХОРЕВЪ.

Впослѣднія уже любезный слыша гласъ,
 И видя предъ собой тебя въ послѣдній разъ,
 Прошу тебя, скажи, скажи княжна драгая,
 Мои усердія въ умѣ располагая,
 Возмоги ли сердце я твое когда пронуть?
 И чувствовала ли твоя жопъ мало грудь,
 Тобой въ моей крови произведенный пламень?
 Но можноль воспалить огнемъ любовнымъ камень!

Я многожды тебѣ горячность открывалѣ,
 Копорою меня твоей сильно взорѣ перзалѣ:
 Открытіе сіе мя паче пятагило,
 Что слово на него ни разу не польстило;
 Но какъ красота мнѣ язву подала,
 И во опчаянномѣ умѣ моемѣ жила.
 Я чаялѣ, я рожденѣ къ единой только брани,
 Противниковѣ карашѣ, и налагати дани;
 Но богѣ любви побой ту ярость умягчилѣ,
 Твой взорѣ меня вздыхашѣ во славѣ научилѣ.
 Когда твои глаза надежду мнѣ давали,
 А безпристрастныхъ слова мнѣ сердце рвали:
 Я слабости своей спыдился и спеналѣ,
 И въ горести моей что дѣлати не зналѣ!
 Противѣ тебя противѣ себя вооружался.
 И пламень мой побой вседневно умножался.
 Я шцился много разѣ, дабы тебя забыть,
 И мнился иногда уже свободенѣ бытъ;
 Но вспомнивѣ, я опять то чувствовалѣ, что опрастенѣ.
 Сей гордый духѣ тебѣ спалѣ вѣчно бытъ подвластенѣ.

ОСНЕЛЬДА.

Ахѣ! князь, къ чему ужѣ то, что я тебѣ мила?
 Къ чему тебѣ желать, чтобѣ я склонна была?
 Не мучь меня, не мучь, не извлекай слезѣ рѣки;
 Ужѣ больше не выдашь тебѣ меня во вѣки.
 Когда тебѣ судьба прешитѣ меня любить,
 Спарайся ты меня изѣ мысли испребитѣ.

ХОРЕВѢ.

Коль любишѣ, такѣ скажи, исполнь мое желанье;
 Пускай останется хочѣ воспоминанье;

ОСНЕЛЬДА.

Люблю: - - - доволенѣ ли? поди изѣ глазѣ моихѣ,
 Оставь меня вѣ тоскѣ, останься вѣ мысляхѣ сихѣ.

Я всѣ вздыханія твои напрасно трачу.
 Мнѣ время отбѣзжать, а я лишѣ только плачу.
 Ищи другой любви; довольно въ свѣтѣ дѣвѣ,
 Которымъ будетъ милъ любезный мой Хоревъ.
 Люби, которая имѣть по щастье спанетъ.
 А та тебя по гробъ безъ слезъ не вспомнитъ,
 Которой ешу часть хотѣло небо дать,
 Чтobъ ей тебя по смерти любить и не видать.

ХОРЕВЪ.

Ты любишь, а меня смертельно поражашъ!
 Ты плачешь, а сама опселя отбѣзжаешъ?
 О боги! о княжна! имѣйте жалость днесъ!
 Пребудь надъ градомъ свѣтѣ! княжна, останься здѣсь!

ОСНЕЛЬДА.

Мой рокъ такой, чтobъ я Хорева покидала,
 И чтobъ ево во вѣкѣ опнынѣ не видала.

ХОРЕВЪ.

Вѣщаешъ о любви ты только мнѣ маня!

ОСНЕЛЬДА.

Какъ я тебя люблю, люби ты такъ меня:
 Или не вѣрь, имѣй неправедныя мысли,
 И мнѣ еще сію бѣду къ бѣдамъ причисли.
 Какихъ ты пребуши свидѣтелей глазамъ,
 Когда не вѣриши ты ни спону ни слезамъ!

ХОРЕВЪ.

Чего желается, и что намъ пользъ приятно,
 То кажется всегда намъ бытъ невѣроятно,
 И зрится какъ во снѣ; но о престрашный сонъ!
 Какое множество въ еемъ щастіи препонъ!

Приятныя часы! вы щедры мнѣ и люты;
 Какими я могу назвать сіи минушы?
 Нещастными почестъ? мнѣ много щастья вѣ нихъ.
 За щастливый припадъ? что злая минушъ мнѣ сижъ!
 Оснелда естляи бракъ любви не разрушаетъ,
 И должностъ пламени вѣ крови не усащаетъ;
 Почто швориши намъ другъ другу вѣчный спонъ?
 И что прешаствуетъ взойши тебѣ на прокъ,
 Который ждетъ меня? - - - Ты мнѣ не отвѣчаешъ;
 Иль скипетръ и вѣ моихъ рукахъ противнымъ чаешъ?

ОСНЕЛДА.

Престанъ себѣ, мой князь, надеждою сей льстимъ,
 И ахъ! престанъ, престанъ мой разумъ симъ мушимъ.
 Судьба меня съ тобой на вѣки раздѣлила,
 И тщетно насъ любовь съ тобой соединила.
 Какъ буду я имѣть вѣ одръ моемъ шово,
 Чей съ трона братъ опца низвергнулъ моево,
 И шрупы братіевъ моихъ влачилъ безстыдно,
 Взирая на престолъ Завлоховъ звѣровидно:
 Гражданъ безъ жалости казнилъ и разорилъ,
 И кровью нашею весь городъ обагрилъ?
 Оснелду вѣ пеленахъ невольницей оставилъ.
 Перунъ! почто меня опъ смерти ты избавилъ:
 А жизнь оставя далъ ты чувствовать честь?
 Или, чтобъ было мнѣ трудная иго несть!
 Мнѣ бѣ лучше умереть, какъ жиши во неволѣ,
 И зрѣши хищника на опческомъ престолѣ.

ХОРЕВЪ.

Сея ли рѣчи я изъ устъ любезныхъ ждалъ?
 Завлоха я еще, еще не побѣждалъ;
 Но можешъ быть - - - увы! ты плачь усугубляешъ,

ОСНЕЛЬДА.

Какія ты слова со мной употребляешъ?
 Довольствуйся моею ты слабостью, и рви
 Во мнѣ печальный духъ, жестокой, въ сей любви:
 Оставь невольницей Оснельду въ жизни слезной,
 Терзай меня, дерись съ отцомъ своей любезной:
 Оружье я сама пропивъ себя дала;
 Но вспомни ты, пово ль я чпя тебя ждала.
 Твоя рука еще Оснельду не губила;
 Такъ здѣлай, чтобъ она Хорева не любила.
 Разрушь враждой любовь, будь щасливъ, побѣждай,
 Вносишь моею бѣдой; лишъ только разсуждай:
 Пропивъ ково ты князь ко брани гнѣвъ сугубишь.
 Идешъ пропивъ тоя, которую ты любишь!

ХОРЕВЪ.

А естли твоей отецъ позволитъ на сіе? - - -
 Скончаешъ ли княжна мученіе мое?

ОСНЕЛЬДА.

Какую область ты имѣешъ надомною!
 Я злобъ не чувствую мнѣ сказанныхъ тобою.

ХОРЕВЪ.

Всесильны небеса! подайте помощь намъ,
 Оставьте духъ во мнѣ и свѣтъ моимъ очамъ!
 Завлоховъ будетъ родъ тобой опять восставленъ,
 И твой поносный плѣнъ моимъ вѣнцемъ прославленъ.
 А Кій препящствовать не будетъ намъ ни въ чемъ:
 И брань окончипся любовью, не мѣчемъ.

ОСНЕЛЬДА.

Изъ нашихъ подданныхъ, спѣнящихъ здѣсь во градѣ,
 Пошли съ сей вѣстію къ Завлоховой досадѣ,

Чтобъ вѣдалъ онъ, хоть я преступницей даюсь,
 Что я въ моей любви враговъ ево шаюсь,
 И только лишь съ побой единымъ согласилась.
 О небо! что за мысль въ мой слабый умъ вселилась!

ХОРЕВЪ.

Поди дражайшая, и грамоту готовь,
 Пиши къ родителю, что вложитъ въ умъ любовь.
 Изобрази отцу, стоящу въ ратномъ полѣ,
 Что кровь его опять здѣсь будетъ на престолѣ,
 И плѣнники своихъ покинутъ пятость узъ,
 Когда совокупитъ желанный насъ союзъ.
 Посолъ тебѣ въ сей часъ любезная предстанетъ.
 Увы! когда моя надежда мя обманетъ!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

КІЙ и СТАЛВЕРЪХЪ.

КІЙ:

Уже ль къ опшествію - - ?

СТАЛВЕРЪХЪ.

Гогово все шепеть,

Но ты обманамъ симъ не вѣрь, о князь! не вѣрь.
Съ опшествіемъ ея бѣда во градъ гогова,
Завлохъ приявши дочь не здержитъ данна слова,
И съ пою жъ яросью пойдетъ противу стѣнъ:
Брегися, государь, нечаянныхъ измѣнъ.

КІЙ.

Любезну зрѣши дочь чрезъ таковое средство,
Преобращая леся ему же въ пуще бѣдствѣю.
Что можешъ, разсуди, измѣнникъ учинишь?
Народъ безчисленный удобно ль возмутишь,
Въ копоромъ множество мнѣ сердцемъ покоренно?
Владычество мое любовью утверждено;
Меня мои раби непринужденно чшяшъ,
Мнѣ вѣрности давно ихъ внушренну являшъ.
Хопя моя рука опѣ старости слабѣшъ,
И хладна кровь во мнѣ силъ прежднихъ не имѣшъ,
Возлюбленный мой братъ, наследникъ мой и сынъ,
Соизволеніе прецедрыхъ мнѣ судьбинъ
Своею силою исполнишъ, и съ размаху
Противъ враговъ моихъ пойдетъ, какъ левъ безъ страху.

СТАЛВЕРЬХЪ.

Великій государь! но мужество ево
Ты будешъ ли имѣть на мѣсто своево?

КІЙ.

Сумнѣнїя въ помѣ нѣтъ. Спроптивыя сосѣды
По сѣверу гласятъ до волнѣ его побѣды.
Сармація дрожитъ руки его мѣча.
Орда какъ вѣпра прахъ бѣжитъ его плеча.
Недавно отъ него безспрашныя народы
Текли черезъ лѣса, чрезъ горы и чрезъ воды.
Казалось имъ, что онъ всю землю могъ попрысть,
И всю вселенную Россїи дать подъ власть.
Или что знаютъ всѣ, Спалверьху не извѣстно?
Дѣла Хорововы гласящя повсемѣстно.

СТАЛВЕРЬХЪ.

Весь сѣверъ знаетъ то; но онъ великъ себѣ:
Коль славенъ мужествомъ, поль вреденъ онъ себѣ.

КІЙ.

Хоревъ? - - - мой братъ? - - мой сынъ - - Хоревъ
меня обманетъ?
Опомнися: Хоревъ пропивъ меня воспанетъ?

СТАЛВЕРЬХЪ.

А естли будетъ такъ, что скажешъ ты тогда?
Раскаянне живетъ и поздно иногда.
Питай водами лавръ, доколѣ не увянетъ,
И скройся грозныхъ шучъ, доколѣ громъ не грянетъ.

КІЙ.

Чѣмъ можешъ ты меня Спалверьхъ увѣрить въ помѣ?
И предавщашъ ты, скажи, какой мнѣ громъ?

СТАЛВЕРЬХЪ.

Внемли, что я внималъ, и разсуждай безспрасно,
 Правдиво ли мое сумнѣнье или напрасно:
 Когда я шелъ сюда, Хоревъ опселъ шелъ,
 И изъ чертоговъ сихъ съ собой Оснелду велъ,
 Которая тебя убійцомъ называла,
 И плача вопъ какой совѣтъ она давала:
 Колю надобна, мой князь, тебѣ любовь моя,
 Такъ будь Завлоху другъ, а я по смерть швою.
 Услыша спранные, я топчасъ упалися,
 Чтوبъ ясно разговоръ начашый мнѣ опкрылся.
 Онъ ей опвѣщшвовалъ: что злѣй сего сказать!
 Я кровь опцовъ швоихъ внесу на пронъ опашъ!
 И возприявъ съ тобой спраны сего державу,
 Твой родъ возобновяю, воздвигну падшу славу.

КІЙ.

Сталверьхъ! ты вѣренъ мнѣ; но дѣло шаково
 Восходишь выше силъ понятья моего.
 Кому на свѣшъ семъ вдругъ вѣриши возможно?
 Хочу равно и ложь и истинну внимать,
 И слѣпо ни ково не буду осуждать.
 Мянусь и люшаго злодѣя видя въ горѣ.
 Князь кормщикъ корабля, власъ княжеская море,
 Гдѣ вѣтры, камни, мѣль препятствуюшъ судамъ,
 Желаящимъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
 Но часто кажущя и облаки горами,
 Делая вдалькѣ по небу надъ водами,
 Которыхъ кормщику не должно обѣгать;
 Но горы ль то или нѣшъ, искусвомъ разбирашь.
 Хоть все бѣ вѣщали мнѣ, шамъ горы, мѣли шамо,
 Когда не вижу самъ, плыву безъ спраха прямо.

ЯВЛЕНІЕ II.

КІЙ и ХОРЕВЪ.

КІЙ.

Прямай оружіе, се долгъ тебѣ зовешъ,
 И слава на поляхъ тебѣ съ побѣдой ждетъ,
 Котора много разъ вѣнды тебѣ сплешала,
 Когда твоя рука въ народы смершь мѣшала.
 Вели въ трубы гласишь, и на враговъ воспанъ,
 Киць въ вѣпры знамена и исходи на брань.
 Ступай и побѣди и возвратися славно,
 Какъ съ Скиескія войны подъ лаврами недавно.

ХОРЕВЪ.

Наукъ бранной ты Хорева самъ училъ,
 Я имя славное тобою получилъ.
 И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель, былъ вседневно,
 Спрашился ль я когда враговъ во время гнѣвно?
 Какъ спалъ ты немощенъ, я твоей намѣшникъ спалъ,
 И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
 Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
 И безпокойствовашь безскучно научился.
 Но сколько воиновъ смершь алчна пожрала?
 Возбудилъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
 Что въ мужество своемъ съ мѣчами въ рукахъ за-
 снули,
 И трубы ихъ въ крови противничей понули?
 Колико въ снѣдь звѣрямъ опцовъ, супруговъ, чадъ,
 Повержено мѣчемъ? колико душъ взялъ адъ?
 Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приносишь,
 Помремъ; но жертвы сей теперь она не просишь.
 Когда народъ спасти не можно безъ нея,
 Мы въ пропасть снидемъ все, и первый сиду я:
 Но нынѣ спреха нѣтъ народу и коронъ;
 А мѣчъ дается намъ лишь только къ сборонъ.

Часть III.

Б

КІЙ.

Когда Завлохъ дерзнулъ сей городъ осадить;
Такъ должно воинство ко брани учредитьъ.

ХОРЕВЪ.

Онъ дочери своей одной отъ насъ желаетъ,
А пропчее намъ все безбранно оставляетъ.
Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ щадилъ,
Что спалося, что вдругъ ты мысли премѣнилъ?

КІЙ.

Нѣтъ князь, нѣтъ на брань, не шу вина имѣешь,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь;
Твою я вижу мысль, и что въ умѣ швоемъ,
О чемъ ты съспиуешь въ смященіи всемъ:
Ты хочешь, чтобъ княжна свободу восприяла.

ХОРЕВЪ.

Хотя бы и того душа моя желала,
Чтобъ намъ во щинѣ, а ей во волѣ жить;
Желаньемъ симъ тебя могу ли прогнѣвить?
Щедра похвалы въ побѣдахъ умножаетъ,
И человѣчество въ душахъ изображаетъ.
Или подобился во бранныхъ дѣйствахъ намъ,
Въ пустыняхъ ужасно воющимъ звѣрямъ,
Которы ни какой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ бышь доваютъ.
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою пиемъ,
Когда по должности другъ друга мы биемъ,
И защищеніе съ опмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя ты лѣспи груба злу дала?
Убийство и грабежъ геройствомъ назвала!

КІЙ.

Но естѣли мщенія Оснелѣда не забудетѣ,
И ежели супругѣ ея шаковѣ мнѣ будетѣ,
Какѣ прежде былѣ Хоревѣ пренецующимѣ ордамѣ,
Текущимѣ отѣ него по блашамѣ и водамѣ?

ХОРЕВѢ.

Привыкшія давно народы побѣждаши,
Не могутѣ надѣ собой побѣды ожидаши.
А шы, о государь! не жди моихѣ измѣнѣ;
Вѣ сей часѣ, вѣ сей злѣйшіи часѣ, иду изѣ градскихѣ
спѣнѣ.
И ежели рука не дрогнетѣ среди бою;
Я буду подѣ спѣной сѣ Завлоховой главою.

ЯВЛЕНІЕ III.

КІЙ одинѣ.

Не лѣзя повѣрши, чшобѣ онѣ измѣнникѣ былѣ,
И чшо бы милоспи родинельски забылѣ;
Противу честноспи всегда любовь безмочна:
Хорехова душа чиста и непорочна.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КІЙ и АСТРАДА.

АСТРАДА.

Гласѣ трубный сѣ градскихѣ спѣнѣ полки на бранѣ
зовешѣ;
Или Оснелѣдѣ, князь, уже свободы нѣшѣ,

Котору ты хопѣлъ освободити съ чеспью?
 Она обманула надежды гнѣвной лестью,
 Надеждой усладясь, горчайши слезы льетъ,
 И очи возводя на небо вопіетъ,
 Чпобѣ небо сжалилось, чпобѣ боги смерть послали,
 И данную съ ей жизнь къ себѣ возвратно взяли.
 Оспавъ опмщеніе, не буди въ немъ поль швердъ,
 И сколько щасливъ ты, будь столько милосердъ.
 Опри опѣ глазъ ея ліющіяся рѣки,
 И вспомни, что и мы пакіяжѣ человекѣ;
 Хопя насѣ брани богѣ тебѣ и покорилъ,
 И щасье наше взявъ, имѣ Кіа одарилъ.
 И еспья ты ево понудишѣ прогнѣвисья;
 Такѣ можетѣ и тебѣ подобное явисья.
 Благая смерпнымѣ часть хвалы не принесетъ,
 И щасье и бѣды всѣмѣ небо подаетъ;
 Однимѣ лишѣ шѣмѣ тебѣ прослависья удобно,
 Что добродѣшеленѣ, и царствуешѣ незлобно.

КІЙ.

Я ею огорченѣ; довольно и шого
 Блаженства нынѣ ей опѣ гнѣва моего,
 Чпо вольности ея оспавшей не опѣмляю:
 Я больше жалобы Оснельдиной не внемляю.

(Отходитъ.)

АСТРАДА.

Пошлите казни всѣ на мя, о боги! вдругѣ,
 И выньте изѣ меня спѣсенный въ шѣлѣ духѣ!

ЯВЛЕНИЕ V.

ОСНЕЛЬДА и АСТРАДА.

АСТРАДА.

Нѣтъ помощи нигдѣ, спасенія не видно;
 Къ уши опиврашиаѣ отъ жалобы безопыдно;
 Надежды больше нѣтъ: любезный пвой Хоревъ
 Эбиграешъ воинство рыкая шакъ какъ левъ.

ОСНЕЛЬДА.

Хоревъ въ ружьѣ! о льстецъ! и ты вспаешъ безчинно
 На сердце, кое, ахъ! ни въ чемъ тебѣ не винно;
 Но вино предъ опцемъ, что ты ему спалъ милъ.
 Противу совѣсти, когда въ шомъ долгъ прешилъ.
 Пускай бы къмъ инымъ рвалась моя упроба,
 И опверзалась мнѣ рукой иной дверь гроба,
 А по побой, побой, ково я толь люблю,
 Последнюю мою надежду я гублю.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ХОРЕВЪ, ОСНЕЛЬДА и АСТРАДА.

ОСНЕЛЬДА.

Смотри и веселись спраданьями моими,
 И буди восхищенъ заразами прямыми.
 Отдай шу власти часть, копору мнѣ сулилъ,
 Ругаеъ надъ мной, что въ правду будешъ милъ.

ХОРЕВЪ.

Скажи и научи, что мнѣ сказать драгая,
 Отъ повелѣнїя мнѣ данна избѣгая?
 Безъ разсужденїя я все сказать хочу,
 И мѣчь въ влачилище предъ войскомъ обращу:
 Бесчестье только я безсиленъ лишъ носить:
 Сего дражайшая мнѣ легче смерть вкусити.
 Безчестїемъ тебѣ кто спашетъ угождать,
 Достоинъ ли, скажи, побою обладать?
 Съ безславьемъ смѣшенна любовницѣ услуга,
 Помысли, какова сулитъ ей дасть супруга.

ОСНЕЛЬДА.

Ступай и побѣждай, не буду я прешить,
 И не стараюся твоихъ побѣдъ записатьъ;
 Но взглянешъ ли на лавръ веселыми глазами,
 Который орошенъ моими весь слезами?

ХОРЕВЪ.

Пошлите боги смерть, скорлїи мой духъ извлечь!
 И выньте изъ руки моей кровавый мѣчь!
 Чтобъ слава многихъ лѣтъ мгновенно не упала,
 И честь моя къ стыду въ любви не утопала:
 Иль истребите вы во внутренней любви,
 И лишъ къ одной войнѣ воспламеняйте кровь.

ОСНЕЛЬДА.

Почто богамъ, почто о помощи вѣщаешь?
 Уже и безъ того любви не ощущаешь;
 Когда бы рокъ тебѣ любилъ меня велѣлъ,
 Такъ ты бъ тогда меня и слезъ моихъ жалѣлъ,
 Которы предъ собой въ опчальнїи пращу:
 Ты въ ярости своей не видишь какъ я плачу.

ХОРЕВЪ.

Не вижу! ахъ княжна! когдабъ ты зрѣшь могла,
 Какимъ ты пламенемъ Хоревовъ духъ зажгла,
 Какъ я опѣ сей любви шеперь изнемогаю,
 И что къ опчаянью побою прибѣгаю:
 Я вѣдаю, чтобъ ты престала гнѣвъ имѣть,
 И спала бѣ обо мнѣ несчастномъ сожалѣть.
 Въ какой, въ копорой день, и коею звѣздою,
 Оснелъда, восхищенъ спалъ слабый духъ побою!
 И кое варварство мнѣ участь навела,
 Что ты въ такія дни мнѣ спала бышь мила!

ОСНЕЛЪДА.

Довольствуйся однимъ ты мужеспвеннымъ боемъ;
 И естли славно быть такимъ тебѣ героемъ,
 Чтобъ ты не умягченъ любезной покомъ слезъ,
 Оружіе свое на кровь ея вознесъ;
 Насыть швой алчный мѣчъ, напейся кровью жадно;
 И ежели еще оружье будетъ гладно,
 Вонъ грудь моя, вонзи мѣчъ острый ты въ нее,
 И въ гнѣвъ извлеки дыханіе мое,
 То сердце умершвивъ, тебѣ копоро мило,
 И умираючи еще себя любило.

ХОРЕВЪ.

Когда я въ бѣдственныхъ люшѣйша дня часахъ
 Какъ ширѣ кажуся быть воспишанный въ лѣсахъ;
 Такъ вѣдай, что меня во градъ съ кровава бою
 Внесушъ, и мершвого положашъ предъ побою.
 Не извлеку мѣча, хотя иду на брань,
 И раздѣлю живопъ тебѣ и долгу въ дань.

ОСНЕЛЪДА.

Живи, не погибай воспоминашемъ вздоха,
 Лишь шолько пощади въ ераженіи Завлоха.

И естѣли милосердѣ во брани будетѣ рокѣ,
 Какѣ можно уменьшай люющійся попокѣ
 Кровей моихѣ людей, когда преидетѣ ихѣ сила,
 И вспомни, что о томѣ съ слезами я просила.

ХОРЕВЪ.

Имѣй надежду въ томѣ, и мысли пѣ имѣй,
 Что я иду на брань по должності своей,
 И что Хоревѣ сію брань самѣ уничтожаетѣ.
 Не ягось, не вражда меня вооружаетѣ. - - -
 Но можетѣ быти вѣспь приятна поспѣшишѣ.
 Котора брани гнѣвѣ въ народахѣ упишишѣ. - -
 О время! ахѣ! за что ты намѣ столько строго!

ОСНЕЛЬДА.

Или за то, что мы другѣ друга любимѣ много!

Конецѣ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОСНЕЛЬДА одна.

Скрывай свою печаль, скрывай и уполай,
И воздыханіе какъ можешъ удаляй.
Се предсказаніе сердечно совершилось,
И сердце своея надежды ужъ лишилось.
Желающа любви спыжуся узъ ея.
Спрадай пеперь душа, спрадай душа моя!
Печальный мя опвѣнѣ родипельскою власпью,
Терзаетъ съ стороны, съ другія мучусь спраспью,
Съ обѣихъ спранѣ напасъ, нѣтъ помощи нигдѣ.
Гдѣ скрыться? что начать въ несносной сей бѣдѣ?
Подверженна пеперь родипельскому гнѣву,
Какую вѣспь скажу любезному Хореву?
Вопѣ часть Оснелдына: о солнце! о луна!
Къ чему, увы! къ чему родилася оца!
Оставленна въ спыдѣ, оставленна во гнѣвѣ:
О младость! о краса, дающа гордость дѣвѣ!
Прельщающа шѣнѣ! вреднѣйшій дѣвамъ дарѣ!
Мнѣ пы, ахъ! пы дала жестокой сей ударѣ.
Порокъ и щасливымъ бываенѣ въ жизни вреденѣ;
А кто нещасливѣ, шотѣ и безѣ пороковѣ бѣденѣ.
А я въ дни бранныя на свѣшѣ произошла,
Позналася въ бѣдахѣ, въ неволѣ возросла,
Спеню безпомощно, крушуся безнадежно,
Ліется въ жилахѣ кровь превожа духѣ мяшяжно:
Терплю и мучуся безѣ всякихъ обогонѣ;
Ну людямѣ, ни богамѣ не жалостенѣ мой спецѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ОСНЕЛЬДА и АСТРАДА.

ОСНЕЛЬДА.

Прочти сіе письмо, зри новыя напасти,
 Что я не возмогла преодолѣти спраси.
 Какая ешо казнь!

АСТРАДА.

Покорствуй временамъ.

Раскается попомъ родителемъ пивой и самъ.
 Не сѣшуй; все прейдетъ, когда душа въ чемъ права.

ОСНЕЛЬДА.

Хотя душа чиста, но погибаетъ слава.
 И можетъ быть ужъ я дѣйствительно грѣшу,
 Что я въ дѣвичествѣ симъ пламенемъ дышу.
 А свѣтъ, превращенный свѣтъ шого не разсуждастъ,
 Не праведнымъ судомъ, но злобой осуждастъ.
 О нравы грубыя! о дни! о времена!
 Щедроша, истинна суть праздны имена.
 Злодѣйство въ жизни сей бесперестанно жаждетъ,
 А бѣдная душа живуща въ тѣлѣ спраждетъ.
 О чемъ жалѣемъ мы, что наша жизнь крапка,
 И чемъ намъ кажется она быть поль сладка?
 Приди желанна смерть! закрой слезящи очи!
 И раствори врапа Оснельдѣ вѣчной ночи!
 Но что сіе есть смерть? пороѣ изъ свѣта вонъ:
 Живонѣ мѣчтаніе и преходящій сонъ.
 А ты, о щасливыхъ дражайшая ушѣха,
 Любовь! проси; мнѣ нѣшѣ, мнѣ яшѣ въ тебѣ успѣха.
 Возлюбленнѣйшій зракъ! престань мѣчпашься мнѣ;
 Не пригвождай меня къ мучительной спранѣ!
 Не пригвождай моихъ смущенныхъ мыслей къ свѣшу,
 И щещно не давай приашнаго обѣшу!

Подите отъ меня вы нѣжны мысли прочь,
 Не представляйте мнѣ бѣдою пишу ночь!
 Не рушайте моего желаннаго покою!
 Да непрепещущей скончаю жизнь рукою.
 А ты родителю дай знать - - -

(Возноситъ руку съ приготовленнымъ
кинжаломъ.)

АСТРАДА отъземлетъ кинжалъ
изъ рукъ ея.

Дай смерть себѣ,
 Коль хочешь, чтобъ Хоревъ послѣдовалъ тебѣ.

ОСНЕЛЬДА.

Какое имя ты Аспрада вспоминаешь!
 Почто мои спези ко смерти препинаешь?
 Иль кажется тебѣ, что мало въ жизни мукъ?

АСТРАДА.

Но срамно умереть своихъ убійствомъ рукъ.

ОСНЕЛЬДА.

Когда нѣтъ власти надъ жизнью своею,
 Такъ что жъ оспался подъ властію моею?

АСТРАДА.

Хоревъ, которому сей градъ и вся страна,
 Спдастся въ власть, когда взойдетъ ево луна,
 И придутъ дни ево.

ОСНЕЛЬДА.

Хоревъ моимъ не будетъ,
 И упованія лишася, меня забудетъ:
 А честь владычества съ мною раздѣлитъ.
 Но ахъ! не по, не по споняши мнѣ велитъ:

Не скипетръ, не вѣнецъ мнѣ льстишь въ опцовомъ градѣ,
 Я съ нимъ готова бѣ жить была въ убогомъ снадѣ,
 Питаться быліемъ, едину воду пить.
 Хотѣла одного, чтобъ полъко съ нимъ мнѣ быть.
 Но что я зрю! увы!

Я В Л Е Н І Е III.

ХОРЕВЪ, ОСНЕЛЬДА и АСТРАДА.

ОСНЕЛЬДА.

Неласлива я въ свѣтѣ!

АСТРАДА.

Взгляни на сей кинжалъ, и мысли, что въ отвѣтъ
 Къ княжнѣ написано.

ХОРЕВЪ.

Того ль я, боги, ждалъ!

(Читаетъ письмо.)

АСТРАДА во время чтенія.

Ково любовный жаръ толико повреждалъ!
 Надежду окончавъ въ минуты жизни слезной,
 Едва не скрылась ты въ опчаянія безной.
 Владычица моя во мракъ тебя звала.
 Къ сему ли варварству краса твоя дѣла?

ОСНЕЛЬДА Хореву.

Мнѣ ты виною въ томъ и склонность запрещенна,
 А я по самый гробъ, мой князь, тебя лишенна

ХОРЕВЪ.

Лишена? ахъ княжна! предсавъ себѣ: кому
Ты епо говоришѣ: Хореву своему.
Вишь нѣшѣ любовнику сего жесточе слова!

ОСНЕЛЬДА.

Не сѣшуй, помогай.

ХОРЕВЪ.

О время рока злова!

ОСНЕЛЬДА.

Коль любишѣ пы меня, такѣ честь мою люби;
Коль нѣшѣ, опѣемли честь, опѣемли жизнь, губи
Любезную свою; слезѣ больше не имѣю,
И больше умоляшѣ Хорева не умѣю.

ХОРЕВЪ.

Какой пы помощи, княжна, желашѣ мной!

ОСНЕЛЬДА.

Тебя любезный зрѣшь мнѣ ставишѣ виной.
Опецѣ мя, давѣ мнѣ жизнь, ушѣхѣ ея лишаетѣ;
Распанься, князь, со мной, коль рокѣ любви мѣшаетѣ.

ХОРЕВЪ.

Но коимѣ образомѣ распанься пы велишѣ?
Подай скорее смерть, котору пы сулишѣ.

ОСНЕЛЬДА.

Ахѣ! нѣшѣ, живи; но днесъ оставъ надежду дальну,
И больше не смущай словами мысль печальну.
Не говори пѣхѣ словѣ, которы слабяшѣ умѣ,
И больше не имѣй о мнѣ любовныхѣ думѣ;
Оснельду ими пы лишѣ больше огорчашѣ.

ХОРЕВЪ.

Въ копорую спрану нещастна отлучаешъ?
 Въ копорый свѣша край мя хочешъ отдалить?
 Въ какой пустынь мнѣ велишъ пы слезы лишь?
 Копорыя мужамъ хощя и неприличны,
 Но еспыли гореспы обымупъ необычны;
 Вздыханіе и спонъ удобно извлекупъ,
 И слезы изъ очей неволей попекупъ.

ОСНЕЛЬДА

Возлюбленный мой князь! я по ли предпринимаю,
 Чтобъ пы для плѣбаницы свою оставилъ землю!
 Прославленъ храбростью, гражданами любимъ,
 И въ младоспи своей врагамъ ужасенъ зримъ,
 Останься, гдѣ живешъ, и защищай границы;
 Но подзрѣваему чеспь юныя дѣвицы,
 Любовницы свсей опрабиси ей дай:
 Пуспи меня къ опцу.

ХОРЕВЪ.

Помысли, разсуждай,
 Могуль я симъ тебѣ свободу приносиши?
 Что будешъ обо мнѣ тогда весь градъ гласиши?
 Что скажешъ пы сама? какой примѣръ я дамъ
 Державы своей подверженнымъ рабамъ?
 Тѣ люди, коими законы сотворенны,
 Закону своему и сами покоренны.
 Ты имя мнѣ мое велишъ теперь губишь:
 Иль можешъ пы попомъ измѣнника любишь?

ОСНЕЛЬДА.

Инь мучь безъ жалоспи любовницу нещастну,
 И умерщвляя меня всѣмъ сердцемъ спраспну!

ХОРЕВЪ.

Я симъ величество швое изображу,
И послѣ самъ себя на тронѣ посажу.
Потомки возгласятъ, что я владѣлъ странюю,
И власпвовалъ собой, пы власпвовала мною.

ОСНЕЛЬДА.

Пресподѣ мой кажешя бѣжати опѣ меня.
На что обманывашы нещаспную мяня?
Попомки возгласятъ, что пы меня оставилъ
Вѣ спыдѣ, копорымъ пы, пы самъ меня безславилъ.
И такъ погибнешъ ша мечпашельная чеспъ,
А я умру вѣ плѣну, возможно ли по снешъ!
Вѣ спыдѣ влачипи жизнь, по смерпъ порокъ шерпѣши,
И при концѣ сію мысль люпую имѣши,
Что я съ бесчеспіемъ на свѣшѣ семъ жила,
И съ нимъ кончаюся.

ХОРЕВЪ.

Бина спыда мала;
Кѣ чему природа насъ безвредно понуждаешъ,
Тѣ спраспи вѣ насъ одно злодѣйштво охуждаешъ.

ОСНЕЛЬДА.

Сей спраспи все прешитъ. Когда родипель мой
Для дщери своея разрушилъ свой покой:
Пришелъ изъ дальныхъ странъ кѣ поперяцному граду,
Найти при старости послѣднюю опраду,
Ни блапа, озера, ни степи, ни лѣса,
Ни горы каменны, ни мрачны небеса,
Остановилъ ево не возмогли вѣ походѣ;
И шаковую ль мзду воздамъ своей природѣ?
Такія ли, увы! произраспшатъ плоды
Желанію ево подѣяштыя шруды?
За то, что онъ родилъ, ево врагомъ я спала,
Когда онъ былъ вѣ шрудахъ, я вѣ роскоши держала,

СЪ КЪМЪ ОНЪ ВСПУЩАЕТЪ ВЪ БРАНЬ, ПОВО ИПЕРЬ ЛЮБЛЮ:
КОЛМКО БЪДЪ Я ВДРУГЪ, ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ, ПЕРПЛЮ!

ХОРЕВЪ.

О время! о часы!

ОСНЕЛЬДА.

О вы случаи люпы!

Скончайте мнѣ скорѣй поль горькія минушы!

ХОРЕВЪ.:

Се слышу гласъ трубы зовущія на брань.

ОСНЕЛЬДА.

О небо! операшн свой громъ! иль праздно грянъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХОРЕВЪ, ОСНЕЛЬДА и ВЕЛЬКАРЪ.

ВЕЛЬКАРЪ.

Полки всѣ собранны къ шеченію изъ града,
Завлохъ у самыхъ стѣнъ, и зачалась осада.
Скрежещущая смерть взмахнула ужъ кзсу:
Оставъ шеперь, оставъ возлюбленну красу.
Во всемъ спремленнн смерть ко граду приближенна,
И все являетъ шо на насъ вооруженна,
Чшо шолько можешъ женъ ко шрепъшу привлечь,
И мужески сердца воздвигнушь и зажечь.
Сшупай, о государь! спшупай на рашно поле:
Или погибнешъ все! спшупай не медди болѣ.

ОСНЕЛЬДА.

Возможно ли сіе смяшеніе снести!
Прости любезный князь! в послѣднія прости.

ХОРЕВЪ.

Надѣйся, что сіе нещасье прекратится,
И что къ тебѣ Хоревъ на радость возвратится.
Жалѣй сихъ слезъ, жалѣй, копорыя ты льешь!
А ими изъ меня спѣсненнѣй духъ влечешь.
Не плачь столь горестно, не сѣлуй безъ оправды;
Ахъ! либо и преидуть часы сея досады.

ОСНЕЛЬДА.

Могуль не плакать я въ случаяхъ таковыхъ?
И можешъ ли жалѣть ты больше слезъ моихъ,
Когда швой правый гнѣвъъ прошивъ меня пылаешъ,
И ахъ! прошивъ меня ко брани посылаешъ?

ХОРЕВЪ.

Прости, и умѣрай шоску, животъ храня.

ОСНЕЛЬДА.

Разверзися земля и поглотитъ меня!

Конецъ шрешьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

КІЙ и СТАЛВЕРЬХЪ.

КІЙ.

Что войско дѣлаетъ?

СТАЛВЕРЬХЪ.

Хоревъ пошелъ изъ града,
И вся російскаго престола съ нимъ ограда.
Подъяло воинство граждански бремена,
Уже распущены по въпрамъ знамена.
Зовущія на смерть по накрамъ громки бои,
Являющъ каковы російскія герои,
И что въ пригодѣ нѣтъ такъова ничево,
Чтобъ въ ужасъ привести въ полкахъ могло ково.
Вы сами скажете державы сей сосѣды,
Колики одержалъ надъ вами Кій побѣды.
Копорая земля прославилася такъ?
Здѣсь воинъ въ брань идетъ, подобно какъ на бракъ.
Какъ быстрая рѣка лѣся чрезъ долины,
Что встрѣшитъ, все влечетъ съ собой въ морски пучины:
И разліяніемъ валъ къ устью горделивъ,
Отъземлетъ брегъ попя плоды съ далекихъ нивъ.
Таковъ естъ нашъ народъ въ сраженіи жестокомъ,
Хоть смерть въ очахъ ево, онъ зрѣтъ безспрашнымъ
окомъ.
Но ежели въ сей день иная будетъ вѣсть?
О братство звѣрское! о пагубная лѣсть!

КІЙ.

Знать рѣчь Оснелдына пришла тебѣ невнятно,
 И брагнне слово къ ней услышилось превратно.
 За малодушіе князь видѣлъ Кіевъ гнѣвъ,
 И бывъ любовникомъ спалъ паки бышь Хоревъ.

СТАЛВЕРЬХЪ.

Почто, о государь, смягчилъ ты сердце гнѣвно?
 Ты будешь помниши прошедшій гнѣвъ вседневно.

КІЙ.

Такъ хочешь ты, чшобъ я въ враждѣ съ Хоревомъ
 былъ.

Или бѣ ево на смерть во гнѣвѣ осудилъ,
 И всѣ дни сѣповалъ оставшаго мнѣ вѣка?
 Довольно слезъ лила мнѣ смерть любезна Щека:
 Ты вѣдаешь Спалверьхъ; что средній сей нашъ братъ,
 Какъ сей въ осадѣ былъ непобѣдимый градъ,
 Во мужесствѣ своемъ убитый подъ спѣною,
 Мнѣ люшой въ поржествѣ былъ ярости виною.
 Я башни размѣшалъ, и храмы разорилъ,
 И мѣсто, гдѣ онъ гибъ, я кровью обагрилъ.

СТАЛВЕРЬХЪ.

Теперь, о государь! еще есть нѣчто ново:
 Имѣю донести тебѣ важнѣйше слово.
 Темничный нѣкто спражъ передъ меня предспалъ,
 И вопъ, какое мнѣ извѣстіе сказалъ,
 Съ великимъ говоря усердіемъ и жаромъ.
 Единъ изъ плѣнныхъ былъ освобожденъ Велькаромъ,
 Который выпускъ сей побою объявилъ,
 Что бунто плѣнникъ сей передъ тебя званъ былъ:
 Попомъ съ Велькаромъ онъ опять у нихъ явился,
 И въ узы прежднія въ шемницѣ заключился.

Но стражи, кои градъ и стѣны сперегутъ,
Изобличеніе яснѣйшее дають:
Велькагъ имѣ далъ приказъ врага отверсти стѣшно,
И плѣнника пустилъ изъ града безпомѣшно,
Довольно ли сего ко обличенью дѣлъ,
Въ копорыхъ ты мой князь мнѣ вѣрить не хотѣлъ?

КІЙ.

Представь свидѣтелей предъ княжескія очи,
И будемъ ожидать сея ужасной ночи,
Котора вознесетъ на небо свой покровъ,
Покрытъ невольниковъ во градъ безъ оковъ,
Въ которой блескъ вѣнца главы моей запымится,
И кровь невольничья съ геройской сѣдинится.
Съ какою кровію моя смѣсится кровь!
Что дѣлаешь ты, что проклятая любовь!
Представь.

ЯВЛЕНІЕ II.

КІЙ одинъ.

Когда Спалверхъ сказалъ сіе неложно;
Тачъ прона удержатъ ужъ больше не возможно.
Мѣтъ Россій на себя я нынѣ изосприлъ,
Врага и воинство изъ града испустилъ.
Мѣчи, которыя противъ враговъ блистали,
И стрѣлы, кои въ нихъ въ сраженіи лепали:
Герой и брѣтъ, о комъ толико я рачилъ,
И коего въ войнѣ безстрашію училъ,
На мя на самого жестокость обращаютъ,
И прону моему паденье возвѣщаютъ!
Но чтобы предварить толико люпытый громъ,
Да не низвергнуть въ адъ Хоревовымъ рабомъ;

Лишь только мѣчъ его сверкнетъ на ратномъ полѣ
 На Кіѣ возвращенъ, скончаюсь на престолѣ:
 А сей лютойшій ядъ пропивныхъ мнѣ кровей
 Оснелъду погублю, и снизу купно съ ней
 Въ подземныя мѣста, чрезъ мрачныя ступени,
 Чрезъ непреходный путь, во шьму гдѣ дремятъ тѣни.
 Не такъ: свирѣпая коль поль швой вреденъ взглядъ;
 Не жди побѣдъ, умри, предшешувуй мнѣ во адъ.
 Глаза твои, глаза прѣлестныя сомкнулся,
 Доколѣ на поляхъ побѣды не зачнущя.
 Еще мнѣ время есть представить во щещу.
 Надежду, молодость, любовь и красоту,
 Чтوبъ щастья твое сего ликуя не видала,
 Какъ съ Кіевой главы корона ниспадала,
 И чше Хоревъ - - -

Я В Л Е Н І Е ІІІ.

КІЙ, СТАЛВЕРЬХЪ и два СТРАЖА.

СТАЛВЕРЬХЪ.

Они изустно возвѣщаютъ,
 Въ Хоревѣ каковый таился лютой ядъ.
 Свидѣтельствующи нелицемѣрну службу,
 И недоспойную твою со брапомъ дружбу,
 Я жизнь его и часъ рожденія клянущу.
 Оставь, о государь, отъ ревности вину!

КІЙ.

Отъ истинны сея дрожатъ мои все члены.
 Какимъ стался, радомъ мой, измѣръ?

— 38 —
СТРАЖЪ пемницѣ.

Великій государь, намъ сказано еіе,
Что пѣнныи предѣстѣ передѣ лице швое.

СТРАЖЪ градскихъ стѣнѣ.

А я, какѣ посланну сѣ письмомѣ отседѣ побою,
Не удержавѣ ево ни мало предѣ собою,
Отверзѣ ему врага и далѣ свободный пушь.

КІИ.

Или Сталверхѣ сіе обманѣ какой нибудѣ,
Отѣ стражей вѣ пагубу невинному Хореву:
Иль впрямѣ безсмертныи привелѣ я васѣ ко гнѣву!
О вѣрныи раби! вы духѣ мой весь помя,
Коль правду донесли не сѣшуйше на мя,
Что я о истиннѣ мнѣ сказанной сумнѣлся.
Хоревѣ! когда шаковѣ вѣ очахѣ моихѣ пы зрѣлся!
Какую злую мысль пы шцился расподитѣ!
Легколь владѣшело сѣ престола нисходитѣ,
Оставишѣ честь и санѣ, сѣ главы сложитѣ корону,
Лишася области подвергнушѣся закону,
И повелителю народовѣ бышѣ рабомѣ!
Гдѣ скрышѣ бесчестіе? о градѣ! о княжескѣ домѣ!
Пушитѣ убѣжатѣ мнѣ васѣ, умрѣши нынѣ,
Вѣ лѣсахѣ скончати жизнь и смерть прийтѣ вѣ пустынѣ:
Пусть кровію моею напьетѣ врагѣ вѣ лѣсахѣ,
И тѣло вѣ алчущихѣ исплѣветѣ тамо псахѣ..
Но гдѣ невольникѣ сѣи мнѣ должно извѣститѣся.

СТАЛВЕРХЪ немногѣ отошедѣ.

Войди вѣ черпогѣ сюда предѣ княземѣ обличитѣся.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и НЕВОЛЬНИКЪ.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Окамененнымъ мя вина моя пворитъ.

КІЙ.

Нещастный говори; кто правду говоритъ,
Того судъ праведный щедрѣе обвиняетъ:
Кій гнѣвный казнь свою въ пощадѣ премѣняетъ.
За чѣмъ ты посланъ былъ во вражескій мнѣ станъ?
Какой имѣлъ приказъ? и къмъ приказъ былъ данъ?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Велькаромъ свободженъ нечаянно темницы,
Представленъ предъ глаза нещастныя дѣвицы.
Котора иногда княжна моя была,
Котора и въ плѣну своимъ рабамъ мила,
Я грамошу опнесъ и возвращенъ съ отвѣтомъ:
А что въ нихъ писано клянусь предъ всемъ я свѣтомъ
Что мнѣ того ни кто, что въ ней не показалъ,
Клянуся жизнию, что правду я сказалъ.

КІЙ.

При отправленіи какія рѣчи были?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Я долженъ все сказать, то, что ни говорили:
Княжна при опускѣ велѣла объявить,
Что чаешъ симъ она на княжескъ тронъ взойшеть;
Но что бы дѣло то весьма сокрыто было,
И что бы воинство того не ощутило,
Доколѣ мѣры всѣ не возмущся къ тому.
А князь отвѣстствуя по слову моему,

Сказати ей велѣлъ, во гнѣвѣ по вѣщая,
 Не зѣваю на кого ту ярость ощущая,
 Чтосѣ дѣлала она, то, что ей долгъ великъ.
 Сей плѣнникъ предъ тобой всю правду говоришь,
 А больше государь о дѣлѣ семъ не знаю.

КІЙ.

Сталверхъ, я рубль съ него сложишь повелѣваю,
 Сего довольно мнѣ, токѣ дѣйства видѣнъ весь,
 Изыдите отсель: а ты оспанься здѣсь.

Я В Л Е Н І Е V.

КІЙ и СТАЛВЕРХЪ.

КІЙ.

Что мы не въ спрөгоспи Оснелъду содержали,
 Вопъ съ милоспи плоды какія мы пожали.
 А ты о люпый звѣрь, съ главы того вѣнецъ
 Снимаешъ дерзоспно, кто былъ тебѣ отецъ.
 Лъзялъ чайтъ было мнѣ чтосѣ дѣлалъ ты измѣны!
 Падише на меня о вы черпожны спѣны,
 Которы видѣли младенчештво ево,
 Что я ево роспилъ какъ сына своево!
 Не сына, но змею мнѣ время днесъ являетъ,
 Которая меня злымъ жаломъ уязвляетъ.
 Ни самый люпый пигръ полъ жестокъ можетъ быть,
 Но ахъ! къ чему слова въ сей крайности плодись!
 Введи княжну сюда окованну съ собою,
 Да мой умножитъ гнѣвѣ жестокою судьбою,
 И милосердіе во злобу претворитъ,
 Которое о ней мнѣ въ сердцѣ говоритъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

КІЙ одинъ.

Казную чувствую я въ сердцѣ жалость болѣ!
 Или ее хочу оставить на престолѣ,
 Чпобѣ область воспріявѣ съ Хоревомѣ въ сей странѣ,
 За милосердіе она ругалась мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

КІЙ, СТАЛВЕРЪХЪ и ОСНЕЛЬДА.

ОСНЕЛЬДА.

Спѣши желаемый ко мнѣ мракѣ вѣчной ночи!
 Закройшеса скоряя мои слезящи очи!
 Казни, я милости просити нехощу!
 Казни, я горькій духѣ безспрашно испущу!

КІЙ.

Принудивѣ власть мою на мщенье правосудно,
 Ты въ шо меня ввела чпо щедролюбцамѣ прудно,
 И гнусно еспештву. Свирѣлая шбой взглядѣ
 Оставишѣ по тебѣ потомкамѣ вѣчный смрадѣ.
 Нѣмѣ, ты не отѣ людей на свѣшѣ произведена,
 Ты люпой львицею въ глухихѣ лѣсахѣ рожденна,
 Или воспипанна шпы шигринымѣ млекомѣ - - -

ОСНЕЛЬДА.

Преспань, о государь! во гнѣвѣ бышь шакомѣ,
 Или сверши шей гнѣвѣ, оставя брани, дѣломѣ,
 И разлучай мою несчастну душу съ шѣломѣ!
 Когда прошишѣ тебѣ содѣлала я чпо,
 Я вся въ тѣснѣ рукахѣ, карай меня за шо!

КІЙ.

Не умножай во мнѣ ты больше гнѣва люта!
И такъ шгоя пришла послѣдняя минуша.
Хотя вѣ Хоревѣ ты измѣнника нашла,
Не думай что бы ты на Кіевѣ пронѣ взошла.

ОСНЕЛЬДА.

Хоревѣ измѣнникѣ спалѣ! Хоревѣ тебѣ невѣренѣ!
Ахъ князь! твой жаркой гнѣвѣ напрасенѣ иль чрез-
мѣренѣ.

КІЙ.

Ты хочешъ оправдить измѣнника сего,
Врага опечества и друга своего?
Спрашись.

ОСНЕЛЬДА.

Не мни, чтобъ я свирѣпствѣ твоихъ боялась:
Или бы съ жизнію скорбяща распавалась.
Я вѣ бѣдности, вѣ плѣну, я вѣ узахъ вѣ сей странѣ;
Но смерть преѣбгуща приблизится ко мнѣ,
И робко разлучитъ мое съ душею тѣло,
Увидючи меня на гробѣ мой зрящу смѣло.
Спремися жизнь опниашъ, спремися, погубляй,
И всѣ свирѣпости свои на мнѣ являй!
Ты можешъ покарать, коль хочешъ, мя безвинно;
Но ахъ! прошивѣ ево вставашъ тебѣ безчинно.

КІЙ.

Но сожаленіе толкое о немѣ
Родилось ошѣ чего, вѣ плѣненіи твоемѣ!

ОСНЕЛЬДА.

Одна ль ево чпу я? онѣ милѣ всему народу,
А мнѣ содержанной вѣ плѣну, давалѣ свободу.

Не симъ ли, государь, ты тако прогнѣвленъ,
 Что сей герой легчилъ несчастной дѣвы плѣнъ?
 Но ты все съ нами былъ, и все то прежде видѣлъ;
 Что здѣлалось, что насъ ты вдругъ возненавидѣлъ?
 Я плѣнница, но въ чемъ виновенъ сей герой?
 Ахъ! развѣ въ томъ что шелъ противъ меня на бой?

КІЙ.

Хоревъ съ побой, меня съ престола свергнуть щцисся.
 Но щцетно то ему къ швоей надѣждѣ снился;
 Не буду я рабомъ - - -

ОСНЕЛЬДА.

Далеко отъ того:

Обманываешся.

КІЙ.

Такъ для ради чего
 Невольникъ посланъ былъ Велькаромъ свободенный:
 Къ бездѣльству швоего Хорева учрежденный?

ОСНЕЛЬДА.

Ты самъ себя бранишъ невиннаго браня:
 Довольно и того, что ты видишъ меня!
 И я молчаніе невольно оставляю,
 И таинство души предъ всѣми объявляю:
 Твой братъ мнѣ милъ, и я мила ему равно,
 Любовь сія въ сердцахъ несчастливыхъ давно.
 И ежели она во гнѣвъ тебя приводитъ,
 Пускай отмщеніе на мя одну исходитъ.
 Я дщерь Завлохова, такъ ты врагомъ мя числь,
 Не мни лишъ ты, чтобъ онъ имѣлъ шоль злую мысль.
 За шѣмъ къ родителю Оснельда посылала,
 Что брата швоего въ супружество желала;
 Но ахъ! родитель мя къ тому не допустилъ;
 Завложъ Хорева мнѣ любви воспретилъ.

КІЙ.

Яви мнѣ грамоту, я прежде не повѣрю.

ОСНЕЛЬДА.

Клянуся всемъ что есть, что я не лицемерю:
 А грамота сія тогда же раздрана,
 Когда печальная мной вѣсть получена;
 Чтobъ я въ пролезлости, копору здѣлашь смѣла,
 Изобличенія передъ глазами не имѣла.
 Казни меня, казни, и смертью запуши
 Воспламенение несчастныхъ души;
 Лишъ ахъ! въ опмщеніи имѣй ты мѣру гибва,
 И сей возжженный огонь оставъ въ крови Хорева.
 Но о дражайшій князь! можешъ ли ты снесшь
 Услышавъ обомнѣ сію печальну вѣсть!
 Уже тебя я зрю слезами окропленна,
 Въ поскѣ, въ безпамятствѣ, въ напасти упопленна.
 Снеси возлюбленный, снеси печаль сію:
 Останься живъ, прими изъ ада шѣнь мою,
 Вмѣсти мой духъ въ себѣ во знакъ любви нелестной,
 И сопряги съ собой оспапокъ сей безвѣстной.
 Не дай мнѣ въ жалобахъ на Кіа пребывать,
 И шѣни, ахъ моей и шамо унывать!

КІЙ.

Но кое слово ты о Кіѣ износила,
 Какъ ты любезнаго о чемъ то шамъ просила?
 Мнѣ все извѣстно то.

ОСНЕЛЬДА.

Ахъ! развѣ томный умъ
 Исполненъ множествомъ моихъ печальныхъ думъ,
 Прешедшія бѣды, рабовъ моихъ желѣзы,
 И настоящу брань, мой всегдашни слезы,

КЪ смяшенію души спѣвающей представлялъ:
И нѣчто мой языкъ въ забвеніи являлъ.

КІЙ говоритъ Спалверьху нѣчто
на-ухо, Спалверьхъ выходитъ,
а Кій попомъ:

Не жди лукавая въ обманахъ сихъ успѣха;
Погибла вся твоя надежда и ушѣха,
И смерть твоя близка.

ОСНЕЛЬДА.

Чево мнѣ больше ждашь?
Но нечего уже мнѣ смерти злой опдашь;
Родительскій престолъ, владычество, держава,
Величество мое, и наша прежняя слава,
Давно въ твоихъ рукахъ; духъ воспрѣпишь смерть
гошовъ,
И взять ужъ нечего ей кромѣ сихъ оковъ.
На что мнѣ больше жить? безспрашно умираю.
Но ахъ! когда о томъ я мысли проспираю,
Что въ подозрѣніи останешся Хоревъ - - -
Смягчи, о государь, къ нему напрасный гнѣвъ!

КІЙ.

Ты кочешъ мнѣ еще предписывать ушавы?

ОСНЕЛЬДА.

Дѣла предъ свѣтомъ всемъ его являся правы,
И нѣтъ опасности мнѣ въ томъ о чемъ прошу;
Лишь симъ прошеніемъ невинность поношу.
Когда придешъ во градъ подъ лавровой короной,
Въ великолѣпїи на колесницѣ оной,
За коей плѣнниковъ нещасныхъ повлекушъ,
И между коими Завлоха нарекушъ:
Тогда ты варварство содѣлано вспомнѣшъ;
Но щедро обомнѣ тогда жалѣши спанѣшъ.

КІЙ.

Умри обманщица: вступише спражи къ ней.
Возмите.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КІЙ одинъ.

Вы хотя теперь душѣ моеѣ,
Въ глубокихъ пропастьяхъ спѣвнѣщія пираны,
И моющія слезъ попокомъ оны раңы,
Которы на земли прияпы сущь отъ васъ,
Подайте варварства на сей жестокой часъ;
Чтобъ могъ свершити я намѣреніе строга!
О слава! пронъ! вѣнецъ! вы стоите мнѣ много!

ЯВЛЕНІЕ IX.

КІЙ и СТАЛВЕРЪХЪ съ кубкомъ.

КІЙ.

Потай сей кубокъ ей: скажи се мзда ея,
Къ чему приведена теперь душа моя.
О боги, можете ль сію вы злобу видѣшь!
И небо и земля мя должны ненавидѣшь.
Но можно ли царю бесчестіе снести!
Ни какъ не лзя тебѣ Оснелда мнѣ спасти.
Между какими я уже въ числѣ князьями!
Я вашими иду мучители спезями.
Но лзя ли претоватъ, чтобъ я ее жалѣлъ!
Поди и исполняй, что я тебѣ велѣлъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

КІЙ одинъ.

О время шажкое порфиры и короны!
Законодавцу всѣхъ мудрый его законы.
Во всей подсолнечной грѣмитъ монарша спрость,
И превращается въ тиранство строга власть:
А милость винному, пресупнику прощенье,
Не рѣдко и царю и всѣмъ въ ошягощенье.
Но мѣры правоты всегда ли лѣзя найши,
По коей къ общему блаженству мочь ийши,
Потребно множество монарху проицанья,
Коль хочетъ онъ носить вѣнецъ безъ порицанья:
И естли хочетъ онъ во славѣ быти швердъ;
Быть долженъ праведенъ, и строгъ и милосердъ,
Уподобляшися правителямъ природы,
Какъ должны подражать ему ево народы.
Но коей радости въ побѣдѣ нынѣ жду?
Ночте въ желанный гробъ шоль мѣдленно иду?

ЯВЛЕНІЕ II.

КІЙ, ВЕЛЬКАРЪ съ Завлоховымъ мѣчемъ,
и нѣсколько воиновъ съ нимъ.

КІЙ.

Что вижу я!

ВЕЛЬКАРЪ.

Се мѣчъ Завлоха побѣжденна,
Опдался плѣнникомъ Хореву принужденна.

КІИ, единому изъ воиновъ.

Бѣги скоряй къ княжнѣ, къ владычицѣ своей,
Къ невѣстѣ княжеской: скажи свободу ей,
И чѣмъ Спалверхъ пришелъ.

ВЕЛЬКАРЪ.

Скончавши днѣ ненастье,
Хоревъ сугубое въ сей день имѣетъ счастье!

КІИ.

Дай небо, чѣмъ ево онъ подлинно имѣлъ!

ВЕЛЬКАРЪ.

О еспыли бѣ, государь, дѣла ево ты зрѣлъ!
Еще полки на брань не двинулись изъ града,
Завлохъ ужъ былъ у стѣнъ, и началась осада.
Тронулось воинство; но ужъ у каждахъ врагъ
Спирался враги, бросая смерть во градъ.
Что сила мужества собраніемъ поздала,
Побѣда ждуща насъ, насъ страхомъ обудала.
И какъ уже Завлохъ во градъ войши хопѣлъ,
Хоревъ зря бѣдство то, прошивъ него лѣпѣлъ,
Встрѣчается: разитъ со мужествомъ премногимъ:
Такъ средь шумящихъ водъ волнамъ прошиваясь спрогимъ
Корабль опъсюду ждущъ погибелей своихъ,
Дерзаетъ на валы и попираетъ ихъ.
Ихъ стрѣлы, такъ какъ градъ прошиву насъ неслися,
Казалось, поля опъ ужасу пряслися.
Воспоминаніемъ прешеднѣя войны,
Гдѣ гибли чада ихъ, родились, жены,

Они на грозну смерть съ безстрашіемъ бѣжали:
 Лепѣли помереть и смерть уничтожили.
 Князь малое число людей съ собой имѣлъ,
 И прошивъ съ ними онъ великой бури шелъ.
 Хорева, дѣйствія безстрашны показали,
 Увидѣли враги, по онъ, по онъ, сказали:
 Мѣшались на него; но смерть на мѣстѣ семъ
 Ужасна имъ была съ Хоровымъ мѣчемъ.
 Жопя они ево опѣ всюду окружали,
 Но руки надъ головой ево съ мѣчами дрожали,
 Когда ихъ дерзоссти согрѣшивался рокъ,
 И лился опѣ мѣча оспрѣйна кровный шокъ.
 Несется страшный гласъ по воинству во градъ:
 Хоревъ сражается и у враговъ въ осадъ.
 Сей гласъ, спѣнящій гласъ, какъ нѣкій новый богъ,
 Воинскія сердца еще жарче жогъ.
 Приходишь новья во всѣ ихъ сила члѣны,
 И вмѣсто врагъ пуши шворяшь себѣ чрезъ спѣны.
 Стремятся времена продлиши дней драгихъ,
 Текутъ во множествѣ, гдѣ гибнетъ счастье ихъ:
 На копья, на мѣчи свергаются съ размаху,
 Не чувствую въ сердцахъ ни гибели, ни страху.
 На избавленіе къ нему весь градъ предсталъ:
 Смятенный имъ народъ мѣчами заблесталъ,
 Геройско мужество въ отвагѣ войско мчало.
 По семъ порядокъ шумъ приялъ свое начало.
 На звѣря яко звѣрь спремится на шельца,
 Такъ князь пошелъ прошивъ Оснелдына отца:
 Сугубо мужество ихъ воинству являетъ,
 И всѣ свои полки далеко оставляетъ.
 И какъ копье свое въ щипы Хоревъ вонзалъ,
 Два раза конь подъ нимъ отъ спрѣлъ вонзенныхъ палъ,

Отъ претшей онъ стрѣлы упадъ не могъ встать болѣ,
 И всадника на смерть оставилъ пѣша въ полѣ.
 Во опасеніи Хоревъ впоричномъ былъ,
 Но шмой враговъ сбѣяшъ вокругъ себя рубилъ.
 Шеломъ съ главы упалъ, а онъ на смерть оспался;
 Однако на враговъ своихъ какъ левъ метался.
 Се воинство опяпъ за нимъ на смерть спѣшилъ:
 Воинска жара смерть ни мало не шушилъ.
 Бѣгутъ разсѣянно враждебныя народы:
 Бѣгутъ безъ памяти, падутъ съ коньми съ горъ въ
 воды.

Имѣя при себѣ все войско и меня,
 Хоревъ вооруженъ восходитъ на коня.
 Враговъ, какъ вѣшеръ прахъ, онъ бурно возмѣшаетъ
 И яко молнія въ поляхъ съ мѣчемъ блискаетъ.
 Симъ норуу въ полкахъ онъ силу возбудилъ,
 И храбраго врага преславно побѣдилъ.

Я В Л Е Н І Е . III.

ТѢ ЖЪ и ПОСЛАННЫЙ КЪ КНЯЖИЪ.

ПОСЛАННЫЙ.

Скрѣпися государь!

КІЙ.

О злое рока жало!

ВЕЛКАРЪ.

Что здѣлалось здѣсь?

ПОСЛАННЫЙ.

Оснелъды, ажъ! не спало.

ВЕЛЬКАРЪ.

Какой, увы! ударъ - - -

КІЙ.

Почто я въ свѣшѣ рожденъ!
Къ чему несчастливый я нынѣ приведенъ!

ВЕЛЬКАРЪ.

Какія люлости душа твоя имѣла,
Что въ горести ее храниши не умѣла!

КІЙ.

Не вѣдаешъ еще несчастій тыхъ моихъ.

ВЕЛЬКАРЪ.

Что можешъ, государь, бышь больше бѣдъ намъ сихъ?
Оснелды нѣшъ, Хоревъ - - -

КІЙ.

Хоревъ теперь въ покоѣ:
Ахъ! мнишъ ли онъ прииши на зрѣлище такое!
Скажи, что видѣлъ ты?

ПОСЛАННЫЙ.

Я съ вѣстію къ ней шелъ - - -
О боги! какову Оснелду я нашелъ!
Смутился весь мой духъ, и сердце задрожало;
То шѣло на одрѣ безчувстввенно лежало,
Увяли красоты, любви заразовъ нѣшъ - - -

КІЙ.

Сокройся отъ очей моихъ пропивный свѣшъ!

ПОСЛАННЫЙ.

Аспрада во слезахъ, Аспрада огорченна;
Тоской, опчаяньемъ, и спономъ опягченна,

Выдастѣ, мѣчется и рвется въ сей бѣдѣ:
 О боги! вопіетѣ, иль нѣтъ суда нигдѣ,
 Когда такѣ долго жлетѣ сіе злодѣйство казни!
 Или оставленѣ свѣтъ въ неправдѣ безѣ боязни!
 Разите небеса, бросайте огонь и громѣ:
 Пади надѣ пѣломѣ симѣ несчастливый сей домѣ,
 Гдѣ праотцы ея такѣ долго обижали,
 И гдѣ родиледи Оснельду воспидали.

КІЙ.

Несносныхѣ люпостей исполненѣ сей мнѣ день.
 О жалующася во шмѣ на Кіа пѣнь!
 Не представляйся мнѣ спѣннца предо мною,
 Не мучь меня моей пы варварской виною!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЪ, ХОРЕВЪ и ЗАВЛОХЪ.

ХОРЕВЪ.

Се часѣ желаемый Хоревомѣ совершенѣ;
 Побѣды чаямой Завлохѣ уже лишенѣ.
 А мы прославився еще себя прославимѣ,
 И покоривѣ враговѣ друзьями ихѣ оставимѣ.
 А пы, о храбрый князь! покорствуй судьбамѣ,
 Прими подобну мысль, и будь союзникѣ намѣ.

ЗАВЛОХЪ.

Вѣ какомѣ пы станешѣ мя Оснельда видѣ зрѣши!
 Почто прешилѣ тебѣ вѣ любви я горѣши!
 И можетѣ бышь я симѣ только согрѣшилѣ.
 Ахѣ! естли я союзѣ швой сѣ княземѣ разрѣшилѣ?

ХОРЕВЪ.

Мнѣ дщерь твоя мила и нынѣ, такъ какъ прежде.

ЗАВЛОХЪ.

Такъ буди дочь моя ты въ сей опять надеждѣ!

КІЙ.

Какой я слышу громъ!

ЯВЛЕНІЕ ПОСАДНІЕ!

КІЙ, ХОРЕВЪ, ЗАВЛОХЪ, ВЕЛЬКАРЪ и ВОИНЫ.

ЕДИНЬЙ воинъ вошедъ.

Спалверхъ скончалъ животъ,
 Низвергшись въ глубину Днѣпровыхъ быстрыхъ водъ,
 Отчаянъ, горестно перзаясь и споная,
 И свергся со береговъ Оснелъду воспоминая.

ХОРЕВЪ.

Оснелъду при концѣ - - -

КІЙ.

Любезный братъ! увы!
 Мы вѣдали ужъ то, что съ ней любилась вы;
 Но тайнству сему давали полкъ мы ложно.
 О боги! вымолвить напасти не возможно!
 Посольство, грамоты во вражески спаны,
 Тобой къ жестокому смятенію даны.
 Любезнѣйшій Хоревъ! - - -

ХОРЕВЪ.

Я вижу, всё машущя:
 Часы монхъ побѣдъ часами бѣдства чпущя.

Ты сѣтуешъ, молчишъ, ослабѣвая весь:
 Скажи, о государь! что здѣлалось здѣсь?
 Скажи мнѣ ты Велькаръ, скажи мой другъ любезный!
 Ты плачешъ - - - ахъ! княжна!

ВЕЛЬКАРЪ.

Минушы злы! рокъ слезный!

ХОРЕВЪ.

О небо!

КІЙ.

Ты Велькаръ не вѣдаешъ того,
 Кто былъ причиною нещастія сего.
 Карай меня Хоревъ! свергай съ высока трону;
 Я швой люшѣйшій врагъ; снимай съ главы корону.

ХОРЕВЪ.

Я вижу, государь, что ты меня сразилъ.

КІЙ.

Рази и ты! - - - я, - - - ахъ! - - - Оснелъду
 умершвилъ.

ХОРЕВЪ.

Что слышу я шеперь!

ЗАВЛОХЪ.

О дщерь! о плодъ нещастный!

ВЕЛЬКАРЪ.

Къ чему такой ударъ тобою былъ ужасный!

ЗАВЛОХЪ.

О превышающа бѣда мои бѣды!

Се дружество мой князь изъ прежнія вражды!

ХОРЕВЪ.

Не сонъ ли мя спрашитъ нечаямой судьбою! - - -
 Оснелъда! - - - въ испинну распался я съ побою! - - -
 Гдѣ я! - - - и что я спалъ! - - - день злобный!
 лютый часъ!

О боги праведны! Хоревъ прогнѣвалъ васъ!
 Но кая темна ночь вдругъ небо покрываетъ!
 Какая фурія мнѣ сердце разрываетъ!
 Въ какія пропасти дражайшая падешъ!
 Въ какія мрачныя пещеры ты идешъ!
 Оснелъда! - - - небеса! или вы на мя падите!
 Или въ сей крайности любезну соблюдайте!
 Велькаръ! лишаюся красотъ ея драгихъ;
 Уже скрывается она опъ глазъ моихъ.
 Влеките изъ меня мою вы душу спрастну! - - -
 Бѣгите, бросьте спасти княжну нещастну! - - -
 Прости любезная! - - - но ахъ! ее ужъ нѣтъ.
 Прости! - - - увы! - - - со всѣмъ померкъ уже мой
 свѣтъ:

О нестерпима казнь! о рокъ ожесточенный!

ВЕЛЬКАРЪ.

Збери, о государь! свой разумъ распоченный,
 Ты чувствъ лишаешься.

ХОРЕВЪ.

Оснелъда! гдѣ ты? гдѣ? - - -

Ея пресѣкся вѣкъ: а я въ сей живъ бѣдѣ!
 На что мнѣ лавры? санъ? наслѣдственна держава?
 Погибни все шеперь величество и слава.
 На что мнѣ ужъ и жить на свѣстѣ семъ спѣня?
 Ужъ нѣтъ того, ужъ нѣтъ, что льстило въ немъ
 меня.

Великодушствовать попребно неопложно;
 Но мысли горькід преодолѣшь не можно:

Оснелда во слезахъ предъ очи предстаешъ,
 Которыя она о мнѣ при смерти льетъ.
 Воображающя мнѣ всѣ ея заразы:
 Воспоминающя послѣднiя приказы,
 И представляющя мнѣ всѣ упѣхи тѣ,
 Исканъ которыхъ я въ любви и красотѣ!
 Къ какой я радости съ побѣдой возвращился!
 Гдѣ дѣлися вы дни, которыми я льстился!

ЗАВЛОХЪ.

Ты здѣлала, о дщерь! хотя упалъ нашъ пронъ,
 И побѣдителямъ и побѣжденнымъ спонъ.
 И естли въ адѣ гласъ Хоревовъ духъ твой пронешъ;
 Внемли, какъ сей тобой Герой великiй спонешъ;
 Плѣненной не почтешъ тебя, низшедшу адъ;
 Заплачешъ по тебѣ съ Хоревомъ весь сей градъ.

ХОРЕВЪ.

Какая польза въ томъ несчастному Хореву?
 Уже не возвратитъ сей плачь несчастну дѣву.
 Не временно лишенъ ея, но на всегда,
 И ужъ не буду зрѣть Оснелды никогда.

КIЙ.

Карай мя, я твое сокровище похищилъ.

ХОРЕВЪ.

Пускай сей кровiю тебя твой гнѣвъ насыщилъ,
 Который полъ тебя на мя ожесточилъ.
 Но естли ты о мнѣ когда нибудь рачилъ,
 Такъ здѣлай только то, о чемъ напоминаю!
 Сiе прошенiе исполнишъ ты, я знаю:
 Отдай Завлоху мѣчъ, свободу возврати,
 И ~~спонство~~ спонство все съ нимъ изъ града изпусти.

(Кій отдаетъ Завлоху мѣтъ,
а Хоревъ говоритъ Завлоху:)

ХОРЕВЪ,

А ты несчастный князь! возми съ собой по шѣло,
Съ которымъ сердце бытъ мое на вѣкъ хопѣло,
И плачемъ омочивъ лишенное души,
Предай ево землѣ; надъ гробомъ напиши:
Дѣвица, коей прахъ въ семъ мѣстѣ почиваетъ!
И въ адъ со своимъ Хоревомъ пребываетъ,
Котораго она любила въ жизни сей,
Хоревъ ея лишась * послѣдовалъ за ней.

(* закололся.)

Конецъ трагедіи.

Г А М Л Е Т Ъ

Т Р А Г Е Д І Я .

*Представлена въ первый разъ въ началѣ 1750
года, на Императорскомъ театрѣ,
въ Санктпетербургѣ.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КЛАВДІЙ, незаконный Король Даніи.

ГЕРТРУДА, супруга ево.

ГАМЛЕТЪ, сынъ Гершрудинъ.

ПОЛОНІЙ, наперстникъ Клавдіевъ.

ОФЕЛІЯ, дочь Полоніева.

АРМАНСЪ, наперстникъ Гамлешовъ.

ФЛЕМИНА, наперстница Офеліина.

РАТУДА, мамка Офеліина.

ПАЖЪ Гамлешовъ,

ВОИНЫ.

Дѣйствіе есть въ Даніи, въ сполічномъ городѣ,
въ Королевскомъ домѣ.

ГАМЛЕТЪ ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГАМЛЕТЪ одинъ.

Смутился духъ во мнѣ. О ночь! о страшный сонъ!
Спуйте изъ ума любезныя взоры мои!
Наполни яростью, о сердце! нѣжныя мысли,
И днесь между враговъ Офелію мнѣ числи!
Офелію - - - увы! едино имя по
Преображаетъ все намѣренье въ ничто,
И нудитъ, во умѣ загладишь ужасъ ночи.
Чтожъ здѣлаютъ попомъ ея драгіе очи!
О долгъ! преодолѣй любовь и красоту;
Остави щастливымъ приятну суету!
Отпрыгни мнѣ шеперь пирановъ гнусныхъ злота,
Свирѣпство къ должности, на жертву къ мѣсту гроба,
Гдѣ Царь мой и отецъ себѣ опмщенья ждетъ!
Онъ совѣсти моею покою не даетъ:
Я слышу гласъ ево, и въ ребрахъ вижу рану:
О сынъ мой! вопіетъ, опмсти, опмсти пирану
И свободи гражданъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГАМЛЕТЪ и АРМАНСЪ.

АРМАНСЪ.

Смущенный голосъ свой

Воздвигъ меня съ одра, и оплучилъ покой.

Я вижу, что душа твоя обременена.

Не вся ли тако ночь твоею провождена?

Знашь въ храмину твою сонъ сладкій не входилъ?

Иль новый страхъ тебя столь рано возбудилъ?

Но Клавдій спитъ еще въ объятіяхъ Гершруды,

Еще покоится ево пирански улы.

Иль воображается въ умъ твоемъ теперь,

Молящая тебѣ Полоніева дщерь,

И пламенный твой духъ слезами ушолетъ? - - -

ГАМЛЕТЪ.

Твой другъ Офелію опнынѣ оставляетъ.

Но можно ли тогда въ ночи покойно спать,

Когда велишь судьба любезну покидать,

И быши ей врагомъ, врагомъ быть не умѣя,

Ниже къ враждѣ вины малѣйшія имѣя?

Ужасный сонъ! своихъ мечтавшихся мнѣ силъ,

Ты удареніемъ несчастна поразилъ!

Господь къ опмщенію: о сонъ! твоя мнѣ сила,

То, что исполнишь, мнѣ уже опредѣлила.

АРМАНСЪ.

Какую ты мечту - - -

ГАМЛЕТЪ.

Довольно безъ мечты

Ко гнѣву и пого, что сказывалъ мнѣ ты.

Злодѣйство Клавдія уже изобличенно,

Офеліинѣ отецъ погибнетъ непременно.

Отецъ мой убиенъ среди своей спраны,
 Не въ полѣ, на одрѣ лукавыя жены!
 Копора много лѣпѣ жила съ нимъ безъ порока!
 А льстецъ Полоній былъ орудьемъ злаго рока!
 Полоній, сей, ково отецъ мой полъ любилъ!
 О дщерь убійцына! почто тебѣ я милъ!
 Почто мила ты мнѣ! почто я въ свѣтѣ родился,
 Когда я своего отца, своимъ лишился!
 А ты отца теперь лишена будешь мной.
 Равна у насъ любовь, равна и часть съ побой.
 Армансѣ! ты хочешь знать, что Гамлету мечшалось,
 И кое зрѣлище во мракѣ представлялось?
 Разспавшися съ побой, я въ храминѣ спечалъ,
 Хопѣлъ заснуть; но сонъ оцѣ глазъ моихъ бѣжалъ.
 Опчаянне меня въ одрѣ моемъ терзало,
 И ягость съ жалостью, чрезъ при часа мѣшало,
 Потомъ я скорбію несносной упомянѣ,
 Забылся и заснулъ поскою обремененъ.
 Но сей покой мнѣ спалъ мукъ пущею виною,
 Родитель мой въ крови предспалъ передо мною.
 И плача мнѣ вѣщалъ, о сынъ! любезный сынъ!
 Познавъ вину моихъ несчастливыхъ судьбинъ,
 Почто ты борешься съ разсудкомъ полъ безчинно,
 Или чтобъ и швое мнѣ сердце было винно?
 Опмсти оцѣву смерть, и мщеньемъ упуши
 Всегдашню жалобу спеняющія души,
 Прими Геройску мысль, опспавъ дѣла любовны,
 Воззри на тѣнь мою, и зри попоки кровны,
 Которы предъ побой изъ ребрѣ моихъ текутъ,
 И проливаясь на небо вопіютъ.
 Сей гласъ меня воздвигъ, ужасна тѣнь пропала;
 Но мнилось, чшо еще и въ явѣ угрожала.

АРМАНСЪ.

Суля природѣ дань, мать хочешь пощадить:
 Не можешь ли любви того же сотворишь?

Ты умѣряючи свою къ Гершрудѣ злобу,
Винишь злѣдѣйство въ ней, но чтишь ея упробу:
Полоній смерть приять достоинъ какъ злодѣй;
Но, Гамлетъ! онъ опецъ возлюбленной своей.
Она сей смертію съ тобою разлучится;
Пускай на Клавдіѣ отмщенье совершится.

ГАМЛЕТЪ.

Гершрудю, Армансѣ, я челоуѣкомъ спалъ,
Полоніемъ опца на вѣки помергялъ;
Оставляю мать суду всевысочайшей власти,
И вопрошиваюся своей негодной страсти.

АРМАНСЪ.

Колико горькихъ слезъ любезной ты прольешь!
Иль горести ея безъ жалости ты ждешь?
Ты самъ себѣ влечешь поскливо разлученье:
Какое приключишь себѣ и ей мученье!

ГАМЛЕТЪ.

Я бѣдствіемъ своимъ хочу себя явить,
Что надъ любовію могу я властенъ быть.
Люблю Сфелію; но сердце благородно
Быть должно праведно, хоть плѣнно, хоть свободно.

АРМАНСЪ.

Когда Офелія увидится съ тобой,
Я чаю премѣнишь тогда разсудокъ свой,
И слабости свои невинныя познаешь,

ГАМЛЕТЪ.

Почто ея ты мнѣ поль живо представляешь?
Я вознамѣрился не зрѣть ея въ сей день.
Воображайся мнѣ явившаяся тѣнь!

Воззрите вы глаза къ родительскому гробу,
И умножайте днесъ во мнѣ свирѣпу злобу!
Ожесточите мя, какъ можете, теперь,
И дайте позабышь мнѣ, чья Офелья дщерь!

ЯВЛЕНІЕ III.

ГАМЛЕТЪ, АРМАНСЪ и ГЕРТРУДА.

ГЕРТРУДА.

Не немощь ли тебя какая удержала,
Что я тебя вчера день цѣлый не видала?
Едва зоря могла взойти на небеса,
И освѣтила валъ и дальныя лѣса,
Герспруда не видавъ тебя вчера съ собою,
Сама пришла спросить, что здѣлалось съ тобою.
Не должно ли твоихъ опсуществіевъ причинъ,
Знать матери всегда, любезнѣйшій мой сынъ?
Но ты смущаешься, и очи смущены спали;
Не здѣлалось ли тебѣ какой печали?

ГАМЛЕТЪ.

Что я въ смятеніи, ты то могла узнатьъ;
Не надобно уже того мнѣ открыватьъ.

ГЕРТРУДА.

Не надобно; но что мой сынъ тому виною?
Тебѣ не надлежитъ такъ скромну быть со мною.

ГАМЛЕТЪ.

Мозги, и горести моей не умножай!

АРМАНСЪ.

Иль чувство опѣ тебя, о Гамлетѣ! отступашъ?

ГАМЛЕТЪ.

ужѣ поздно мысль шайтъ; Герштруда шайну знаешъ.
 Докончивай свою богопрошивну лещъ,
 И Клавдія спасай, доколѣ время ешъ.
 Скажи ему, что я къ ево готовилъсь къзни,
 Прелкбодѣйшвуй сѣ нимѣ не чувствую боязни!
 Не мни, что на тебя разверзся адскій зѣвъ,
 И снидешъ рано ли, иль поздно вышній гнѣвъ.
 Покойся въ роскошахѣ, въ одрѣ окржавленномѣ,
 Кѣ злодѣйству и грѣху побой опредѣленномѣ.
 Не представляй себѣ на память никогда,
 Что въ пропасти тебя ждешъ вѣчная бѣда.
 И ешъ ли не сыта ты, ахѣ! напившись кровью;
 Пожри еще меня сей мерзскою любовью,
 И сокруши свой плодѣ: онѣ бышъ не можешъ миаѣ,
 Когда родитель мой душѣ швоей постылѣ.
 Но ешъ ли сѣ ешество въ томѣ все мнѣ прошивалось,
 Тобѣ сердце и тогда мое не убоилось;
 Я больше не могу о жизни сожалѣтъ:
 Пришелѣ мой часѣ, иду опмстить, иль умереть!

АРМАНСЪ останавлиашъ ево.

Остановися здѣсь. Князь! что ты предприемлешъ?
 Ты въ испушненіи едину ярость внемлешъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не внемлю ни чего, лишѣ мышлю обѣ опцѣ:
 Опецѣ мой убіенѣ! убійца здѣсь въ вѣнцѣ,
 Довольствуюся имѣ прошиваясь вышней волѣ!
 Онѣ вмѣсто казни здѣсь во славѣ, на престолѣ!
 Сцени! побой супругѣ, побую жизнь скончалѣ.

ГЕРТРУДА.

Покровѣ безстыдныхъ дѣлѣ Гертрудиныхъ низпалѣ,
 Проклятая душа открылась предѣ побою,
 Спыжусь слышь матерью, спыжуся слышь женою,
 Спыжуся вспомнущь, что я, ахъ! человекѣ,
 И лучшебѣ было то, чтобѣ мнѣ не бысть во вѣкѣ.
 Нѣшѣ въ свѣтѣ семѣ кѣ моей убѣжища опрадѣ,
 И нѣшѣ мученія достойнаго мнѣ въ адѣ.
 Гдѣ скрышься отѣ стыда! куды свой грѣхѣ понесеть!
 Отколѣ возвращу свою погибшу честь!
 Спрадашь: жизньъ мука мнѣ, хощя и скоротечна,
 А смерть мнѣ мука же, но мука безконечна.
 Въ опчаяннѣ семѣ что можно мнѣ избрать!
 Коль буду я еще во свѣтѣ пребывать;
 Все станешѣ, что ни естъ, меня избличаши,
 И грѣхѣ содѣянный на память представляши.
 Когда, опчаянна, пощуся умереть;
 Супруга умертвивѣ, какѣ я могу возрѣть
 Въ той жизни на него? и какѣ предѣ нимѣ предстану?
 Какѣ буду данну зрѣть ему вечную рану!

АРМАНСЪ.

Признаніе вины кѣ прощенію успѣхѣ;
 Кто плачетѣ о грѣхѣ, тотѣ чувствуетѣ свой грѣхѣ.

ГАМЛЕТЪ.

Что въ томѣ, что слезѣ о немѣ потоки проливаетѣ?
 Супруга плачемѣ симѣ она не оживляетѣ.
 Армансѣ! въ сей часѣ, какѣ я съ побою говорю,
 Я шѣнь на облакахѣ въ воздушномѣ мракѣ зрю,
 И слышу, что она по вѣтрамѣ возглашаетѣ:
 Я спражду, а мой сынѣ еще не опомщаетѣ.

ГЕРТРУДА.

Не медли, опомщай! убійца предѣ тобой.
 Забудь, что мать твоя, казни своей рукой!

Не дай мученія на свѣтѣ семѣ терпѣти,
Стыдящейся, увы! на небеса возрѣши;
Адъ проситъ добычи своей мой умъ плѣня,
И огненна рѣка пылаетъ на меня.

Уже хопяпъ приять жилищи мя подземны,
И въ глубинѣ на мя буншуютъ вихри шемны.
Разверзлазя земая, падешъ во мглу сей домъ,
Сверкаютъ молніи и небо мещетъ громъ.

Бѣги, мой сынъ, сихъ мѣстъ! ни кпо въ нихъ не
спасетсѣ,

Бѣги, спасися ты, подъ ними швердъ прясетсѣ.
Наполненъ мерзоспью моею весь чертогъ,
И не присушествуетъ тамъ, гдѣ Гертруда, Богъ.

АРМАНСЪ.

Она изъ разума, о Гамлетъ! изспунаешъ;
Природа ей помочь тебѣ повелѣваетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Проси, чшобъ Богъ тебѣ вину твою простилъ.

ГЕРТРУДА.

Нельзя, чшобъ онъ мнѣ грѣхъ толь тяжкій оппустилъ.
Какова шановой ждашь грѣшницѣ прощенья?
Не можно избѣжать мнѣ вѣчнаго мученья:
Пребудетъ грѣхъ на мнѣ, надежды больше нѣшъ,
Разверсты пропасти, и адъ меня пожретъ.

АРМАНСЪ.

Какъ грѣхъ твой ни великъ, его шедроша болѣ.
Предай себя, предай Его всемошной волѣ:
Уими смяшеніе, гласъ къ небу вознеси,
И со смиреніемъ прощенія проси.

ГЕРТРУДА.

Господь изъ скверныхъ усль молишвы не приемлетъ,
Спенанія сердецъ злодѣйскихъ онъ не внимлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Взведи къ нему свои пы руки и ззови!

ГЕРТРУДА.

Онъ омочены въ супружской крови.

АРМАНСЪ.

Безсмертный милосердъ, и гнѣвъ его смягчится,
Коль грѣшникъ передъ нимъ всемъ сердцемъ сокрушится,
Покайся, и коль смерть супругу пы дала,
Превысь блаженными злодѣйскія дѣла.
Сступи съ пупи сего, ужъ недалеко бездна,
Еще бытъ можетъ жизнь пвоя тебѣ полезна;
Сступи, доколь она со всемъ не прешечетъ;
Опшолѣ спраждущимъ во вѣкъ изхода нѣтъ.

ГЕРТРУДА.

О Боже! есть ли я тебя не прогнѣвляю,
Что по злодѣйствѣ семъ на небеса взираю,
И гласъ изъ скверныхъ усль пы можешъ воспрятъ;
Пошли отъ горнихъ мѣстъ свою мнѣ благодать!
Не ввергни въ пропастъ мя, гдѣ вверженнымъ въ тѣ
емрады,

Не будетъ никогда малѣйшя опрады,
Куды не входитъ сонъ, единъ въ бѣдакъ покой,
Гдѣ нѣтъ ни на ково надежды никакой,
Гдѣ нѣтъ желачнаго нещастнымъ смерти рока,
И нѣтъ мученію опмѣнности, ни срока!
О адъ! перзаніе моихъ блудящихъ думъ,
И тѣмъ лишъ, что тебя я привожу на умъ,

Колеблется душа и нестерпимо стонетъ!
Чтожъ будетъ, какъ ея сіе мученье пронетъ!
Но все, что ни страшитъ въ смятеніи меня,
Чего себѣ ни ждетъ душа моя спеня,
Ни что въ толікій страхъ злочастну не приводитъ,
Какъ то, когда сіе на мысль мою приходитъ,
Что, ахъ! не буду зрѣть Творца я своего,
И буду пребывать я вѣчно безъ него.

ГАМЛЕТЪ.

Когда сію ты казнь всѣхъ злѣе считаешь;
Красчайшими къ Творцу пущами припекаешь.
Мученья любаго спросишься и злодѣй;
Но стонетъ во грѣхахъ онъ о душѣ своей,
Не для ради того, что Бога прогнѣваетъ,
Кѣмъ онъ на свѣтѣ сталъ, и въ свѣтѣ пребываетъ,
И вмѣсто, чтобъ Творцу работать и служить,
Печется лишъ о томъ, чтобъ щастливо прожить;
Но что онъ углія главѣ своей готовитъ,
И крапкимъ щастіемъ на вѣчность бѣдство ловитъ.

ГЕРТРУДА.

Не можемъ мы воздать и за одно сіе,
Что мы изъ ничего имѣемъ бышіе;
Такъ въ пагубныхъ дѣлахъ своихъ приявъ прощенье,
Мнѣ чемъ заслуживать столь злое согрѣшенье?

АРМАНСЪ.

Пусти изъ глазъ своихъ потоки слезныхъ рѣкъ,
Остави свѣтъ другимъ, и плачь въ пустыняхъ въ вѣкъ.

ГЕРТРУДА.

На все готова я; я городъ оставляю,
Который мерзостью своею исполняю.

Но мню, что оскверню и жилищество звѣрей;
Я шигровѣ превзошла жестокостью своей.

ГАМЛЕТЪ.

Не такъ жестоки ихъ свирѣпствы и опасны:
Въ злонавіи своемъ мы паче ихъ ужасны,
Во гнѣвѣ челоуѣкѣ лютейшій самый звѣрь.

ГЕРТРУДА.

То видно и на мнѣ одной, мой Князь, теперь.
Въ безстыдныхъ сихъ дѣлахъ, копорыхъ ненавижу,
Препроводите мя опсель, дверей не вижу:
Хочу пребыть одна, хочу предъ Богомъ пастъ:
А ты возпримай родительскую власть.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЛАВДІЙ и ПОЛОНІЙ.

КЛАВДІЙ.

Во всѣмъ я царствіи единого зрю друга;
Изгнала днесъ меня изъ сердца и супруга.
Раби не чувствуютъ любви ко мнѣ, лишъ страхъ
Еще содержатъ ихъ въ пиранскихъ сихъ рукахъ.
Когда природа въ свѣтѣ меня производила,
Она свирѣпствы всѣ мнѣ въ сердце положила.
Во мнѣ изкоренишь природное мнѣ зло,
О воспитаніе! и ты не возмогло,
Се въ первый разъ во мнѣ суровый духъ спонаетъ,
И варварствомъ моимъ меня изобличаетъ,
И есть ли онъ когда въ злодѣйствіи споналъ;
То рвался, что еще на чью снѣ жизнь алкалъ.

ПОЛОНІЙ.

Супруга - - -

КЛАВДІЙ.

Днесъ она вину свою признала,
И Божество въ сей день смиренно призывала.
Она попоки слезъ лила предъ нимъ спеня,
И опвратилася, мнѣ вшедшу, опъ меня:
Поди, сказала мнѣ, немедленно опселъ,
И дай покаяться, доколѣ духъ мой въ тѣлѣ;
Приди, сказавъ еще, и ты въ себя въ сей часъ,
Уже разверзлися днесъ пропасти на насъ.

Возколебало мя ужасное по олово,
И сердце здѣлало къ разкаянью готово.

(Падѣ на колѣни:)

Се, Боже! предѣ тобой сей мерзкій человекѣ,
Который срамошой одной наполнилѣ вѣкъ,
Поборникѣ истинны, безстыдныхѣ дѣлѣ рачитель,
Врагѣ твой, врагѣ ближняго, убійца и мучитель!
Нѣтъ силы больше дѣлѣ злодѣйскихѣ мнѣ носить;
Принудѣ меня, принудѣ прѣщенія просить!
Всели желаніе искашь мнѣ благодати;
Я не могу вѣ себѣ сей ревности сыскати!
Противныхѣ божеству исполненѣ всѣхѣ страстей.
Ни искры добраго нѣтъ вѣ совѣсти моей.
При покаяніи жѣ мнѣ что зачати должно?
Мнѣ царствія никакѣ оставить не возможно.
На чтожѣ мнѣ каяться и извергати ядѣ;
Коль мысли отѣ тебя далеко отстоятъ?

(Возстаетѣ.)

ПОЛОНІЙ.

Имѣй великѣй духѣ приявни скипетрѣ вѣ руки,
Будѣ мужественѣ по гробѣ, и не спрашися мука.
Не потѣ отваженѣ, кто идетѣ безстрашно вѣ бой;
Но съ смертію и мукѣ безстрашно ждетѣ герой.
Забудѣ и свѣтскія и Божески уставы.
Ты Царѣ пропиву ихѣ; послѣдуй правамѣ славы.

КЛАВДІЙ.

Наполненѣ злобою жизнь вѣчную губя,
Будѣ бодрѣ мой помный духѣ, и не щади себя!
Довольствуйся однимѣ, ты Клавдій, щасшьемѣ свѣта,
И ужѣ не отрицай днесѣ пагубна совѣта!
Не представляй злыхѣ слѣдствѣ, и жизни сей конца,
Вся часть своя есть честь державы и вѣнца.
Наполнимѣ щасшьемѣ здѣсь житіе шоль кратко,
Чтобѣ при концѣ сказать: я жилѣ на свѣтѣ сладко!

Но какъ фурія стѣсненну грудь грызетъ?
 И какъ скорбь во мнѣ всю внутреннюю рветъ?
 О небо! не превожъ меня, оставь вѣ покоѣ!
 Уже не превратишь мое ты сердце злое.
 Не обличай меня; спасенья не хочу,
 И что я здѣлаю, то во адѣ заплачу.

ПОЛОНІЙ.

Душа моя твоей послѣдовать готова;
 Умремъ безъ робости и не пресупимъ слова.

КЛАВДІЙ.

Намѣренье сіе я твердо предпріалъ;
 Но чтобъ никто вѣ пупи намъ счастья не споялъ,
 Я зрю противъ себя супругу нынѣ львицей:
 Сокроемъ таинство убійствія съ Царицей.
 Она разкалась: кто знаетъ для чего?
 Не для паденіяль, Полоній, моево?
 Пойдемъ теперь противъ супругиной любви,
 Не пощадимъ пролить мы и ея днесь крови!
 Но прежде погубимъ наследника ея,
 И взыдетъ вѣ Царскій одрѣ прекрасна дщерь твоя.

ПОЛОНІЙ.

Сія щедрота весь мой разумъ превосходитъ.

КЛАВДІЙ.

Усердіе тебя вѣ полику честь возводитъ;
 Когдажъ Офеліи я спаръ явлюся бышь,
 Ты можешь властію къ любви ея склонить.

ПОЛОНІЙ.

Сѣдины подѣ вѣнцемъ не могутъ быть примѣшны,
 Со дщерію моею вы Царь единолѣшны.

Я В Л Е Н І Е П.

КЛАВДІЙ, ПОЛОНИЙ, ГЕРТРУДА
и РАТУДА.

ГЕРТРУДА.

Вы всё свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ:
Того прошивна дня, какъ ты на тронъ возшелъ,
Тѣхъ пагубныхъ минутъ, какъ честь я потеряла,
И на супружню смерть непронута взирала:
Свидѣтельствуйте вы, что я слагаю грѣхъ,
Всещедрый Богъ мнѣ далъ въ сей день къ сему успѣхъ.
Не щедрию многи дни мысль умъ мой угрызала,
И челоуѣчество въ зло сердце возвращала.
Я плодъ съ него сядла признавъ свою вину:
А ты не почитай мя больше за жену;
Любовь произвела во мнѣ швое злодѣйство!
Супружество мое съ тобой прелюбодѣйство.
Признайся такъ какъ я, сложи съ главы вѣнецъ,
И сотвори своимъ безспудіямъ конецъ.
Ты въ ненависти, Князь мой сынъ любимъ въ народѣ,
Надежда всѣхъ гражданъ, оспапокъ въ царскомъ родѣ.
Ты одръ отца его сугубо осквернилъ,
И пляжкимъ бремецемъ все царство опягчилъ.
Нещасная страна вся кровью обогрелна,
И прупіемъ своихъ сыновъ опягощенна.
Колико много слезъ ты пролилъ бѣдныхъ женъ,
Сыновъ, и дочерей, отъ самихъ тѣхъ временъ,
Какъ честь мою любовь сквернѣйша поглотила,
А я тебя на тронъ Монаршескій пустила!
О какъ тогда, о какъ не шелъ на землю громъ,
И съ нами не упалъ нашъ оскверненный домъ!
Какъ стѣны нашихъ сихъ черпоговъ не пряслися!
И какъ мы въ шаковомъ грѣхѣ съ тобой спаслися!

Помысли Клавдій ты, какъ Вышній перпѣлизъ:
И я жива, и ты еще по всемъ помъ живъ.
Отецъ въ немъ милосердъ, судья въ немъ преужасенъ:
По смерти грѣшныхъ вопль есть позденъ и напрасенъ.

КЛАВДІЙ.

Ты хочешъ, чтобъ твой сынъ на мой престолъ возшелъ,
И предъ народомъ всемъ мнѣ судією сѣлъ?
Я слышу изъ твоихъ устъ рѣчь не обычайну,
И мню, что ты ему открыла нашу тайну.
Какъ ты его опца дерзнула умершвить,
Я зрю, что и меня такъ хочешъ погубить.

ГЕРТРУДА.

Не о злодѣйствіяхъ я мысль уже имѣю,
Но о грѣхъ своемъ спеню и сожалью,
Которому и я сообщница была,
И поводъ своему убійству подала,
Не ждавъ злой совѣсти послѣдующей муки,
И ахъ! въ супруговой крови багрила руки.
Хотяжъ въ семъ дѣлѣ я виновна больше васъ,
Но ту вину съ меня сложилъ единый часъ,
Въ который облака я гласомъ проицала,
И со смиреніемъ на небеса взирала.
Сложите такъ и вы тяжелы бремена,
Отпустилися и вамъ, какъ мнѣ сія вина.
Я свѣтъ покину въ вѣкъ, и скроюсь въ лѣсы темны,
Жилищи будутъ тамъ пещеры мнѣ подземны.
Оставь и ты свой скинптръ, а ты свой пышный санъ,
Оставленный вамъ вѣкъ еще на пользу данъ.
Вы симъ и ненависть въ народъ изпребите,
Что къ собственной своей вы пагубѣ губите,
Не таковы въ другихъ суть жестоки сердца,
Чтобъ изпребить пеклись они васъ до конца.
Примите только вы иныя въ жизни мѣры.
Враговъ своихъ прощать есть должность нашей вѣры.

ПОЛОНИИ.

Кому прощашь Царя? народъ въ ево рукахъ.
Онъ Богъ, не человекъ, въ подверженныхъ странахъ.
Когда кому даны порфира и корона,
Тому вся правда власть, и нѣтъ ему закона.

ГЕРТРУДА.

Не симъ есть праведныхъ наполненъ умъ Царей:
Царь мудрый есть примѣръ всей области своей;
Онъ правду паче всѣхъ подвластныхъ наблюдаетъ,
И всѣ свои на ней устави созидаетъ,
То помня завсегда, что крапкъ смертныхъ вѣкъ.
Что онъ въ величествѣ такой же человекъ,
Раби его ему любезныя суть чады,
Отъ скипетра его лѣтся шокъ отрады.
Милъ праведнымъ на немъ и страшенъ злымъ вѣнецъ.
И не приблизится къ его престолу льстецъ.
А ты, о ядъ Царя! злодѣй всего народа,
Котораго имъ въ казнь извергнула природа!
Докогда во грѣхахъ сихъ будешь упопашь?
И долго ли Царя къ мученью поощришь?
Иль ты перпѣніе Господне презираешь,
И устремительно на ярость предлагаешь?
Уже и такъ Творца ты варваръ раздражилъ,
Брегись, чтобъ вскорѣ онъ тебѣ не поразилъ.
Онъ терпитъ; но терпѣшь когда нибудь престанетъ,
И въ часъ, когда не ждешь, въ швою погибель
грянетъ.

КЛАВДІЙ.

Оставимъ здѣсь ея, она перяетъ умъ;
Дадимъ свободу ей къ собранью прежнихъ думъ.

Я В Л Е Н І Е III.

ГЕРТРУДА и РАТУДА.

РАТУДА.

Вспомни о своемъ теперь Царица сынѣ.
 Оставь злодѣевъ сихъ, предъ нимъ признайся нынѣ.
 Открой по Гамлету, что въ сердцѣ ты паишь!
 Да тѣнь супругову въ семъ Князѣ упоишь.
 Трони ево ты слухъ плачевными словами!
 И разрѣши свой грѣхъ сыновними усами.

ГЕРТРУДА.

Мой сынѣ увѣдомленѣ, не знаю чрезъ ково;
 И тайнаго ужѣ нѣшѣ предъ Княземъ ничево.
 Не знаю, кто и какъ мою могъ свѣдать скверность,
 И таинство пронзить, познавъ мою невѣрность.
 Я говорила съ нимъ о мерзоспяхъ своихъ,
 Лишѣ не открыла всѣхъ подробностей дѣлъ сихъ.

РАТУДА.

Довольно. Будь предъ нимъ въ подробностяхъ безслова,
 Армансѣ по знаетъ все, а я пому виновна;
 Но мню, что по никакъ не можешъ быть виной,
 Что въ пользу для себя произвелоя мной.
 Отъ дней, какъ дѣйствіе по учинилось спранно,
 Я весь перзалась годѣ, перзясь непрестанно.
 Днесъ правость на конецъ мой умъ въ полонъ взяла,
 И молчаливости оковы прервала.

ГЕРТРУДА.

Нѣшѣ виности твоей.

РАТУДА.

Свидѣтельствую: рану,
 Супругу твоему въ одрѣ Полоньемъ дану,

Котору я была омышь принуждена,
 Тайлась я, что я была устращена.
 И кто бы таковой въ помѣ вѣспнищѣ повѣрилъ?
 Полоній плачучи предѣ всеми, лицемѣрилъ,
 Вѣщая всемѣ, что твоей возлюбленный супругѣ,
 Естественне въ одрѣ своемѣ скончался вдругѣ.
 И что ево сокрышь была сія припчина,
 Чтобѣ не пущишь ево умерша видѣшь сына,
 И пущей жалости ему не приключишь,
 Котора безѣ того велика зрѣлась бышь!
 О вѣрности ево никто не сумнѣвался,
 И вымыслѣ злой души за правду показался.
 Полоній до сего свирѣпости шанилѣ:
 Какѣ агнецѣ былѣ сей шигрѣ, и Царѣ ево любилѣ:
 Хотя бы все мѣста я града обѣгала,
 И съ плачемѣ истинну народу возвѣщала;
 Кипобѣ дерзость такову, Царица, могѣ имѣшь,
 Что съ вшелѣ онѣ въ твой чертогѣ, на шѣлѣ ранѣ
смотримѣшь?

Ты радовалася, никѣмѣ тогда не зрима,
 Какѣ мнилась бышь твоя печаль неушолима.
 Тиранѣ задумчивѣ былѣ, какѣ въ горесныи часы,
 Полоній на себѣ терзалѣ тогда власы.
 Свирѣпство было въ немѣ прехитро прежде скрышо.
 Но ахѣ! чьи лъстяшѣ уста, въ помѣ сердце ядовишо!

ГЕРТРУДА.

Какимѣ порядкомѣ ты съ Армансомѣ рѣчь вела,
 И полную ли вѣсть о дѣлѣ зломѣ дала?

РАТУДА.

Все такѣ, какѣ было по, Армансу я сказала,
 Какѣ многожды о томѣ изѣ успѣ твоихѣ слыжала:
 Какѣ Клавдій вашѣ союзѣ съ супругомѣ разрушалѣ,
 И какѣ ево шебѣ невѣрности внушалѣ,

Которыхъ, какъ я мню, конечно не бывало.
Какъ сердце на него шве ожесточало.
Какъ многожды себя къ убійству онъ влачилъ,
И какъ Полонія съ собою согласилъ,
И погубилъ Царя въ срединѣ ночи спяща,
Въ крѣпчайшемъ снѣ, въ швоемъ объятіи лежаща -

ГЕРТРУДА.

Скончай Ратуда рѣчь, шоски духъ вонъ влекутъ:
Я не могу себя представить шѣхъ минутъ.
Когда бы ты въ шотъ часъ Ратуда пробудилась,
Ты съ взоръ свой на меня возвергнушь усрадилась:
А я! шо видѣла безъ слабости шогда.

РАТУДА.

И шотъ единственный часъ шерзаетъ мя всегда,
Когда смяшеніе мя ваше разбудило - - -
Какое зрѣлище передомною было!

ГЕРТРУДА.

Я представляю шо шеперь какъ адъ себя - - -
Осмавь мя, я шотчасъ послѣдую шебѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГЕРТРУДА одна.

О дремлющая шѣнь супруга умерщвленна!
Что созворила я, и что речешъ вселенна,
Когда представлятся ей всѣ дѣла мои,
И въ нихъ прокляшья злодѣйствія сіи!
Другимъ несчастливимъ въ случаяхъ самыхъ шпрогихъ,
Опрада, что они жалѣемы отъ многихъ.

А обомнѣ уже кто спанетѣ сожалѣть?
 Кто можетѣ на меня съ щедрою воззрѣть?
 О Царь мой! о супругѣ! когда назвашь такѣ смѣю,
 И право имени сего еще имѣю:
 По возпріятіи мнѣ милости съ небесѣ,
 Когда раскаянъе, спенаніи, покѣ слезѣ,
 И сей отѣ сердца гласѣ, который я приемаю,
 Удобны до тебя дойшишь пронзивши землю;
 Прими прошеніе толь смрадныя души,
 И жалобу свою вѣ помѣ свѣшѣ упиши!
 Когдабѣ я жизнь свою могла скончатъ безгрѣшно;
 Я бѣ съ радостью тебѣ послѣдовала спѣшно;
 Но ахѣ! законѣ и свой животѣ пресѣчь прешитѣ,
 И самовольну смерть мученіемѣ плашитѣ;
 Такѣ дай послѣдовать божественну уставу,
 И смерти ожидашь покинувѣ царску славу!
 Рашуда ждетѣ меня: Что дѣлаетѣ мой сынѣ?
 И нѣшѣ ли страха тамѣ? съ Армансомѣ онѣ одинѣ.

Конецѣ вшораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЛОНІЙ и ОФЕЛІЯ.

ПОЛОНІЙ.

Возлюбленная дщерь, послѣдокъ рода славна!
О дщерь! швоя мнѣ жизнь всегда въ умѣ мысль главна.
ужѣ я состарѣлся, и дни къ концу веду.
Предстать на страшный судѣ, и смерти вскорѣ жду,
Кто будетѣ о тебѣ, какѣ я умру, спарашься?
Кто знаешѣ, въ каковомѣ жиньѣ тебѣ оспашься?
И можешѣ бытъ пойметѣ супругѣ тебя такой,
Которымѣ безѣ меня запмнися коренѣ мой.
Вспуни въ супружество при мнѣ, и дай мнѣ зрѣши,
Какую ты по мнѣ здѣсь будешѣ часть имѣши.
Согласналь ты на то? а я тебѣ явлю,
Какія для тебя я способы ловлю.

ОФЕЛІЯ.

Но кто есть сей супругѣ, котораго желаешѣ
Ты дочери своей? ково мнѣ представляешѣ?

ПОЛОНІЙ.

Кто вознесетѣ тебя на сей высокій прокъ.
Тебѣ являюся слова сіи какѣ сонѣ,
Однако будетѣ шакѣ.

ОФЕЛІЯ.

Я радостно внимаю,
И кто онѣ, я теперь уже разумѣваю.

Въ какомъ я щастіи на свѣтѣ буду жить!
 Хочу въ полъ славно мнѣ супружество вступить.
 Когда полъ щаслива Офеліина доля;
 Да будетъ въ томъ швоя непрекословна воля.

ПОЛОНІЙ.

Я зрю, что рѣчи ты моей не поняла;
 Не Гамлетъ будетъ то, ты щастіемъ назвала,
 Кто суешно вѣнца и скинтра ожидаетъ.
 Надежда иногда и щещно улаждаетъ.

ОФЕЛІЯ.

Почто ты возмутилъ духъ щастіемъ взманя?
 Приятная мечта! ты скрылась отъ меня!
 Надежда опошла и мысли помрачила,
 Желанна мною честь лицъ сердце опягчила.
 Мнѣ, на престолѣ бышь, иной дороги нѣтъ.
 Инова дочь швоя супружества не ждетъ.

ПОЛОНІЙ.

Какая здѣлалась во всей тебѣ преревога:
 Не сътуй, къ трону есть еще тебѣ дорога,
 Которой ты еще скоряе припечешъ.

ОФЕЛІЯ.

Напрасно мысль мою къ надеждѣ ты влечешъ;
 Иной дороги нѣтъ.

ПОЛОНІЙ.

Но будь ты терпѣлива.
 Я радуюсь, что мысль въ тебѣ полъ горделива,
 И вижу изъ сего, что ты достойна бышь
 Моею дочерью, и шило по носить!
 Есть способъ бышь тебѣ Офелія Царицей.

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ больше способа, а я умру дѣвицей!

ПОЛОНІЙ.

А ежели нашъ Царь супругъ твой будетъ самъ?
И естъли Клавдій то и обѣщаль ужъ намъ?

ОФЕЛІЯ.

Нашъ Царь? - - супругомъ мнѣ? - - иль мы живемъ
вѣ поганствѣ?

Когда бывало то донинѣ вѣ Христіянствѣ?
Законъ нашъ двѣ жены имѣти вдругъ прешитъ.

ПОЛОНІЙ.

Гертрудиной рукой супругъ ея убитъ.
Рапудою уже убійство обличенно,
И все злодѣйствіе жены Царю внушено.
По семъ извѣстіи какъ можетъ съ ней онъ жить?
Когда она ево дерзнула погубить;
Такъ можетъ жизнь опиять у него подобно.

ОФЕЛІЯ.

Жена могла имѣть, жена поль сердце злобно
къ супругу своему! я вѣришь не могу.

ПОЛОНІЙ.

Ты знаешь, какъ я честь Офелія брегу:
Коликобъ было то Полонію безславно,
Когдабъ онъ сонъ сказалъ тебѣ за дѣло явно?

ОФЕЛІЯ.

Такъ чтожъ намѣренъ Царь съ Гертрудой учинить?

ПОЛОНІЙ.

Оставиши ей честь, и тайно умертвить!

ОФЕЛІЯ.

До сихъ намѣреняхъ ево спашуся зрака;
Я тако не хочу, съ Моѳархомъ свѣта, брака.

ПОЛОНІЙ.

Толико щастливу ны опметая часть,
Офелія влечешъ Полонія въ напасть.

ОФЕЛІЯ.

Ты мнѣ отецъ, и ты далъ сердце мнѣ такое,
Что гнусно передъ нимъ намѣреніе злое.
Я слыша, пренещу, толико странну вѣспь.
Что мнѣ недорого, всево дороже честь.
Царица пусть умретъ, когда умретъ ей должно;
Но мнѣ бытъ царскою супругой не возможно.
Не будетъ! что бы я свой долгъ пренебрегла,
Я добродѣтельно всю жизнь свою жила.
Не соглашаюся я въ тайнѣ вашей съ вами,
И къ трону не пойду кровавыми стопами.
Скажи Царю, чтобъ онъ на одрѣ меня не ждалъ,
И съ сей надеждою въ убійство не вступалъ.
Когда бы ярости въ немъ сердце не имѣло:
И въ правосудіибъ оно о ней жалѣло:
Гдѣ жалость, гдѣ любовь въ суровости такой?
Она еще жива; онъ ищетъ ужъ другой.

ПОЛОНІЙ.

Подобьемъ таковымъ младенцы разсуждаютъ,
Которы всѣ дѣла грѣхами поставляютъ,
И что безуміе женъ старыхъ имъ впердитъ,
Все мыслятъ, что по имъ въ нихъ совѣсть говоритъ.

ОФЕЛІЯ.

Я суевѣрія съ закономъ не мѣшаю,
И Бога чистою душою почитаю,
Который въ естествѣ мнѣ добродѣтель влилъ,
И откровеніемъ меня въ ней утвердилъ.

ПОЛОНІЙ.

Когда полезныя совѣты я перяю,
Ты дочь, а я отецъ; такъ я повелѣваю.

ОФЕЛІЯ.

Не принуждай ты дочь пропивиться себѣ,
И помни, какъ была послушна я тебѣ.

ПОЛОНІЙ.

Знай, я тебя уже Царицей нарицаю,
А инако тебя за дочь не принимаю.

ЯВЛЕНІЕ II.

ОФЕЛІЯ одна.

За васъ любезна честь, и Гамлетъ дорогою,
За васъ прогнѣвался на мя родитель мой!
Тебѣ, о честь! я жизнь до смерти посвятила,
Тебя, мой Князь! по смерти я въ сердцѣ заключила.
Хотябъ за васъ мнѣ жизнь случилось погубить,
Ничто не можешь въ вѣкъ во мнѣ васъ истребить.
Съ тобою буду, честь, жить въ бѣдности, въ напастяхъ,
Довольнай какъ лишась ты, въ лучшей смертной части,
Въ великолѣпнн, въ порфирѣ и въ вѣнцѣ.
За васъ, увы! за васъ, злодѣя зрю въ отцѣ!

А ты, дражайшій Князь! копя моимъ не будешъ,
Я знаю, что меня во вѣки не забудешъ.
Будь Царь, или не будь, копя бѣ ты былъ и рабъ,
Офелія тебя любила и тогда бѣ.

Я В Л Е Н І Е III.

ОФЕЛІЯ, ГАМЛЕТЪ и АРМАНСЪ.

ГАМЛЕТЪ съ обнаженною шпагою.

Умрите вы теперь мучились, умрите!
Пришелъ вашъ лютой часъ - - - но что вы очи зрите!
Офелію - - - въ какой пришла сюды ты часъ!
Сокрой себя отъ Гамлетовыхъ глазъ!

ОФЕЛІЯ.

Что здѣлалось тебѣ? и для чего мнѣ крыться?
Что такъ понудило тебя на мя озлишься?
Всегдашнее мя зрѣшь желанье опмѣня,
Иль ты злодѣйкою, Князь, ставишь и меня?
Какую я тебѣ досаду показала?
За что любезный Князь тебѣ пропивна спала?
Днесъ шлетъ Офелію прочь, а прежде самъ искалъ.
За что ты шоль свирѣпѣ мнѣ вдругъ, о Гамлетъ!
сталъ?
Мой разумъ омраченъ, и всѣ шрепещутъ члены:
Снажи причину мнѣ сей спранныя премѣны.

ГАМЛЕТЪ.

Возстаньте на меня вы всѣ случаи вдругъ,
Которы можете еще смутить мой духъ!

Всѣ скорби, всѣ бѣды, зберитесь совокупно,
 Терзайте бѣднаго и мучите неопшупно!
 Терзайте, что бы жизнь моя скорой прешла,
 И помная бѣ душа спокойствіе нашла!

ОФЕЛІЯ.

Мя каждая рѣчь теперь, изъ устѣ твоихъ, произаетъ,
 И каждая бытъ пвоей надежду отнимаетъ.
 Дай помощь въ слабости, въ поскѣ душѣ моей,
 И сжалясь вниди въ спраснѣ возлюбленной своей!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ жалости уже во мнѣ немилосердомъ,
 И больше не ищи любви въ сердцѣ твердомъ.
 Затворены пупи лучамъ очей твоихъ,
 Не чувствую уже заразовъ дарагихъ.
 Смотри, въ какой я сталъ Офелія судьбинъ:
 Я всѣми напоенъ свирѣпостями нынѣ.

ОФЕЛІЯ.

Такъ ты шу Князь любовь, котору ощущалъ,
 Изъ сердца своего со всѣмъ уже изгналъ,
 Любовь, что бытъ должна, была до сама гроба?
 Какой преступокъ мой, иль паче кая злоба,
 Понудила тебя сей пламень истребить?
 Возможно ли тебѣ Офелю не любить?
 Гдѣ будущъ кляшвы тѣ, которы я слыжала,
 И дни, которыхъ я утѣшно ожидала?
 Какой я врагъ тебѣ? тебѣ мой нравъ знакомъ:
 Слыжала ли отъ меня ты вредну рѣчь о комъ?
 Какими обличить могу себя я пѣньми?
 Злодѣй возводишь къ зау не варугъ, всегда степенъми.
 А я иль развѣ всѣхъ пирановъ превзошла?
 Или къ погибели другова не нашла;
 Чшобъ на шово, ково шоль много я любила,
 На перваго свои свирѣпства обратила?

ГАМЛЕТЪ.

Не множь опчаянья, жестокииъ не зови;
Я можеиъ бышь достоинъ сей любви,
Которая мою жестокость умалаетъ,
И ахъ! намъренье мое опровергаетъ.

ОФЕЛІЯ.

Скажи мнѣ, кто враги твои, мой Князь драгой!
И почему я въ ихъ число кладусь тобой!
Ужъ не опецъ ли - - - ахъ! ты очи отвращаешь!
О Гамлетъ! Гамлетъ! что ты днесъ предпринимаешь!

ГАМЛЕТЪ.

На добродѣтели я въ ярость не вступаю,
А беззаконія я больше не сдержлю.

ОФЕЛІЯ.

Такъ гнѣва твоего уже причину знаю;
Но виннымъ Клавдія въ семъ дѣлѣ почитаю - - .

ГАМЛЕТЪ.

Конечно знаешь все: се новый громъ ушамъ!
И ты причислилась, и ты къ моимъ врагамъ!

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, я тебѣ вѣрна и въ вѣкъ не премѣнюся;
А въ злобѣ, знай, что я ни съ кѣмъ не соглашуся.

ГАМЛЕТЪ.

Кто слышачи молчитъ о мерзостныхъ дѣлахъ;
Недобродѣшелеиъ, но люти въ моихъ глазахъ.
Разбойникъ такъ какъ шотъ, ково кто умерщвляетъ,
И шотъ, кто вѣдая шу шайну, сокрываетъ.

Когдабъ, что слышу днесъ, того я не слыжалъ,
 Я бѣ добродѣтельной дщерь вражью почиталъ!
 Но слышачи сіе, пошение теряю.
 Какой я въ шѣлѣ духъ прекрасномъ обрѣшаю?
 Тебѣ извѣстно то.

ОФЕЛІЯ.

Имѣлалъ время я,
 То возвѣститъ тебѣ? о горька часъ моя!
 При семъ ты разсуди, Полоній ли въ шомъ виненъ,
 Когда пиранъ сихъ спранъ шоль злобенъ и безчиненъ.
 Хоть праведно швоа суда достойна мать - - -

ГАМЛЕТЪ.

Не сыну, матери безчинство опомнѣть.
 А ты, по знаючи, передомной молчала,
 И грѣхъ ихъ отъ меня годъ цѣлый сокрывала!

ОФЕЛІЯ.

Годъ цѣлый? - - - я то все услышала въ сей часъ,
 И уничтожила родшельскій приказъ,
 По что два дѣла ты въ едино сообщашъ?
 Ты симъ меня, мой Князь, безмѣрно удивляешъ!

ГАМЛЕТЪ.

Ты всю смѣшала мысль: я не могу понять,
 Какъ должно по швоимъ рѣчамъ мнѣ разсуждать.
 Офелья! тайны шой, клянуса, что не знаю,
 Кошору предъ шобой съ убійствомъ сопрягаю.

ОФЕЛІЯ.

И мнѣ швоа слова непоспижимы днесъ.
 Внемли возлюбленный сего порядковъ вель;
 Но внидемъ въ храмину мою, здѣсь бышь ужасно.
 Уже съ шобою, Князь, мнѣ явно бышь опасно.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АРМАНСЪ и РАТУДА.

РАТУДА.

Армансѣ! готовѣ ли Князь, свой скипетръ взять, ийти,
И изѣ подбремени народѣ свой извести?

Царица Клавдія на вѣки оставляетѣ,

И взорѣ свой отѣ него всемѣстно удаляетѣ.

Благополученѣ день, благословенѣ сей часѣ,
Вѣ которы дѣло ихѣ открылося чрезѣ насѣ.

А я не мню, чтобѣ я предѣ нимѣ виновна стала,
Что долго отѣ него я по утаивала.

Опасности и страхѣ причина сей винѣ.

Тиранѣ ужасенѣ всемѣ, и преужасенѣ мнѣ.

АРМАНСЪ.

Князь, слабость шакову, отѣ звѣрства ошдѣляетѣ,

И молчаливость ту Ратудѣ отпускаетѣ.

Но что Гертруда днесѣ себѣ предприняла?

РАТУДА.

Вѣ пустыняхѣ обитать намѣренье взяла,

И ждеѣ, чтобѣ сына лишѣ увидѣть ей на тронѣ,

Кѣ спокойству Данія вѣ родительской коронѣ.

Но что ему взойти на свой престолѣ препитѣ?

АРМАНСЪ.

Доколь сѣ нимѣ истинна народѣ не сѣединитѣ,

Все предпріянія ево Ратуда щещны;

Вѣ пути ему споятѣ препятствія безсмѣтны.

Уже я множеству народа по открылѣ,

И силою присягѣ вѣ нихѣ тайну заключилѣ.

Одно лишѣ по меня тревожа устрашаетѣ,

Что Князь разгнѣванный терпѣніе тердетѣ.

Ужъ алчный мечъ ево былъ въ гнѣвѣ обнаженъ,
 И на враговъ ево жестоко устремленъ.
 Но иль нещастье ихъ еще отъ нихъ бѣжало,
 Иль щастіе ево ему то даровало,
 Что мѣчъ безъ добычи въ влагалище вмѣщенъ,
 И въ ярости изъ нихъ никто не пораженъ.

РАТУДА.

Не зрѣли ли они меча тогда?

АРМАНСЪ.

Не зрѣли.

РАТУДА.

Пекитесь, что бы вы успѣхъ въ сей день имѣли!

ЯВЛЕНІЕ V.

АРМАНСЪ одинъ.

Снимай желанный часъ съ народа бремена,
 И скончивай страны сей злыя времена!
 Дай небо, чтобъ жилъ Князь съ Офелрей неразлучно,
 И правилъ скипетромъ своимъ благополучно!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГАМЛЕТЪ и АРМАНСЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Армансъ! любезный другъ! мой духъ со всѣмъ смущенъ!
 Я жадосью опять, какъ прежде, напоенъ!

Чьи мысли таковы улобны быть жестоки,
 Чтобъ онъ непронупъ былъ, когда шекупъ пошокн,
 Изъ предражайшихъ глазъ, возлюбленной ево?
 Жалбй Армансѣ, жалбй пы друга своево;
 Но ахъ! не умножай моей негодной спраспи:
 Я шцуся побѣдипъ любовь вѣ моей напаспи!
 Хотя любовь меня колеблетъ и спыдипъ;
 Но можетъ быть еще со всѣмъ не побѣдипъ.
 Ахъ, Гамлетъ! пы себя напрасно величаешъ;
 Уже подъ игомъ пы ея изнемогаешъ?
 Твой разумъ естесиво почти превсзмогло.
 О долгъ! о красота! о коль шерпѣшь мнѣ зло!
 Что дѣлать? что начать? Офелѣя умоляетъ,
 Чтобъ я умѣрилъ гнѣвъ, и слезы проливаетъ.
 Оставь меня, и дай еще мнѣ газмышлять,
 Что должно вѣ таковомъ мученіи начать.

АРМАНСЪ.

Ты горести своей вдаешся неразумно.

ГАМЛЕТЪ.

Не можно вобразипъ, какъ мнѣ шерпѣши трудно.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГАМЛЕТЪ одинъ.

Что дѣлать мнѣ шеперь? не знаю, что зачать.
 Легколь Офелію на вѣки пошерять!
 Ощецъ! любовница! о имена драгія!
 Вы были щасшьемъ мнѣ во времена другія.
 Днесъ вы мучипельны, днесъ вы несносны мнѣ;
 Предъ кѣмъ нибудъ изъ васъ мнѣ должно быть вѣ виѣ.

Предъ кѣмъ я пресупляю? вы мнѣ равно любезны:
 Здержитесь въ очахъ моихъ попоки слезны!
 Не зрюсь способенъ быть я къ долгу своему,
 И нѣтъ пристанища блудящему уму.

(Хватается за шпагу.)

Въ тебѣ единомъ, мечъ, надежду ощущаю,
 А праведную месть я небу погучаю.
 Постой - - - великое днесъ дѣло предлежитъ:
 Мое сей пѣдо часъ съ душою раздѣлитъ.
 Отверсть ли гроба дверь, и бѣдствы окончатъ?
 Или во свѣтѣ семъ еще премерщивати?
 Когда умру; засну, - - - засну и буду спать?
 Но что за сны сія ночь будетъ представлять!
 Умреть - - - и вниши въ гробъ - - - спокойствіе пре-
 лестно;

Но что послѣдуетъ сну сладку? - - - неизвѣстно.
 Мы знаемъ, что сулитъ намъ щедро Божество:
 Надежда есть, духъ бодръ; но слабо естество.
 О смерть! противный часъ! минуша вселющѣйша!
 Последняя напасть, но всѣхъ напастей злѣйша!
 Воображеніе мучительное намъ!
 Неизреченный страхъ отважнѣйшимъ сердцамъ!
 Единымъ именемъ своимъ вся плоть пренецетъ,
 И отъ пристанища опять въ валы опмещетъ.
 Но есть ли бы въ бѣдахъ здѣсь жизнь была вѣчна;
 Ктобъ не хотѣлъ имѣть сего покойна сна?
 И кто бы могъ снести зда щаспія гоненье,
 Болѣзни, нищету, и сильныхъ нападенье,
 Неправосудіе безсовѣстныхъ судей,
 Грабежъ, обиды, гнѣвъ, невѣрности друзей,
 Вліянный ядъ въ сердца великихъ лъсти устами?
 Когдабъ мы жили въ вѣкѣ, и скорбь жилабъ въ вѣкѣ
 съ нами.

Во обстоятельствахъ такихъ намъ смерть нужна;
 Но ахъ! во всѣхъ бѣдахъ страшна она.

Какимъ ты естество суровствамъ подчиненно!

Страшна -- -- но весь сей страхъ придетъ -- -- придетъ
мгновенно.

Умри! - - - но что потомъ въ несчастной сей странѣ,
Подъ тяжкимъ бременемъ народъ речетъ о мнѣ?

Онъ скажетъ, что любовь геройство побѣдила,
И мужество мое щещею учинила:

Что я мнѣ данну жизнь безславно окончалъ,

И малодушіемъ сокъ крови проливалъ,

Котору за него пролишь мнѣ должно было.

Успокоеніе! почто ты духу льстишь?

Не лзя мнѣ умереть; исполнить надлежитъ,

Что совѣсти мсей днесъ истина гласитъ.

А ты опчаянну Герштруда въ мысль не впала,

Жестокость Клавдія и на тебя возшла.

Пойдемъ, и скажемъ ей, чтобъ Клавдія бреглась;

Чтсбъ только кровь однихъ тирановъ пролилась.

Конецъ прешьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ VI.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОФЕЛІЯ и ФЛЕМИНА.

ОФЕЛІЯ, платкомъ опирающая слезы.

Пускай ліются слезъ изъ глазъ моихъ потоки,
Пускай опъемлютъ жизнь болѣзни прѣжестюки,
О мѣсто полно бѣдствъ! позоръ прескверныхъ дѣлъ!
Колико мерзостей въ себя оцѣу мой ввелъ!
Почто отъ шакова отца я родилася?
Отъ камня лупчебы Офелія взялася.
А ты щеславіе, неправедная честь,
Чтобъ выше всѣхъ людей себя предъ проиъ вознесъ,
Желаніе по гробъ, ненасытимой власти!
Источникъ и вина всяя моеи напасти!
Къ чему прельщала духъ Полоніевъ, къ чему?
Коль не къ нещастію злосердно моему.
Когда повелѣвашь душа его желала;
Подъ скипешромъ моимъ ту бѣ славу воспріяла.
Хотяжъ бы Царскій вѣкъ еще и дологъ былъ;
Мой Князь и при Царѣ бѣ ему по испросилъ.
О отче мой! ты смерть себѣ приготавлиаешь,
И въ преисподнюю въ сей день себя ввергаешь.
О небо! какъ сіе мнѣ бремя мочь снести,
Уже я не могу родителя спасти;
Моихъ прошеній Князь уже не принимаетъ,
Спенаніи своей любезной презираетъ;
Не могутъ жалобы мои ево пронуть:
Спезями тѣми же идешь въ начатый путь.

ФЛЕМИНА.

Дай время ярости, доколѣ мысли люты.
 Прейдутъ сіи, прейдутъ жестокія минуты.
 Я видѣла, когда изъ комнатъ нашихъ шелъ,
 Какую жалость онъ въ очахъ своихъ имѣлъ.
 Любовникъ въ тѣ часы, когда онъ жесточаетъ,
 Противишься во всемъ сей нѣжной спраси чаешь,
 И хочешь быти рабъ разсудка своего;
 Но щещны мысли тѣ! любовь сильнай всево.

ОФЕЛІЯ.

Не разсужденіе; но гнѣвъ ево опасенъ,
 И можешь бышь что плачь мой былъ предъ нимъ на-
 прасенъ.
 И есть ли мой отецъ опъ Гамлетовыхъ рукъ,
 Увы! пойдетъ во гробъ; колико дастъ мнѣ мукъ!
 Я буду убѣгать любезнѣйшаго зрака,
 Не будетъ для меня сего желанна брака,
 Не будетъ радостей, которыхъ я ждала,
 Надежды сей лишусь, въ которой я жила;
 Приятны мысли всѣ мнѣ въ вздохи обращатся,
 Веселости мои въ печали претворятся.
 Но кая щещна мысль еще меня бодритъ!
 И кая мя еще надежда веселитъ!
 Нещастный человекъ пустымъ себя прельщаетъ,
 И изъ отчаянья надежду извлекаетъ,
 Безпрочной суебы, намъ неслужащій даръ.
 Какой уже, какой въ исплѣвшемъ пеплѣ жаръ!

ФЛЕМИНА.

Приятнай сонца свѣтъ, когда пройдетъ ненастье,
 И слаще сладка жизнь, когда пройдетъ нещастье.
 Кто знаетъ для чево случаи таковы:
 Не для познанія любви ево - - -

ОФЕЛІЯ.

Увы!

Не льсти Флемина мнѣ ты частію иною.
 Но кое зрѣлице! опецъ мой предомною.
 Поди отсель.

ЯВЛЕНІЕ II.

ОФЕЛІЯ и ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

О дщерь! любовь мою храня,
 Хранишъ ли подлинно? доспойналь ты меня?
 Скажи, ещель я дочь возлюбленну имѣю?

ОФЕЛІЯ.

Я испребишь любви кѣ любимымъ не умѣю;
 Но естли по любовь, чшобъ должность погубишь;
 Такъ знай, чшо никою я не могу любить.

ПОЛОНІЙ.

Ты думаешъ, что я свой долгъ позабываю,
 И кѣ неполезному дщерь дѣлу понуждаю,
 Уставы естества и свѣтскія губя,
 И симъ безчестіе взлагаю на себя.
 Спрашисъ и ощуцай мою немилость вѣчну;
 Я въ яросшь премѣню любовь кѣ тебѣ сердечну.
 И естли моево не хочешъ гнѣва несть;
 Предупреждай сей гнѣвъ доколѣ время есть.

ОФЕЛІЯ.

Ахъ! ты предупреждай гнѣвъ неба; вѣкъ прелестенъ,
 Но ахъ! конецъ ево намъ смертнымъ не извѣстенъ.
 Къ гибели твоей я прона не ищу,
 И на престолъ вступишь безчинно не хочу.
 Помысли сверхъ того, всель можно ушаши:
 А ярость праведну не можно ушопиши.
 Не гнѣвайся, что я въ разсудкѣ шакова.
 Непослушаніе, пропивныя слова,
 Отъ добродѣтельной души моей исходятъ:
 И ежели они на гнѣвъ тебя приводятъ,
 Оставь мнѣ, что тебѣ, толь дерзко говорю:
 Я должностъ дочери сей дерзостью творю.
 Довольно злыхъ людей Полонья оправляютъ,
 Которые тебя устами прославляютъ,
 Когда присутствуютъ бесѣдѣ ихъ твоей зракъ:
 И чпобъ ты ни сказалъ, они вѣщаютъ: такъ.
 Но что вредняй льстеца самолюбиву нраву?
 Престань меня влещи въ погибельную славу,
 И не теряй минутъ престоломъ мя прельщаютъ;
 Я чести не хочу безчестіемъ искать:
 Симъ образомъ никакъ насъ честь не возвышаетъ,
 Но добродѣтели въ сердцахъ изкореняетъ,
 И дѣлая единъ во славѣ чести видъ,
 При отвращеніи сердецъ влечетъ намъ спыдъ.

ПОЛОНІЙ.

Я наставленіевъ твоихъ не принимаю,
 И ужъ въ послѣдній разъ тебѣ напоминаю:
 Послушала ли ты мнѣ? послушна, или нѣтъ?

ОФЕЛІЯ.

Во всемъ; но таковой пропиевъ мнѣ совѣтъ,
 И поведѣнія исполнишь неудобно.

О время! ты еще Полонію способно!
 Когда тебѣ твоя пропивна спала дщерь;
 Такъ сжался надъ собой, не надомной шеперь:
 Престань въ тиранскія ты дѣйствіи мѣшаться,
 И срамошой ево безстыдно услаждаешься!
 Всѣ люди бременемъ ево опягчены,
 И шепряпъ можетъ бышь для сей одной жены,
 Которая Царя ихъ прежняго супруга.
 Ково вы будете по ней имѣши друга?
 Не сына ли ея, любима царствомъ всѣмъ?
 Какое мнѣшъ найши прибѣжище ты въ немъ?
 Умолинешъ ли о васъ вражда, и гласъ народа,
 Васъ поносящія во дни сего зла года?
 Скажи мнѣ: какъ тиранъ на Дацкій шронъ вступилъ?
 Который, ахъ! онъ день безъ казни проводилъ?
 Къ кому склонялося по сердце горделиво?
 И кто имѣлъ ево гнѣвъъ люшый справедливо?
 И есть ли умершвишъ онъ Гамлетову машь;
 Чево екажи, чево онъ будетъ ожидашь?
 Но Клавдіева часть Офелью ушрашаетъ,
 Не имъ; но что она твою съ собой сплетаетъ.
 Прими мой сей совѣшъ, для сихъ пекущихъ слезъ,
 И яросшь умягчи разгнѣванныхъ небесъ,
 Для чести онаго, ково я умоляю,
 И для ради ково я слезы проливаю!
 Внемли Офелиинъ въ шоскъ прискорбный гласъ,
 Доколѣ не пришелъ незапно грозный часъ!

ПОЛОНІЙ.

Довольно ужъ тебѣ душа моя шепрѣла,
 И медлила; хопя вся кровь во мнѣ кипѣла.
 Когда пренебрегла ты всю мою приязнь;
 Ты мнѣ не дочь, въ сей день примешъ люшу казнь.
 Я больше не могу преступницы жалѣши:
 Шрашишь и шрепещи, шриходитъ часъ умрети!

ВЪ сей день забудешъ ты число опцовыхъ злобъ.
 ВЪ сей день забудешъ все.... вЪ сей день ты снидешъ
 вЪ гробъ.

ОФЕЛІЯ.

Благословенъ сей день, вЪ который умираю;
 Я вЪ добродѣтели животъ окончеваю.
 Возми сію ты жизнь, котору ты мнѣ далъ,
 И бремя по снимай, которо налагалъ.
 А вы, о небеса! мой духъ восприимайте,
 И симъ ево грѣхомъ, грѣхи ево скончайте!

Я В Л Е Н І Е III.

ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ и КЛАВДІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Я милоспи твои, о Царь мой, погубилъ,
 Несчаспіемъ, что дочь такую я родилъ:
 Что слышалъ прежде ты, она все мыслитъ поже,
 Но милость мнѣ швоя, всево, что есть, дороже:
 Не давъ подъ власть швою Офелѣину красу,
 Я кровь ея шебъ на жертву принесу.

КЛАВДІЙ.

Ты такую честь Офелѣя презираешъ?
 Прешола знать еще ты сладости не знаешъ.

ОФЕЛІЯ.

Когда меня отецъ сей славой не прельспилъ,
 И вЪ младоспи познавъ кончину осудилъ;
 Я смерти своя смиренно ожидаю,
 А шронъ швой и съ побой мерзя уничшожая.

ПОЛОНИЙ.

Не буди, государь, симъ словомъ прогнѣвленъ;
 Она ужъ суждена, и судъ надъ ней свершенъ.
 Погибнетъ скоро сей рукой безчеловѣчно,
 Подъ остротой меча закроетъ очи вѣчно.
 Но что бы былъ ты смилъ Полоній злостью сей,
 Имѣй ты львовый гнѣвъ днесъ къ дочери своей.
 Будь твердъ, чтобъ глазъ твоихъ она не опвращала,
 И въ покахъ предъ тобой кровавыхъ пренешала.
 Смори безъ жалости, какъ станетъ умирашь,
 И испуская духъ помисься и спрадашь.

КЛАВДІЙ.

Будь твердъ, не премѣнись Полоній, въ семъ общѣ.
 О правосудіе неслыханное въ свѣтѣ!
 Единогдну дщерь свою не щадишь;
 Коль предъ Царемъ дерзнула преступить!

ПОЛОНИЙ.

Намъ должно исправлять прошивящися нравы:
 Когда не сокращаешь людей, на что уставы?

КЛАВДІЙ.

Коль то ты предприялъ, такъ умерши скорай;
 Ждаль смерти при концѣ есть самой смерти злай.

ПОЛОНИЙ.

Свидѣтельствовать смерть преступницы дозаетъ.
 Мы симъ дадимъ примѣръ, что Клавдій не жалетъ,
 За преслушаніе на свѣтѣ ни ково,
 И крови не щадишь Полонья самово.
 А я дамъ симъ примѣръ, коль рабъ прямой послушенъ
 Владыкѣ долженъ быть, и коль я праводушенъ.

О мерзость! - - - какъ тебя еще я нареку!
 Я лушу изъ тебя съ мученьемъ извлекну.
 Пойдемъ.

ОФЕЛІЯ.

Къ тебѣ взвожу, всещедро небо, руки!
 Не дай мнѣ чувствовашь сей долго спрашной муки!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ОФЕЛІЯ одна.

Оставили меня: не знаю дѣлачево.
 Не здѣсь ли буду ждашь мученья своево?
 Вотъ какова моя нещаслива судьбина!
 Дщерь знашнаго опца, невѣста Царска сына,
 Великолѣпіе, богатство, красоту,
 И все что дѣлало приятной суешту,
 Вѣ единъ шеперь я мигъ на вѣки погубляю.
 Но все то, что ни естъ, вѣ пристанищѣ пердю.
 Тогда, когда мой Князь на свой восходитъ пронъ,
 Все щастіе, вся жизнь, минуется какъ сонъ.
 Тѣнь радостей вѣ любви! почто ты мнѣ коснулась?
 Прелестная мечта! о какъ я обманулась!
 Когда, ты небо мнѣ судило вѣ свѣтѣ бышь;
 Почто такимъ опцомъ мя было вѣ свѣтѣ пустишь?
 Другой бы мой омылъ гробъ горькими слезами,
 А сей опъемлетъ жизнь своими, ахъ! руками,
 Прости спрана и градъ рожденья моево!
 Освобождайшеса опъ ига своево;
 Чертоги, гдѣ росла! нещасныя чертоги!
 Простите навсегда! А вамъ напаси спрѣги,
 Вѣ послѣдній мнѣ сей день, гоповишся конецъ;
 Надежда подданныхъ приемлетъ свой вѣнецъ.

Но я, мой Князь, тебя, куды иду, опшуду,
Въ порфирѣ и вънцѣ и въ славѣ зрѣшь не буду.
Прости дражайшій Князь! - - -

Я В Л Е Н І Е V.

О Ф Е Л І Я и С Т Р А Ж И.

Н А Ч А Л Ь Н И К Ъ С Т Р А Ж И.

Я долженъ по сказать! - - -

Полоній далъ приказъ тебѣ подѣ стражу взятьъ:
Такъ Клавдій повелѣлъ.

О Ф Е Л І Я.

Я повинуюсь властни.

О небо! окончай скорѣй мои напасти.

К о н е ц ъ ч е т в е р т а г о д ѣ й с т в і я.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЛАВДІЙ и ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Нашъ вымыслъ дѣйствія начало воспріялъ:
Я пятьдесятъ своихъ рабовъ къ тому избралъ,
Которымъ велѣно, чтобъ Гамлета сразили,
И Клавдіеву власть сей смертью утвердили.
Я казнь сію внушилъ имъ общества добромъ,
Къ убійствію склонивъ сихъ воиновъ серебромъ.
Лукавство наше ихъ къ тому не возманило,
Дсколѣ имъ сребро очей не ослѣпило,
И не разжгло сердецъ воюющихъ съ побой,
На злобу къ стогонѣ отъ Клавдіа другой.
За Гамлетомъ убить имъ велѣно Гершруду:
Сокровище приявъ, они готовы всюду.
Я судією имъ тебя предвозвѣспилъ:
Спрашаша только, чтобъ народъ ихъ не побилъ.
Но что намъ въ пагубѣ несчастныхъ сихъ печали?
Лишь толькобъ дѣло по исправно докончали.
Еще закроюся симъ оныя дѣла,
Которы совершилъ насъ нужда привела.
И есть ли государь тебѣ донестъ я смѣю,
Какое я еще намѣренье имѣю:
Когда они дойдутъ до нашего суда,
Льзя способъ намъ сыскать и ихъ послать шуда,
Куды они враговъ опасныхъ намъ низринутъ.
И шако шайнства на свѣстѣ не покинутъ:

Армансѣ съ Рапудою оружемъ ихъ падутъ,
 Надъ дщерію моею уже свершился судъ:
 Симъ пайна въ вѣчное молчанье пренесется.

КЛАВДІЙ.

Мой тронъ на камени прешвердомъ оспается.
 Для привлеченія спокойствія сердцамъ,
 Послѣдуемъ всему, что къ пользѣ служитъ намъ.
 Но дщерь своя когда приметъ мзду достойну?
 Она творитъ мнѣ мысль еще днесъ безпокойну:
 Прелестна красотою, любима царствомъ симъ,
 Горда прошивъ Царя, склонна врагамъ моимъ,
 На смерть поносную опцомъ своимъ влачима,
 И можетъ быть давно ужъ Гамлетомъ любима.
 Кто знаетъ, что она по смерти ихъ зачнетъ;
 Когда она свое непослушанье чплетъ,
 И добродѣтелью преступокъ называетъ?
 Какихъ Полоній дѣйствъ отъ дщери ожидаетъ?

ПОЛОНІЙ.

Не сѣпуй государь! она умретъ въ сей часъ,
 И воинамъ ужъ данъ Полоніевъ приказъ,
 Привестъ ея сюды. Но чтобъ уже сказала
 Она по таинство, которое познала,
 Того не можетъ быть: сколь дочь моя горда,
 Столь въ сохраненіи химеры сей тверда,
 Котору честностью безумство называетъ,
 И ей отдавшись въ плѣнъ, въ ней Бога почитаетъ;
 Но что бы слабости ей въ сердце не пустишь,
 Конечно надлежитъ скоряе умершвить.
 Се сей прошивный зракъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ, ОФЕЛІЯ и СТРАЖИ.

ПОЛОНІЙ.

Вы войны сморщите

Позорище сіе, и въ немъ примѣръ возьмите,

О правосудіи народу возвѣстите,

Которо надъ собой я вамъ хочу явить,

Единородна дочь моя въ преступокъ впаде:

Она владѣтелю досаду показала,

Непослушаніемъ уставъ пренебрегла,

И милости ево упорствомъ воздала.

Ни лѣпы, ни краса, въ которыхъ процвѣтала,

Ни безпорочна жизнь, въ которой пребывала,

Въ семъ преступленіи явившаясь теперь,

Не могутъ спасти ея, хоть мнѣ она и дщерь,

И умерщвляется отцовыми руками.

Я истинну одну имѣю предъ очами.

Но вмѣсто площади ей Царь чертогъ свой далъ,

И совершити казнь отца ея избралъ;

Чтобъ знашной крови сей безчестье не казалось,

А правосудіе повсюдубъ наблюдалось.

Сію едину онъ мнѣ милость сотворилъ:

Иныя отъ нево Полоній не просилъ.

Вянь, вянь преступница въ своемъ ты лучшемъ цвѣтѣ!

Предшествоуй истинна, всему, что есть на свѣтѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ и еще ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

Сей замокъ, государь, народомъ весь обѣяшъ,
 И люди оповсѣхъ споронъ къ нему лѣшяшъ:
 Младья, спарики, и женскій полъ, и чада,
 Всѣ, словомъ, жипели сего престольна града,
 Къ стѣнамъ чертоговъ сихъ безъ памяти бѣгутъ,
 И со спенаніемъ согласно вопіютъ:
 Ищите войны злодѣевъ сихъ ищите,
 Кѣмъ Гамлетъ пораженъ, и смерть его опомните - -

ОФЕЛІЯ.

увы!

КЛАВДІЙ.

Нещастный Князь!

ПОЛОНІЙ.

Спупай къ народу Царь!

Уйми шоликое смяшенъе государь!
 Я здѣсь остануся со дщерию моею,
 А ты представь себя убійцамъ судію,
 И правосудіе свое предвозвѣсти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ и ВОИНЫ,
 которые ея привели.

ОФЕЛІЯ.

И Гамдеша ужъ нѣшъ! просли мой Князь! просли!

О злоба! что еще въ сей день ты сотворила!
 Почто тебя я Князь во гробъ не предварила?
 Иль ахъ! чтобъ дня сего, сей часъ мнѣ горьче былъ?
 О градъ! ты всю свою надежду погубилъ!

ПОЛОНІЙ.

Со удивленіемъ слова твои внимаю. - - -

ОФЕЛІЯ.

Рази, я умереть теперь уже желаю.
 Рази, какъ ты Царя несчастна поразилъ,
 И знай, что сынъ ево Офелію любилъ,
 А дщерь твоя о немъ вздыхала, ахъ! подобно.
 Усугубляй свой гнѣвъ, и вырви духъ мой злобно!

ПОЛОНІЙ.

Теперь открыла ты мнѣ всѣ свои дѣла.
 Какой ты кровь моя мнѣ плодъ произвела!

Умри - - -

(Спрямился заколотъ дочь свою;
 но въ самое то время входитъ
 Гамлетъ съ Армансомъ и съ
 воинами, и вырываетъ мечъ
 изъ рукъ ево.)

ГАМЛЕТЪ.

Ужъ никому твоя невредна злоба,
 Не ей, тебѣ шпирякъ отверсты двери гроба.
 Уже народныя низпали бремена,
 Когда ты спрашенъ былъ, скончались времена.
 Пади подъ острой мечъ сего - - -

ОФЕЛІЯ бросая къ Гамлету.

Жесткокой!

Онъ мнѣ отецъ.

ПОЛОНІЙ Гамлету.

Входи вносись на тронъ высокой,

Когда тебѣ швоя неправда помогла,
И дерзоспны сердца прошивѣ Царя зажгла.
Пришелѣ ко мнѣ мой рокѣ. А ты шеперь облейся
Ошцовою кровію, и крови сей напейся.

ГАМЛЕТЪ Офеліи.

Дай казнѣ мнѣ совершитѣ.

ОФЕЛІЯ.

Ахѣ! сжался надомной.

ГАМЛЕТЪ.

По шаковыхѣ дѣлахѣ, онѣ не родителѣ швой.

ОФЕЛІЯ.

Я, Князь, злодѣя вѣ немѣ какѣ ты унишпожаю;
Однако вѣ немѣ ошца люблю и почишаю.

ГАМЛЕТЪ.

Сей варварѣ моево родителѣ убилѣ.

ОФЕЛІЯ.

Но Гамлетѣ, онѣ швою возлюбленну родилѣ.

ГАМЛЕТЪ.

Любезныя глаза! вы весь мой духѣ мушите! - - -

Подѣ спражу войны убійцу поведитѣ.

Ступай ширанѣ, и жди себѣ достойной мзды.

ПОЛОНІЙ.

Дай небо, что бы васѣ постигли все бѣды!

ЯВЛЕНИЕ V.

ГАМЛЕТЪ, ОФЕЛІЯ и АРМАНСЪ.

ОФЕЛІЯ.

Могуль я испросить родителю прощенье?
 Тебѣ легко, мой Князь, скончать мое мученье!
 Довольно я и такъ въ смятеніи жила,
 Довольно горькихъ слезъ въ сненаніи лила.
 Не презри горестна прошенія любезной!
 Скончай сурову часть моей пы жизни слезной!
 Ты хочешъ оспрый мечъ на кровь мою поднять.
 Или тебѣ не жалъ Офелю поперять?
 Въ какой пы горести мя Гамлетъ оставляешъ!
 Ты самъ меня, мой Князь, съ побою разлучаешъ.

ГАМЛЕТЪ.

Удобно ли проспишь злодѣя такого?

ОФЕЛІЯ.

Такъ знать не прогаюшъ тебя мои слова?
 Или пы мщеніе любви предпочипаешъ? - - -
 Ты очи опъ меня во гнѣвѣ опвраждаешъ!
 О какъ обмануша Офелія тобой,
 Я пдуся бытъ пвоей, пы бытъ не хочешъ мой,
 И смотришъ на меня спенящую спокойно;
 Знать сердце бытъ мое пвоимъ ужъ не достойно.
 Я дщерь не Царская, а пвой опецъ былъ Царь,
 Офелія раба, а пы мой Государь;
 Но я тебя любя, прельщалася не саномъ:
 Надежда сладкая! пы спала мнѣ обманомъ!
 Когда пы бѣднѣспи въ спранѣ сей Князь терпѣлъ,
 Когда пы никакой надежды не имѣлъ
 Взойти на тронъ, гдѣ злобѣ тогда жилище было,
 Такъ сердце и тогда мое тебя любило.

Колю много разъ мои ты слезы опиралъ,
 Которы ты своимъ несчастьемъ извлекалъ,
 Какъ мы супружества, котораго желали,
 Во градъ семъ имѣшь уже не уповали!
 Ты былъ опечесство свое покинушь радъ,
 И убѣжаешь со мной въ какой незнамый градъ,
 Хоть въ самый дальный край пространнаго вселенной,
 И живешь въ убожествѣ въ любви уединенной,
 Тамъ оба премѣнивъ несчастныхъ имена:
 Гдѣ дѣлися вы тѣ драгія времена?
 Вы въ горестяхъ, въ слезахъ, еще мнѣ сладки были,
 И безмятежну жизнь несчастливимъ сулили.
 А днесъ, когда беретъ любовникъ мой вѣнецъ,
 Припнымъ мыслямъ всѣмъ приходитъ, ахъ! конецъ.
 За что ты премѣнилъ тѣ мысли въ мысли люты?
 Ахъ! вспомни, вспомни тѣ шоль сладкія минулы!
 Когда я при тебѣ въ уныніи была,
 Уныніемъ однимъ пронуть тебя могла:
 Ты часто цаловалъ Офеліины руки,
 И лаской скончивалъ мои малѣйши муки.
 Ты свой покой въ моемъ покоѣ почиалъ:
 Ахъ, Князь! каковъ ты былъ! и ахъ! каковъ ты ешалъ!
 Уже не чувствуешь любезной огорченья,
 И спановишься самъ виной ея мученья.
 Жалѣй меня, жалѣй, не дай мнѣ умереть!

ГАМЛЕТЪ.

О небо! какъ посемъ на гробъ опцовъ возрѣшь,
 Когда Офелію отъ горести избавлю,
 И смрадному его убійцѣ жизнь оставлю?
 Спящая душа, остатокъ естества,
 Просяща мщенія, предъ прономъ божества,
 Родительская тѣнь! я думаю, что нынѣ
 Ты зришь себѣ врага въ своемъ любезномъ сынѣ,
 Колеблющагося въ жару любви спеня,
 И мной гнушаеся! взирая на меня.

Когда я симъ тебя мой опче прогнѣвляю,
И должности своей уставъ пренебрегаю,
Оставь мою вину! когдабъ я не любилъ,
Я бѣ должность наблюдалъ и безпороченъ былъ.

ОФЕЛІЯ.

Что ты любезной жизнь оставишь помышляешъ,
Не праведно сіе порокомъ называешъ.
И есть либѣ ты опца сей мыслию гнѣвилъ,
Каковъ бы онъ суровъ въ пою новой жизни былъ;
Въ пою жизни, гдѣ суешъ и злобы не бываешъ,
И гдѣ щеславіе людей не ослабляетъ,
Гдѣ царствуетъ покой, и истинна живешъ,
И время въ пишииъ изъ вѣчности плывешъ.

ГАМЛЕТЪ.

Но кровь его, но кровь въ черпогахъ сихъ пылаешъ,
И на опмщеніе мой духъ возпламеняешъ.
О Гамлетъ! совершай, что долгъ тебѣ велишъ!
Не впрямъ ли мнѣ шого Офелыя не простишъ!

ОФЕЛІЯ.

Когда ты совершишъ намѣреніе грозно,
Тогда моимъ опять любовникомъ быть позно.
Тогда моя на вѣкъ надежда пропадетъ,
И ужъ меня ни что съ тобой не сопряжетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ииъ духъ спрадай! воздамъ достойну плашу злобѣ,
И возвращю покой пошерянный во гробъ.
(Хочетъ уйши.)

ОФЕЛІЯ.

(Удерживаетъ ево, и стано-
вится на колѣни.)

Вѣ слабости мои открылись предъ тобой,
Изнемогаешъ духъ, темнѣешъ разумъ мой.

И не могу сихъ думъ столь горестныхъ терпѣши,
 И не могу при нихъ спокойно умерети.
 И смерть швоя и жизнь мученье мнѣ сулишъ,
 Воображеніе ужасно мя разишъ.
 Когда ты о себѣ уже не сожалѣеши;
 Какую обомнѣ ты мысль шеперь имѣеши?
 Иль хочешь взоръ закрыть, о мнѣ не вспомянувъ,
 И духъ свой испустишь, о мнѣ не воздохнувъ?
 Но мня, что памяши и вздохвѣ я дошойна,
 Всобрази себѣ, какъ буду безпокойна!
 Сего ли для ты жизнь несчастныя продлиа,
 Чтобъ ты свирѣпѣе мя съ нею разлучилъ,
 Чтобъ я лютейшее терзаніе вкусила,
 И очи, ахъ! въ поскѣ несносной зашворила?
 Какое бѣдство я спранѣ сей приключю!
 Всѣ радости вѣ тебѣ народны помрачу.
 Никто уже меня безъ злобы не вспомянешъ,
 Коль изъ любви моей столь вредный громъ здѣсь грядеши.
 Когда надъ сердцемъ я швоимъ имѣю власть;
 Яви любезный Князь, яви мнѣ ону спрасть!
 Иль на Полонія желѣзомъ изощреннымъ,
 Дай прежде смерть вкусишь шобою чувствамъ павнымъ!
 Опмидай! но прежде ты любовь мою забудь,
 И проколи сперва Офелину грудь!

ГАМЛЕТЪ.

Владычествуй любовь, когда швоя днесъ сила,
 И разсужденіе и духъ мой покорила!
 Воспань Офелія! ты власть свою нашла!
 Опри свои глаза! напастъ швоя прешла.

ОФЕЛІЯ воспавъ.

Преображайся плачъ ты вѣ радости и смѣхи!
 Мой Князь меня вознесъ на самый верхъ ушвхъ.
 Не привидѣніель, не сонъ ли мнѣ сіе?
 И жодлинноль прешла все бѣдствіе мое?

Прешло - - - и прервались пѣ пляжкія оковы,
 Чпо были разлучить съ душой меня гоповы.
 Вѣ веселіи тебѣ и щедрымъ небесамъ,
 Дражайшій Князь! какой я мздою по воздамъ?
 По упищеніижъ моихъ напастей многихъ,
 Скажи мнѣ, какъ скончалъ ты дни временъ поль спро-
 гихъ,
 И какъ ты удержалъ своихъ судьбину бѣдъ?
 Ужъ вѣсть была, что, ахъ! тебя на свѣшѣ нѣшѣ.
 Какое щастіе тебя вѣ немъ удержало?

ГАМЛЕТЪ.

Все здѣшне жительство на помощь миѣ представало.
 Уже едва не весь извѣстенъ городъ былъ,
 Какъ мой отецъ, ихъ Царь, животъ свой погубилъ.
 Которыя о помѣ и знали и не знали,
 Единодушно всѣ на проиѣ меня желали.
 Но Клавдій знать уже меня подозрѣвалъ;
 Полоній пятьдесятъ разбойниковъ избралъ:
 Я именемъ другимъ назвать ихъ не умѣю,
 Чпобъ имъ меня убить и съ матерью моею.
 Прибышкомъ алчущихъ удобно ослѣпить.
 Жестокія сердца легко ко злу склонить.
 Спасая мать свою, доколь повергну злону,
 Я ввелъ ея во храмъ къ родительскому гробу,
 Ей тамо камень сей слезами омывашъ,
 И силу вышнюю на помощь призывашъ,
 Во ожиданіи, вѣ надеждѣ сей, доколь
 Не будетъ сына зрѣть сѣднца на престолѣ:
 И какъ я отъ нея пошелъ сюды назадъ,
 И прикоснулся лишъ святыхъ порогу вратъ:
 Разбойники ко мнѣ съ спремленіемъ бѣжали,
 Ихъ оспрыя мечи какъ молніи сверкали.
 Но лишъ съ Армансомъ мы оружье извлекли,
 Они покинувъ насъ, во всѣ спраны шекли:

Знать имѢ возмнѣлося, что насѢ во храмѢ мнобо:
 УвидяжѢ только двухѢ, опять напали строга.
 ПротивѢ нападковѢ ихѢ мы спали во врапахѢ,
 И защищалися пренебрегая спрахѢ.
 БоязнѢ вѢ случаяжѢ сихѢ уже не помогаетѢ;
 ЛишѢ только помощи послѣднїя лишаетѢ.
 Мы нѣку часть изѢ нихѢ повергли предѢ собой.
 И началѢ слышитѢся во градѢ голосѢ мой,
 ЧтосѢ помощь дали намѢ кѢ спасенїю Гершуды,
 И что я гибну самѢ: народѢ бѣжалѢ отъсюды.
 НамѢренье свое по нуждѢ премѣня,
 Разсыпалися, всѢ злодѣи отѢ меня;
 Но множествомѢ мечей всѢ пораженны спали,
 Одни изранены, другїя мершвы пали.
 И какѢ пришелѢ всему желанный граду часѢ,
 Различный слышался о мнѢ вѢ народѢ гласѢ:
 Кто близко былѢ меня, потѢ радоспїю паялѢ;
 А кто меня не зрѣлѢ, потѢ мершва быши чаялѢ:
 И шако вѢ далека былѢ спрашнїй слышенѢ спонѢ.
 А я вѢ домѢ Царскїй шелѢ со тѣмою оборонѢ.
 Разбойники мнѢ все злодѣйство рассказали,
 Которыя вѢ крови межѢ мертвыхѢ умирали.
 Я душу яростью наполненну имѣлѢ,
 И сѢ неперпѣнїемѢ, во многолюдствѢ шелѢ,
 ЯвипѢ мучипелямѢ, достпойну имѢ судьбину,
 И что владыки ихѢ исполнитѢ должно сыну.
 ТиранѢ по лѣствицѢ вѢ низѢ замка низходилѢ,
 И вѢ лицемѣри, увиѢ мой Князь! вопилѢ;
 Но усмотрѣвѢ вѢ рукѢ моей желѣзо наго,
 Не кѢ радоспи позналѢ бытъ Гамлета живаго,
 И обращясь вѢ свои черпоги упекалѢ,
 ГдѢ суешно себѢ убѣжища искалѢ,
 ОтѢ спраха смертнаго во всѢ углы мешался,
 И палѢ подѢ симѢ мечемѢ: шокѢ крови проливался.
 О возвращенїи во храмѢ молясь моемѢ,
 Гершуда предстоитѢ еще предѢ олшаремѢ.

Гражданстве, воинство, мя съ нею ожидаютъ,
И съ скипетромъ въ рукахъ уэрбшь меня желаютъ,
Пойдемъ Офелія, пойдсмъ не медля къ нимъ,
И съ ними небесамъ молишвы воздадимъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢЖЕ и ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

Полоній, государь, подъ спражею скончался.

ОФЕЛІЯ.

Ахъ!

ГАМЛЕТЪ.

Знашь, что казни онъ достойной убоялся,
И убоявшись себѣ убійцомъ спалъ.
Скажи мнѣ, какъ онъ жизнь мучительску скончалъ?

ВОИНЪ.

По приведеніи ево подъ спражу нами,
Онъ грозными на насъ мещалъ свой взоръ глазами,
И въ изступленіи предъ нами рѣдливъ,
Сказалъ: когда вашъ Князь уже спался живъ,
Напрасно дочь моя шамъ проситъ и спонаешъ,
Прощеніемъ вину свою усугубляетъ;
Я не хочу отъ нихъ щедроты никакой,
И ихъ владѣпельми не ставлю надъ собой.
Скажите имъ, что я о томъ лишь сожалѣю,
Что больше погубить ихъ силы не имѣю.
По сихъ словахъ потчасъ онъ ножъ въ себя вонзилъ,
Скрежещущъ палъ, и духъ во злобѣ испустилъ.

ОФЕЛІЯ.

Я все исполнила, что дочери надлежало:
Ты само небо днесъ Полонья покарало!
Ты, Боже мой! ему брѣлъ долгоперѣливъ!
Я чшу судьбы швои! швой гнѣвъъ есть справедливъ!
Ступай мой Князь во храмъ, яви себя въ народъ,
А я пойду опдашь послѣдній долгъ природъ.

Конецъ трагедіи.

С И Н А В Ъ

И

Т Р У В О Р Ъ,

Т Р А Г Е Д І Я.

*Представлена въ первый разъ въ началѣ 1750
года, на Императорскомъ театрѣ,
въ Петергофѣ.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

СИНАВЪ , Князь Россійскій.

ТРУВОРЪ , братъ ево.

ГОСТОМЫСЛЬ , знатнѣйшій бояринъ Ново-
городскій.

ИЛЬМЕНА , дочь ево.

ВѢСТНИКЪ.

ПАЖЪ.

ВОИНЫ.

Дѣйствіе есть въ Новгородѣ въ Княжескомъ
домѣ.

СИНАВЪ и ТРУВОРЪ, ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОСТОМЫСЛЪ и ИЛЬМЕНА.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Пришло желанное, Ильмена, мною время,
Соединишь побой мое съ цесарскимъ племя,
Весь градъ сего часа неперпѣливо ждетъ,
Въ который кровь моя въ порфирѣ процвѣстетъ,
Ужъ къ браку олшари цвѣтами украшенны,
И брачныя свѣцы въ свѣщильники вонзены:
Готовься дщерь моя, готовься внити въ храмъ.

ИЛЬМЕНА.

Еще довольно дней осталось судьбамъ,
Которы погубишь жопитъ меня несчастну,
И бѣдную ввести въ супружество безстрастну.
Смогри ты, опче мой, на мой печальный зракъ.
И ешьдѣ я мида, отсрочь, отсрочь сей бракъ.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Ты счастья своего поднесъ не презирала,
И князю никогда суровства не являла - - -

ИЛЬМЕНА.

Но было изъ всего удобно разсудить,
Хочу ль съ Синавомъ я въ супружество вступить:
Желаю ль я сего, хощя уста молчали,
Глаза мои тебѣ довольно отвѣчали.
Почто ты мною, князь, столь щещно сграсненъ сталъ!
А ты почто рвашь духъ столь твердо предпринялъ?
Я леснаго являшь привѣщства не умѣю,
А истинной къ нему любви не имѣю.
И ежели уже сему союзу быть;
Такъ отче мой хощь срокъ пощисися преложитъ:
Прибави времени еще на размышленье,
Чтобъ я имъ какъ нибудь умѣрила мученье,
И чтобъ могла я слезъ потоки удержашь,
Когда ко браку мнѣ предъ олтари предсташь.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Несклонностию быть не можешъ оправданна,
Синаву ты женой во мзду обѣщованна.
Во воздаянъе онъ подъятыхъ имъ трудовъ,
И скипетръ и себя имѣетъ отъ боговъ,
Коперы упишивъ мяжежъ его рукою,
Намъ подали опять дни сладкаго покою.
Не будь несмысленна, упрямство испреби,
И сердце обуздавъ, принудься и люби.

ИЛЬМЕНА.

Когда бы сердцемъ лъзя повелѣвати было,
По волѣ бы пвсей, оно ево любило;
Но слабъ разсудокъ мой природу одолѣшь,
И не могу себѣ столь много повелѣшь.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Представь ево пруды любви своей въ посредство,
 И мужествомъ ево скончавшееся бѣдство.
 Вообрази себѣ нѣ спрашны времена,
 Когда мушился градъ, и вся сія страна,
 Отечество свое, опечество геройско,
 И воужалося буншующея войско:
 Прибытокъ всѣхъ вельможъ во градъ раздѣлилъ,
 Гражданъ и воинство на злобу успремилъ.
 Уставы древнія въ презрѣніе низпалъ,
 Правленье и суды всю область пошѣрялъ.
 Единъ остался я при истиннѣ святой,
 И часть опечества вѣрнѣйшихъ чадъ со мной.
 Коликое число смертъ Россювъ пожирала!
 Ихъ злоба на самихъ себя воспламеняла.
 Друзья прошивъ друзей, родня прошивъ родни,
 Воспали разрушатъ благополучны дни.
 Всѣ дома были женъ слезами окроплены,
 И всѣ поля мужей ихъ кровью обогрены.
 Алкалъ изъ сильныхъ всякъ правительство принялъ,
 И не хотѣлъ никто законы защищать.
 Воспомни, какъ твой братъ оплаканъ былъ друзьями,
 Мой сынъ, любезный сынъ, подъ градскими стѣнами.
 Я самъ израненъ былъ и чаялъ умереть,
 Сію ли бы по мнѣ ты стала часть имѣть.
 Къ намъ щедры небеса къ скончанію печали
 Съ полками прехъ князей для помощи послали!
 Не для владѣнія пришли они сюды:
 Но только отвратить несчастливыхъ бѣды.
 Великодушіемъ геройскимъ восхищенны,
 И славою одной къ Ильмену провожденны.
 Синавъ и братьями и мной погелѣвалъ,
 И воинство свое съ моимъ соединялъ.
 Тотъ часъ познался мѣчъ его въ полкахъ противныхъ,
 Предвозвѣщая миръ со шмой побѣдъ предивныхъ.

Казалося, прѣвлася тогда надъ нами пѣврь.
 Непобдимое оружіе и смерть.
 Упрямойво прѣкнее въ покорство прѣмѣнныи,
 И злобу ушолить, сердца соединили.
 Настала шашина: и въ воздаянѣ силъ,
 Которыми сей князь нанесѣти прекратилъ,
 Единогласно все на шронъ ево желали,
 И умоливъ ево, вѣщемъ ево вѣнчали.
 Но духа скипетромъ Синавъ не веселилъ:
 Синавъ во торжествѣ вздыхая говорилъ:
 На что мнѣ то, что я владѣти удостоенъ?
 Вашъ князь, о Гостомыслъ! не можетъ быть спокоенъ,
 Доколѣ отъ себя того не получитъ,
 Что нынѣ все ево веселіе мрачитъ.
 Я мысль ево позналъ, любовь явна мнѣ стала,
 Котора на его оковы налагала;
 Въ побѣдахъ, подъ вѣнцемъ, во славѣ, въ торжествѣ,
 Спасѣтся отъ любви нѣтъ силы въ существѣ.
 Что было мнѣ сказать? безумно прекословишь,
 Когда спремится намъ рокъ щастіе готовишь.
 И если бѣ я ему въ семъ дарѣ отказалъ;
 Народъ бы мя презрѣвъ, ему Ильмену далъ.

ИЛЬМЕНА.

Какія правы то? и сей уставъ отколѣ?
 Народъ бы далъ меня! иль я живу въ неволѣ?

ГОСТОМЫСЛЪ.

Не только для него корону восприять,
 Для общества живомъ намъ должно потѣрять.

ИЛЬМЕНА.

Супружество сіе народу бесполезно,
 А мнѣ, ахъ! бѣдственнo, увы! и смертно слезно.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Полѣзно въ крайности защитника ласкать,
И хвалёно милости заслугой воздавать:
Кто спсѣдетъ, отъ того почтеніе не дико,
Когда бѣды прейдутъ, тогда оно велико.

ИЛЬМЕНА.

Но не довольно ли защитникъ нашъ почтенъ?
Онъ нами царствовать надъ нами возведенъ.
Послушна я тебѣ и сей достойной власти,
И быть хочу рабой, не ощущая страсти!
Похвальнай мнѣ, ему рабою вѣрной быть,
Какъ спавъ супругою, супруга не любить.
Онъ младъ, красенъ, герой: глаза мои по видятъ,
Но въ немъ любовника прошивна ненавидятъ.
Вини безуміе, что хочешь ты вини,
Но лишъ намѣренъе коль можешь опмѣни.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Я слово далъ.

ИЛЬМЕНА.

Меня не вопросивъ, ахъ! прежде,
Почто ты въ таковой былъ суетной надеждѣ,
Что будетъ съ княземъ симъ приятенъ мнѣ союзъ?

ГОСТОМЫСЛЪ.

Отврата отъ такихъ тебѣ преславныхъ узъ,
Ни мало во умѣ моемъ не представлялось,
Желаніе ево мнѣ щастіемъ являлось.
Когда жъ нечаянно я въ томъ обманутъ спалъ,
Не обвиняй меня, что я по слово далъ,
Не мучь вздыханіемъ своимъ меня напрасно.

ИЛЬМЕНА.

Супружество сіе мнѣ такъ, какъ смерть, ужасно.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Когда тебя любовь со княземъ симъ дѣлитъ,
 Привычка съ нимъ тебя Ильмена сѣдинитъ:
 Послѣдуй моему родителю совѣшу,
 И не безчесть меня премѣною обѣшу.
 Привычка естества сильныя иногда.

ИЛЬМЕНА.

Я буду воздыхать и сѣповать всегда.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Что жъ князю я скажу, не премѣняя слова?

ИЛЬМЕНА.

Я для тебя уже прияти смерть гошова.
 Но предпривѣи ни какъ того не премѣнишь,
 Хотя при дни дай еще мнѣ, опче мой, прожилъ.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Не представляй въ умѣ такой суровой страсти,
 Не вображай себѣ, безъ бѣдствія напасти;
 Но въ прехъ желанныхъ дняхъ, ты горесть упиши,
 И бѣдственный сей боль скорбящія души.

ЯВЛЕНІЕ II.

ИЛЬМЕНА одна.

Исполнится сіе мнѣ злое приключенье,
 И окончается по прехъ дняхъ все мученье,
 Которымъ ты меня, мой опче! погубилъ.
 А ты, который мя несклонну полюбилъ,

увидишь не въ одрѣ меня по пѣсняхъ брачныхъ:
Не въ одрѣ пойду, во гробъ, и шамъ въ пещерахъ мра-
чныхъ

Я сердце, коль ево принудить не могу,
Любезну Трувору невинно собрегу!
Но я несчастная не вѣдая вѣщаю,
Любовнику ль уже я сердцѣ посвящаю!
Не суепою ли я льщу себѣ маня!
Не облыгаютъ ли глаза мои меня,
И представляють мнѣ на скорби и мученье,
Признаками любви единое почтенье!
Ахъ! нѣптъ: ево мнѣ взорѣ вседневно говоритъ,
Что сердце и ево любовію горитъ.
Когда ты, о любовь! съ судьбой не согласилась;
Несчастная любовь! почто ты въ насъ вселилась?
Пылай во мнѣ любовь! не долго мнѣ горѣшь,
О солнце! скоро я тебя престану зрѣшь!

Я В Л Е Н І Е III.

СИНАВЪ, ТРУВОРЪ и ИЛЬМЕНА.

СИНАВЪ.

Ко угожденію тебѣ, нашъ бракъ отсроченъ,
Передъ тобой и въ томъ я буду безпороченъ.
Но отъ чего въ тебѣ смяшеніе сіе,
Которо мнѣ теперь явитъ лице твое?
Спѣнящу зрю тебя, смущенну, шоропливу!
Или въ пѣненье взявъ ты душу горделиву,
Намѣрена во мзду любви меня поминь,
И бодрствующій духъ въ унылый премѣнишь?
Какою предъ тобой виновенъ я прослужой:
Или чпо дѣлаю тебя своей супругой,

Часть III.

И

И возвожу на проиѣ сѣ собою обладать:
 Изѣ устѣ пвоихѣ хочу устави я подати?
 Что ты дражайшая часѣ брака удалила,
 Ты симѣ меня однимѣ довольно огорчила.
 Почто супружество намѣ далѣ оплагати,
 И нѣжную мнѣ спрасити еще превозмогати?
 Свидѣтельствуюсь * имѣ размученѣ мыслями злыми,
 (* Указывая на Трувора.)

Какѣ жестоко пронзенѣ я взорами пвоими!
 Онѣ почно вѣдаешѣ, какѣ я тебя люблю,
 И знаетѣ только ночь, спокойно ли я сплю.
 Чшо ты несклонна мнѣ, я видѣлѣ по и прежде,
 Но зря почпеніе, былѣ вѣ спрахѣ и надеждѣ.
 И ежели была несклонность отѣ спыда,
 Такѣ не былѣ я побой нещасливѣ никогда.
 А ежели не спыдѣ я вижу предѣ собою;
 О коль нещасливѣ я, дражайшая, побою!

ИЛЬМЕНА.

Не спрашивай теперь смятенія вины;
 Изѣ устѣ увѣдаешѣ ты по своей жены!
 Чшо мнѣ велѣлѣ отецѣ, по мною ушвержденно,
 И вниду вѣ храмѣ сѣ побой, хопя бы принужденно.

СИНАВЪ.

Я всѣ пвой слова приемлю за уставѣ,
 И бытъ хочу во всемѣ передѣ побою правѣ;
 Вѣ тебѣ любовницу я чшу и дщерь геройску.
 Скажи ты Труворѣ по жрецамѣ, вельможамѣ, войску,
 Чшо радости свои уже опсрочилѣ я,
 И повтори сіе родителю ея,
 Чшо я исполнилѣ по.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ИЛЬМЕНА и ТРУВОРЪ.

ТРУВОРЪ.

Такъ ты ужь предпріяла;
Ево супругой бышь.

ИЛЬМЕНА.

Хотя и не желала.

ТРУВОРЪ.

О колъ несчастный братъ ты нынѣ щастливъ спалъ!

ИЛЬМЕНА.

Ты щаспїемъ ево напасть мою назвалъ:

По повелѣнію ему супругой буду;

Но въ одрѣ - - - чевѣ хочу? - - - пойдѣмъ скорѣй
отсюду!

Исполнь ево приказъ.

ТРУВОРЪ.

Почто ему я братъ!

Увы! почто, когда плѣнилъ ево тѣой взглядъ!

О дружба! о родство! вы мнѣ прошивны сшали!

Вы мнѣ испочники смерщельныя печали!

ИЛЬМЕНА.

Молчи, о Князь, молчи! не изъясняй себя.

ТРУВОРЪ.

Возможно ли молчать, лишаяся себя!

И ахъ! на что ты мнѣ молчать напоминаешъ?

Что я себя люблю, уже давно ты знаешъ.

ИЛЬМЕНА.

Какой еще ударъ мнѣ сердце уразилъ,
 Почто дражайшій взоръ пы грудь мою пронзилъ!
 О солнце! небеса! о праведныя боги!

ТРУВОРЪ.

О время! о судьбы! за что вы намъ поль спрости!
 Удобно ли мнѣ скорбь такую претерпѣть,
 Что буду я себя чужой супругой зрѣть,
 Красу пвою чужимъ желаніямъ врученну,
 И сердца моего ушѣху похищенну?

ИЛЬМЕНА.

Я съ именемъ умру любовницы пвоей,
 И дѣвой снизу въ гробъ; не чувствуй муки сей.

ТРУВОРЪ.

Ты брату моему хотѣла бышь женою.

ИЛЬМЕНА.

Не обвиняй меня невольною виною,
 И дай исполнии родительскій приказъ:
 Ахъ! естли въ свѣтѣ кто нещасливяе насъ!

ТРУВОРЪ.

Твой духъ не шакъ какъ мой симъ бракомъ будетъ
 мучецъ,

А я пребуду въ вѣкѣ на свѣтѣ злополученъ,
 Хотя мой вѣкѣ напасъ и скоро весь промчитъ,
 Когда она меня съ побою разлучитъ:

И какъ меня, увы! пожретъ земли упроба,
 Приди когда нибудь ко мнѣ на мѣсто гроба:
 И естли буду жить я въ памяти пвоей;
 Хотя малу жертву дай во пмѣ душѣ моей:

И шѣнь вообразя мою передѣ глазами,
Оплачь мою злу часть, омой мой гробѣ слезами.

ИЛЬМЕНА.

Владычествуй собой, и менѣ спрадай:
А жертвы отѣ меня инья ожидай.
Не слезы буду липь я жертвуя любви:
Когда тебя лишусь, польюшся шокы крови.

ТРУВОРЪ.

Поняши не могу я сихѣ швоихѣ рѣчей.

ИЛЬМЕНА.

Поймешѣ, когда моихѣ померкнешѣ свѣтѣ очей.

ТРУВОРЪ.

Мнѣ мысль швоя шемна, какѣ я ни разсуждаю.

ИЛЬМЕНА.

Скончаемѣ разговорѣ, я паче имѣ спрадаю.
О Труворѣ! ты мнѣ милѣ; но мнѣ швоей не бышь;
Ни чпо не можешѣ насѣ сѣ шбой совокупишь.
Умѣрь свою шоску лишаяся Ильмены,
Уже не получишѣ шпраданіемѣ премѣны.
Сноси сію болѣзнь надежду погубя,
Для горькихѣ слезѣ моихѣ пролишыхѣ для тебя.

ТРУВОРЪ.

Какою мучуся я люшою судьбою!

ИЛЬМЕНА.

Скрывай любовь! ещѣ Ильмены предѣ шбою.

ЯВЛЕНИЕ V.

ТРУВОРЪ, ИЛЬМЕНА и ГОСТОМЫСЛЪ.

ТРУВОРЪ.

Мой братъ съ Ильменою о бракѣ говорилъ,
 И здѣлалъ, какъ о томъ ево ты самъ просилъ,
 Покорствуя во всемъ швоей прекрасной дщери.
 Уже зашворены отперсты въ храмъ двери.
 А мнѣ онъ далъ приказъ, чтобъ я тебѣ сказалъ,
 Что онъ исполнилъ то, на что онъ слово далъ.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Къ нему на всякой день рощетъ мое почтенье:
 Скажи Синаву ты мое благодаренье. - - -
 Но что ты князь - - - и ты мянешся вся стена!

ИЛЬМЕНА.

Мяпущь, остави ты въ смяшеніи меня.
 Я горести своей даюся безразсудно,
 Какъ должностъ ни храню, принудишь сердце трудно.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Не познаваю ль я желанья швоево?

ИЛЬМЕНА.

Мое желанье смерть: нѣтъ больше ни чево,
 Что въ скорби мнѣ бѣ моей цѣленье обѣщало,
 И утѣшеніе малѣйше предвѣщало.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Написано уже на вашихъ мнѣ очахъ;
 Сокрыше таинство во обоихъ сердцахъ.

ИЛЬМЕНА.

Коль ты ево позналЪ изЪ обстоятельствЪ вредныхЪ;
Почувствуй нашу скорбь, и сожалѣй о бѣдныхЪ.

ТРУВОРЪ,

Отколѣ ты взялся соборЪ толликихЪ мукЪ!
Кто хочетЪ изЪ моихЪ любезную взять рукЪ!
Мой братЪ: и кто ее изЪ рукЪ моихЪ вручаетЪ?
ОтецЪ ея: увы! мой духЪ изнемогаетЪ.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Колико ты судьба несчастныхЪ собрала,
ВЪ сѣи, вЪ семЪ градѣ, дни - - -!

ИЛЬМЕНА Гостомыслу.

Коль я шебѣ мила - - -

ГОСТОМЫСЛЪ Трувору.

Преодолай себя и вознесися паче,
Не оставляй свою возлюбленную вЪ плачѣ.
Она послѣдуетъ примѣру своему.

ИЛЬМЕНА.

Инова нѣтъ конца днесь бѣдствію сему - - -

ГОСТОМЫСЛЪ.

Не множте моего вы больше огорченья,
Поди, поди и ты не множь ея мученья.

ТРУВОРЪ отходя.

Не буду сопряженЪ во вѣки я съ шобой!

ИЛЬМЕНА отходя.

Бори свою любовь и овладѣй собой!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГОСТОМЫСЛЪ одинъ.

По окончаніи народныя печали,
Такой ли радости вы мысли ожидали?
Синавъ! о храбрый князь! я къ поку горькихъ слезъ
Любезной дочери, себя на иронъ вознесъ.
О злополучіе! или пыхъ мнѣ природно?
Я зрю, что все мое стараніе бесплодно:
Бѣды родяшъ бѣды, не вижу имъ конца,
И здѣлали меня пираномъ изъ опца.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

СИНАВЪ и ТРУВОРЪ.

СИНАВЪ.

Я стражду въ мукѣ злой невѣстою своею!
Скажи мнѣ Труворъ, ты остался тамо съ нею,
Не внялъ ли ты изъ словъ ея любви какой,
Которая бѣ ея разрушила покой.
Конечно душу то Ильмены возмущаетъ,
И опѣ супружества поль знашна отвращаетъ.
Во градѣ, при дворѣ, или въ чертогахъ сихъ,
Конечно нѣкто ей причиной мукъ такихъ,
Конечно кто при мнѣ, въ полкахъ, или гражданствѣ,
Изъ подданныхъ моихъ имѣя ту въ подданствѣ,
Котора возмогла ихъ княземъ овладѣть,
Отъемлетъ сердце - - - ахъ! возможно ль по смер-
пѣть!

ТРУВОРЪ.

А ежели то такъ, и естъли то познаешъ;
Что въ сей горячности ты суетно спонаешъ?

СИНАВЪ.

Кто щипиша всѣ мои ушѣхи погубить,
Тотъ дерзостью мой гнѣвъ спремится возбудить.

ТРУВОРЪ.

Такъ иъ казни общество себѣ тебя вѣнчало?

СИНАВЪ.

Тиранство отъ любви не разъ уже бывало.
О небо! въ сердце мнѣ щедроту вкореня.
Не здѣлай на конецъ мучителемъ меня!

ТРУВОРЪ.

Кто хочетъ помнитъ долгъ, не можетъ быти злобенъ;
Не забывай ево, и будь себѣ подобенъ.
Коль будемъ таковы, что скажетъ градъ о насъ?
Какой по сѣверу опсель раздастся гласъ?
Что будутъ мыслиши державы сей сосѣды?
Умолинешъ славы рогъ, померкнушъ всѣ побѣды,
Которыми мы поль высоко вознеслись,
И для того ль, когда граждана здѣсь, спаслись,
Мы бремя ихъ отъ нихъ поль славно отврашили,
Чтобъ бременемъ своимъ мы ихъ опягошили.
Нашъ младшій братъ опсель опсущественъ: смѣю я
Одинъ тебѣ сказать, что спраждемъ честь швою.
Раби швои, о князь! швои любезны дѣпи:
Не зачинай инымъ ты образомъ владѣши!

СИНАВЪ.

Когда бы ты ково толико самъ любилъ;
Такъ ты сію бы рѣчь конечно позабылъ.

ТРУВОРЪ.

Нѣтъ, истинна бы мнѣ была во основанье:
Я бѣ началъ умѣрять не правое желанье,
И. вопрошивъсь бы природѣ сколько могъ,
Сей пламень бы смягчилъ, который бы мнѣ жогъ.

СИНАВЪ.

Я чувствую въ себѣ болѣзнь неушолиму;
Что злѣй есть, какъ любить, и ахъ! не быть любиму!

ТРУВОРЪ.

Еще спонрашно злай въ любви взаимной пдѣтъ!
И въ сладостяхъ ея надежды не имѣшь.

СИНАВЪ.

Я бѣ горестъ такову вкушалъ алкая въ сладость,
Печали бы мои въ себѣ имѣли радость.
Хотя бы я въ любви ушѣхи не имѣлъ;
Я бѣ тѣмъ доволенъ былъ, чпобѣ сердцемъ я владѣлъ,
Которое бы мнѣ вздыханіе давало,
Вздыханіе бѣ мое подобно воспримало:
Я всю бѣ мою напастъ съ любезной раздѣлялъ,
И симъ спраданіемъ себя увеселялъ.

ТРУВОРЪ.

Ильмена ли одна красу очамъ являетъ?
Красавицами все жилище здѣсь сіяетъ.
Природа лучшихъ дѣвъ въ сей градъ произвела,
Любовь сіи брега столицей избрала,
И землю осудивъ сію на жертву жладу,
Рождаетъ красоту на мѣсто винограду.
Всмотрись когда нибудъ въ собраньи, въ торжествѣ,
Чпо краше нашихъ дѣвъ ты ещещъ въ естествѣ!
Всмотрись, и отвративъ ты взоръ отъ сей суровой,
Другую избери, и пай въ любви новой,
Которая бѣ тебѣ ушѣху принесла.

СИНАВЪ.

Уже сія любовь високо возросла,
И твердо корень свой по сердцу простирила,
Ильменина краса на вѣкиъ меня пѣнила!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЬ и ГОСТОМЫСЛЪ.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Благодаренье Князь мое донесено - - -

СИНАВЪ.

Но сердце, ахъ! мое смертельно спѣснено.
 Я дочерью своею смущенъ неизреченно,
 Весь умъ, все чувство Ильменой огорченно:
 Мнѣ жизнь безъ сихъ очей и счастье суета;
 Отвергла мысли всѣ сей дѣвы краса, а,
 Успѣхи славныхъ дѣлъ моихъ оспанила,
 И къ малодушію мой гордый духъ склонила.
 На что надъ Россами тобою приялъ я власть,
 Колю мѣщентъ мя, какъ валъ малѣйше судно, страшно?
 На что я въ сей странѣ народами владѣю,
 Колю больше надъ собой я власти не имѣю!
 Я вижу то, что я красавицѣ не милъ.
 Къ чему меня, къ чему мой рокъ опредѣлилъ!

ГОСТОМЫСЛЪ.

Когда она своею супругой назовется,
 Тогда и грусть своя и мука разорвется;
 Ильмену знаю я: мнѣ нравъ ея знакомъ,
 Хотя подлинно она вздыхаетъ днесъ о комъ;
 Супругой ставъ своею, она его забудетъ,
 И вѣрность наблюдать къ тебѣ по гробъ свой будетъ.

СИНАВЪ.

Но можетъ быть какъ ядъ въ умъ ея Синавъ!
 Хотя добродѣтеленъ сея дѣвицы нравъ,
 Хотя поль душа ея чиста, колю тѣло красно;
 Но естели сердце въ ней ко мнѣ, увы! бесполезно;

КЪ какой ушѣхи мнѣ Ильменою владѣшь;
 Коль буду завсегда ее печальну зрѣшь:
 Привѣшество должностью одной имѣши ещану,
 И буду зрѣшь ее подвластною пирану?

ГОСТОМЫСЛЪ.

Коль склонности не зришь, пы, дочь мою любя!
 Ты бѣденъ, а она еще бѣднѣй тебл.

СИНАВЪ.

Что пы ни говоришь, мнѣ все предвозвѣщаетъ,
 Что мнѣ надежда все напрасно обѣщаетъ.
 Вѣ какую небеса низверженъ я напастъ!
 О вредный жаръ крови! о бесполезна спрасть!
 Скажи, о Гостомыслѣ! мое несносно бѣдство,
 И естли лъзя сыскать къ тому какое средство;
 Употребляй ево, употребляй мой другъ;
 Мнѣ радость та мала, что буду ей супругъ,
 И буду зрѣшь ее съ собою на престолѣ,
 На одрѣ и на престолѣ возшедшу по невлѣ!

ГОСТОМЫСЛЪ.

Къ склоненію любви нѣтъ больше ни чего,
 Для исполненія желанья швоево;
 Что могъ, я здѣлалъ все, чтобъ дашь тебѣ ушѣху;
 Не кромѣ должности невижу я успѣху.

СИНАВЪ.

О должность малое веселіе вѣ любви,
 Прохлада слабая горящія крови!
 Куда прибѣгну я, и что начну къ отрадѣ!
 Я вижу смерть мою вѣ прельщающемъ мя взглядѣ.
 Живуща вѣ разумѣ Синавовомъ краса,
 Опѣ пагубнаго дня и люшаго часа,

Какъ сердца моего свобода оплучалась,
 И мысль моя среди надежды огорчалась,
 Терзаячи меня колеблетъ весь мой умъ,
 И нѣтъ пристанища моихъ блудящихъ думъ.
 Что здѣлалось Синавъ, что здѣлалось съ тобою!
 Сія ль прилична жизнь Владыкъ и Герою?
 Какъ войско чшипъ тебя народъ и Госпомыслъ!
 Гдѣ дѣлось мужество! гдѣ дѣлся ты мой смыслъ!
 Когда меня глаза Ильменины прельстили,
 Все мужество мое, вы, боги, отврапили!
 Повсюду я хожу вздыхая и спеня:
 Ахъ! естли въ свѣтѣ кто несчастные меня?

ГОСТОМЫСЛЪ.

Не ты, о Государь! несчастный всѣхъ во градѣ,
 Не ты одинъ живешь въ любовной здѣсь досадѣ,
 Разсудокъ, здравіе, и мужество губя:
 Есть люди, кои въ помѣ несчастные тебя.

ЯВЛЕНІЕ III.

СИНАВЪ и ТРУВОРЪ.

СИНАВЪ.

Симъ онъ смятенія и грусти мнѣ прибавилъ;
 И въ безъизвѣстїи люшѣйшемъ мя оставилъ.
 Сумнѣніе мое со всѣмъ разрѣшено;
 Но кто меня губитъ, того невнушено.
 Любезный Труворъ! зри, какъ братъ пвой днесъ спра-
 даетъ,
 Вся злаго щастїя имѣ ярость обладаетъ.
 Скажи, не знаешь ли возлюбленный мой братъ,
 Ково полезно полъ склонилъ Ильменинъ взглядъ?

Ахъ! нѣтъ, когдабъ ты князь, о семъ увѣдалъ дѣлъ,
 Ты бѣ видя, какъ мой духъ спрадаешъ въ томномъ шѣлѣ,
 Давно мнѣ знаши далъ, чью кровь мнѣ должно лишъ,
 И грудь, въ копору мнѣ сей острый мѣчь вонзишь.

ТРУВОРЪ.

Лишенный вольности, надежды и покою,
 Пролей, о государь! своей шу кровь рукою!
 Свирѣпствуй, варварствуй и устремляйся въ мѣсть,
 Коль можешъ острый мѣчь на друга ты вознестъ!
 Вонзай оружіе, сражай ево безсловна,
 Вотъ грудь, копорая передъ тобой виновна!

СИНАВЪ.

Мѣчшу я зрю! - - - ахъ! ты опъемлешъ жизнь мою!

ТРУВОРЪ.

Я тайны своея ужъ больше не шаю.
 Опмщай сіе ты мнѣ, чпо ею ты крушился!
 Рази, доколѣ я Ильмены не лишился!
 Когда опнимешъ ты любезну у меня,
 Не жалобой одной воздамъ тебѣ спѣня.
 Рази шеперь! тогда карать меня ужъ позно.

СИНАВЪ.

Бывало ль время ты, кому поoliko грозно!
 Забуди дружество, или сей дѣвы взглядъ,
 Не будь любовникомъ, или не буди братъ!

ТРУВОРЪ опходя.

Драгія имена, сім священные оба.

СИНАВЪ.

Ужасная любовь! ты мнѣ спрашняе гроба!

ЯВЛЕНІЕ IV.

СИНАВЪ одинъ.

Се злое шайнство открылося ужъ мнѣ:
 Иль то, что слышалъ я, услышалъ я во снѣ!
 Вздыхающія власы, и сердце, ахъ! поминся:
 Трясется подомной земля, и небо тьминся!
 Ильмена! - - - Труворъ! - - - ахъ! - - - въ которую
 страну,
 Я съ большей жалостью несчастливый взгляну!
 Мой братъ! любезный братъ! я другъ тебѣ не ложно:--
 Ильмена! мнѣ тебя покинуть не возможно!
 Лишь только мой языкъ по имя наречешъ,
 Великодушіе въ минушу утешешъ.
 Собраніе приятствъ, прекраснѣйшее шѣло!
 Все щастіе мое опселъ оплешѣло.
 Подвласнну нынѣ спавъ предѣспной красотѣ,
 Прилично ли прервашъ природа узы шѣ,
 Которыми меня преславна кровь сковала,
 Гдѣ дружба многихъ лѣтъ приятно пребывала?
 О дружба! о родство! о хвальныя дѣла!
 Судьба! котора насъ ко граду привела,
 Для сихъ ли слѣдствій вы пущи сюда открыли,
 Что бѣ мы другъ другу рвы къ паденію изрыли?
 И что бы въ братѣ зрѣлъ я лютаго врага!
 О бѣдоносный градъ! прошивныя брега!
 Какъ мы пришедъ сюда остались со славой,
 Кто чаялъ то, что вы наполнены оправой!
 Не знаю, Труворъ, я губимый спрашью сей,
 Еще ли ты мнѣ братъ, иль люпый мнѣ злодѣй!
 Злодѣй! - - - о небеса! какую мысль имѣю!
 Но братомъ я тебя назвати не умѣю;
 Отъземлешъ у меня, что мнѣ милій всево:
 Отъземлешъ --- опнялъ ужъ! --- что злѣе мнѣ сего!
 О естли дружбу онъ мою еще вспомнешъ:
 И мнѣ прелестную любви перестанешъ;

Великодушіе такое чѣмъ воздамъ!
 Но привлеченнаго къ Ильменинымъ очамъ,
 Ни что не возвратитъ ужъ болѣе къ свободѣ;
 Нѣтъ краше ни чево ея во всей природѣ.
 О боги! о судьба! скончайте пляжкій спонъ,
 И превратите мнѣ въ мѣчпу сей день и сонъ,
 И привидѣнія такія къ сердцу люты!
 А я зрю въ явѣ васъ, о злобнѣйши минушы!

ЯВЛЕНІЕ V.

СИНАВЪ и ИЛЬМЕНА.

СИНАВЪ.

Позналася уже швоя ко мнѣ любовь.

ИЛЬМЕНА.

Что Труворъ объявилъ, я то вѣщаю вновь.
 Зловрѣдная къ нему горячность мя склонила,
 И съ нимъ меня любовь на вѣкъ соединила - - -

СИНАВЪ.

На вѣкъ? - - - но помнишь ли, что будешь мнѣ жена,
 И что Синаву ты въ супружество дана?

ИЛЬМЕНА.

Когда, о государь! твоей супругой буду,
 По должности тогда я Трувора забуду.

СИНАВЪ.

Сама сказала ты, что ты на вѣкъ его.

ИЛЬМЕНА.

Не долго спану ждашь кончанья своего:
И можетъ бышь, какъ жизнь моя съ пвоей спряжешся,
Что въ самый шопъ злой часъ, и духъ мой прочь
возмешся.

СИНАВЪ.

Какой за жаръ любви гововишь ты ударъ!
Къ тому ли во крови моей родился жаръ!
Часъ брака нашего ты люшымъ называешъ,
И пораженная груспишь и унываешъ,
И вмѣсто всей мнѣ мзды мой щдишься духъ мушишь!
Изрядно мнѣ любовь спараешся плашишь.
Иль спрасъь моя къ тебѣ еще мала бышь мнишься?

ИЛЬМЕНА.

Вспаленный, мной, пвой духъ неволею помишься!
Ты сердце суешной надеждой возманя,
Противъ желанія, ахъ! любишь князь меня,
Влюбясь не предузнавъ хопънью слѣдства злова:
Противъ желанія и я люблю друга.

СИНАВЪ.

Какія съ спраси сей збираю я плоды!
Безмѣрная любовь, сея ль достойна мзды!

ИЛЬМЕНА.

Ево къ Ильменѣ спрасъь пвоей сильнѣе спраси,
И больше много разъ напасть пвоей напасти:
Тебя ко мнѣ любовь въ злу горестъ привела,
Что ты упорну зришь шу, кпо тебѣ мила:
А Труворъ ужъ ни чѣмъ шоски не умѣраешъ,
Онъ вѣрную свою любовницу шеряешъ.

СИНАВЪ.

Прилично ль такъ тебѣ себя именовать:
 Коль бракъ велишъ тебѣ съ нимъ узы разрывати?

ИЛЬМЕНА.

Колико житіе ни стало мнѣ превратно,
 Любовницы ево, ахъ! имя мнѣ приапно.
 Еще тебѣ, еще Ильмена не жена,
 Доколь не буду я съ тобой сопряжена,
 Позволь симъ именемъ Ильменѣ нарицаться!
 Ково ты бѣдной мнѣ судьба велишъ лишаться?
 Я слабости моей не крою предъ тобой:
 Смотри на скорбь мою, и сжался надомной:
 Дай сердцу моему имѣшь, чего желаетъ,
 И чѣмъ оно, и грудь и кровь моя пылаетъ,
 Колико ни храню родительскій приказъ!
 Приапность можетъ ли опъ сихъ имѣли глазъ,
 Которыя тобой на слезы осужденны?
 Иль чувствія твои всѣ злобой побѣжденны,
 И сердце варварско въ себѣ имѣешь ты?
 Какія въ помъ лицъ ты ищешь красоты,
 Которо опъ тебя вседневно увлдеетъ?
 И здравіе и жизнь Ильмену покидаетъ.
 Не буди, государь! причиной смерти мнѣ!
 Ты началъ царствовать съ щедротой въ сей странѣ:
 Благополучіемъ явилъ себя народа,
 И что произвела на по тебя природа,
 Чтобъ ты ко истиннѣ свой разумъ простираетъ,
 И плачущихъ рабовъ ты слезы опираетъ.
 Съ престола бѣдныхъ вопль и спонъ смиренно внем-
 лешъ;
 Мою ли только жизнь безвинно ты опъемлешъ?
 И правосудья гдѣ искати больше намъ;
 Когда разрушиши ево впрямиши самъ,

Оставь меня! ты пѣмъ геройство усугубишь,
 И граду покажи, что какъ меня ни любишь,
 Что къ увѣнчанію своихъ прехвальныхъ дѣлъ,
 Любви пламенной ты славу предпочелъ:
 И какъ отъ спраспи грудь Синавова дрожала,
 Душа надъ спраспью сей побѣду одержала.

СИНАВЪ.

Какой жестокая совѣтъ ты мнѣ даешь!
 Всею силою меня къ безславію влечешь:
 И кроя отъ меня дражайшія забавы,
 Въ несносной мнѣ поскѣ велишь искаши славы!

ИЛЬМЕНА отходя.

Коль ты нежалостливъ, отъемли мой живопись!

СИНАВЪ.

Что скажешь ты о мнѣ, спраны сея народъ,
 Когда ты слабости души моей познаешь?
 Ахъ! то ли царской долгъ, что рвешся и спонаешь!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ Ш.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОСТОМЫСЛЪ и ИЛЬМЕНА.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Я вижу скорбь твою, и слышу тяжкій стонъ,
И знаю самъ, каковъ великъ тебѣ уронъ,
Тѣряшь любовника, жаръ сильный побѣждаши,
И въ женской слабости, спрасъ нѣжду принуждаши;
Но ты мнѣ дочь: бори желаніе любви,
И покажи, отъ чьей родилась ты крови!
Яви, что духъ въ тебѣ родительскій хранится,
И родъ ево тобой преславно обновится!
Великодушіемъ наполнивъ крапкій вѣкъ,
Уподобляется безсмертнымъ человекъ:
Прекрасна и млада, и въ самомъ лучшемъ цвѣтѣ,
Любима шѣмъ, кто миль тебѣ всѣхъ паче въ свѣтѣ,
Когда можешь ты себя преодолѣть;
Я буду образъ свой въ любезной дочери зрѣть!

ИЛЬМЕНА.

Я граду покажу, что я тебя достойна:
Но лезя ли, чтобъ душа моя была спокойна,
Когда шово, увы! на вѣки я гублю,
Ково я, опче мой, равно съ тобой люблю?

ГОСТОМЫСЛЪ.

Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу:
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду:

Синаву общества нарекъ тебѣ я мздой,
 Ни мнѣ ужѣ, ни тебѣ нѣтъ власти надѣ побой.
 Кто должности своей храненіе являетъ,
 Храня ея въ бѣдахъ, свой духъ успокоетъ:
 Спрадая за нее, когда онѣ помнитъ то,
 За что онѣ мучился, вся мука та ничто.
 Коль чистая душа не хочетъ быть превращена,
 За добродѣтели и мука ей приятна.

ИЛЬМЕНА.

Что бѣ я не пронута была моей судьбой,
 Когда поражена, родитель, я побой,
 Я тѣмъ уже не льзусь; какое сердце твердо
 Возможно обвинить меня не милосердо?
 Довольно мужества я, опче мой, явлю,
 Что преслушаніемъ тебѣ не прогнѣваю.
 Довольно должности я жертвую поскою;
 Въ цвѣтущей младости иду на смерть - - -

ГОСТОМЫСЛЪ.

Къ покою.

Ты тѣмъ скончаешъ скорбь и горесть пресѣчешъ;
 Но къ каковой меня ты скорби привлечешъ?
 Мнѣ жизнь твоя пляжка, конецъ пляжае будешъ.
 Иль мнишъ ты: Гостомыслъ любезну дочь забудешъ,
 Въ котору всю свою надежду положилъ,
 И для котора на свѣтѣ онѣ и жилъ,
 То мнѣ, что родѣ ево предавится въ ней паче?

ИЛЬМЕНА.

Но во спѣнаніи и въ непрестанномъ плачѣ,
 Способна ль буду я веселье приключашъ,
 Которо отъ меня ты чаялъ получаешъ?

ГОСТОМЫСЛЪ.

А какъ закрошѣ ты глаза свои сномъ вѣчнымъ,
 Могу ли быть тогда я полъ безчеловѣчнымъ,
 Чтобѣ не въпревожилъ рокъ сей крѣпости моей,
 И въ слабость бы не ввелъ того въ кончинѣ дней,
 Кто милоспи сея понынѣ жилъ не чая,
 И сына погребалъ очей не омочая?
 Когда изъ глазъ моихъ токъ слезный пошечетъ,
 Какую похвалу народъ о мнѣ речетъ?
 А слуху моему сей голосъ будетъ злобенъ:
 Намъ пвердый Гостомыслъ во слабостяхъ подобенъ!
 Хопя жѣ я слабоспи на сердце не пуцу;
 Но духъ, шебя лишасъ, колико возмуцу?

ИЛЬМЕНА.

Виню ли я шебя, что жизнь побою працу?
 Не обвиняй меня и ты, что горько плачу:
 Вступлю съ Синавомъ въ бракъ, я помню долгъ и
 честь;
 Но ахъ! возможно ли шакое бремя снести?
 Вы прямо видите поску мою, о боги!
 Почто твои въ сей градъ вступили, Труворъ! ноги.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Коль люшую напасъ случаи навели;
 Крѣпись, и Трувора опѣ мысли удали.
 Когда ты съ жалосью о немъ лице являешъ;
 Ты множишъ пламень свой и горесць обновляешъ.

ИЛЬМЕНА.

Желаніе свое, нещастнаго любить,
 Колико я могу, стараюся избыть.
 Спремитпельно опѣ сей я мыели убѣгаю;
 Но убѣгающа совсѣмъ изнемогаю.

Повсюду спрась моя гоняется за мной,
 Повсюду множитъ жаръ и рушитъ мой покой.
 Дражайшу зрака тѣнь повсюду обрѣшаю,
 И истребляя спрась, я спрась мою питаю.
 Разсѣянъ весь мой умъ, немилосердный рокъ
 Млещетъ люющійся во мнѣ кровавый покъ.
 Сама съ собою брань имѣю непреспанно,
 Разима, рвусь, спеню и спражду несказанно.
 Не тако въ варварскихъ перзаеся спѣняхъ,
 Невольникъ мучимый въ темницѣ и цѣпахъ,
 Какъ я, живущая въ странѣ своей природной,
 Въ дни щастья швоего, въ дни шижости народной.
 Прошла та жизнь, была которая вѣдна,
 И только мучуся я съ Труворомъ одна.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Которы паче всѣхъ о градѣ семъ шудились,
 Во щастіи своемъ подобно повѣдились:
 Подобно огорченъ и я, и Князь Синавъ:
 Онъ въ бранѣ зря своихъ препяшество забавъ,
 Ту мзду, которой ждалъ, бѣдою получаетъ:
 А Гестомыслу дочь боль вящій приключаетъ.

ИЛЬМЕНА.

Конечно всѣхъ грусней Ильменъ въ сей странѣ:
 Не тако горесно и Трувору какъ мнѣ:
 Когда престанетъ быть любовникъ мой въ надеждѣ,
 Жить будетъ безъ жены прошивной какъ и преждѣ:
 А я лишася ево пому опдамся въ власшь,
 Кѣмъ вся моя, увы! произошла напасшь.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Умодни! Труворъ здѣсь: сокройся ты опселъ!

ИЛЬМЕНА.

Здержись прискорбный духъ въ помящемся, ахъ! тѣлѣ.

Я В Л Е Н І Е II.

ТѢЖЪ и ТРУВОРЪ.

ТРУВОРЪ.

На что дражайшая ты прочь отсель бѣжишь?
Иль больше ужъ во мнѣ тых Трувора не зришь? - - -

ИЛЬМЕНА.

Должна повинну быть родительской я власи.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Для уполенія мучительныя спраспи.

ТРУВОРЪ.

Дай зрѣнью моему насыпишься шеперь!
Въ сей день пойдешъ во храмъ свѣдъ прекрасна дщерь,
И тамо присягнешъ на вѣкъ меня оставишь. - - -

ИЛЬМЕНА.

Въ сей день!

ГОСТОМЫСЛЪ Ильменѣ.

Ни что тебя не можетъ ужъ избавишь,
Отъ крайности, куда ты должность привела.

ИЛЬМЕНА.

На что судьбина ты Ильменѣ жизнь дала!

ТРУВОРЪ.

ВЪ безмѣрной ярости СинавЪ меня злословитЪ,
 Мнѣ сылку, а себѣ въ сей день онѣ бракЪ гѣшовитЪ:
 Уже во градѣ всѣмЪ извѣстечЪ сей приказЪ,
 А я ужЪ на всегда твоихЪ дышаюсъ глазЪ!

ГОСТОМЫСЛЪ.

Не огорчай еще его ты части лютой!
 Довольствуйся безЪ слезЪ послѣднею минутой!
 Ты женскою крѣпостью примѣръ ему подавъ,
 КакЪ долгу слѣдовать подашь ему уставЪ.
 (Трувору.)

Коль дѣва нѣсколько себя преодолаѣетЪ;
 ТакЪ мужу болѣе еще того долаѣетЪ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТРУВОРЪ и ИЛЬМЕНА.

ТРУВОРЪ.

Сіе ли наша горячноти плоды!
 Попыщимся отвратить толь лютыя бѣды,
 Доколь время всей надежды не скончало,
 Которо наше все веселіе умчало.

ИЛЬМЕНА.

ВЪ сей крайности, мой князь! толь пламенно любя,
 Чево бѣ не здѣлала Ильмена для тебя!
 Но я спасенія ни въ чемЪ себѣ не вижу,
 И все въ опчаяннѣ на свѣтѣ ненавижу.

ТРУВОРЬ.

Ты слышала, въ сей день назначенъ мой отбѣздъ:
 Лишаюся на вѣкъ я сихъ приятныхъ мѣстъ.
 Глаза покажутъ мнѣ спѣзи моей дороги,
 И буду жить я тамъ, гдѣ мнѣ прикажутъ боги.
 Коль не гнушаешься быть спранника женой,
 Коль любишь ты меня; разстанься съ сей спраной,
 И изъ величешва, куда восходишь нынѣ,
 Опважься ты со иной жить въ бѣдности, въ пустынѣ,
 Съ презрѣннымъ, съ выгнаннымъ, съ оставленнымъ
 опъ всѣхъ!

Покинь съ желаніемъ надежду всѣхъ утѣхъ,
 Которы пышностью князей увеселяютъ,
 И честолубія ни чѣмъ не уполяютъ:
 Довольствуйся однимъ пустыннымъ житіемъ,
 Будь мнѣ участница въ нещастіи моемъ,
 Которо, коль ты мнѣ вручишь красу и младость,
 Во несказанную преобратится радость.

ИЛЬМЕНА.

Мое прибѣжище спѣнанія одни.
 О мой несносный рокъ! о горестныя дни!
 Неогорчаема любовною судьбою,
 Въ уединеніи, въ убожествѣ съ побою,
 Со всей охотою покойно бѣ я жила,
 И младость бы свою въ весельи провела.
 Но предъ родителемъ какъ буду я преслушна?
 Каковъ родитель мой, такъ я великодушна.
 Я знаю, что мнѣ бракъ пропивный приключитъ,
 Но съ должностью меня ни что не разлучитъ.

ТРУВОРЬ.

Когда бы ты меня не такъ любила мало;
 Такъ сердце бѣ не такой совѣтъ тебѣ давало.

Когда разумокъ нашъ безстрастно говоритъ,
Тамъ кровь хопя жарка, однако не горитъ.

ИЛЬМЕНА.

Колико щипится днесь Ильмена лицемъришь!
Хопя бы я клялась, ни кпо не будетъ вѣришь.
Какъ я тебя люблю, не можно вобразить,
Не лзя ни какъ любви сильнѣе заразить:
Что ского дѣйствіе, мой князь! тебѣ покажетъ,
И кпо ни будь когда о помѣ тебѣ расскажетъ.
Правители небесъ, копорыхъ пакъ мы чшимъ,
Хопяшъ того, чшобъ мы уподоблялись имъ.
Явлюся дочерью геройскою въ народѣ,
И побѣдивъ себя, дамъ дѣйствовать природѣ.
Хопь мя въ порочну жизнь она не вовлечетъ,
Но злополучіе конечно пресѣчетъ.

ТРУВОРЪ.

Ты хочешь умереть: тебѣ ль умереть прилично,
Во младости своей, прекрасной необычно?
Живи, и слабости любовной не вини,
Живи, и грубу мысль драгая опмѣни!

ИЛЬМЕНА.

Ни что отъ мысли сей меня не отвращаетъ.
Живи, гдѣ рокъ тебѣ жилище обѣщаетъ;
Я знаю, что тебѣ меня лишиться жаль,
Но мнѣ моя еще несноснѣе печаль.

ТРУВОРЪ.

Ты вѣрностью меня драгая увѣряешь,
И ахъ! безъ жалости на вѣкъ меня перяешь.
Мучитель не губитъ того, къ кому онъ щедръ,
Ни льстецъ, изверженный во свѣщъ изъ адскихъ ядръ.

Въ мучительствѣ, во льспи, въ лютейшихъ сихъ
 двухъ ядахъ
 Нѣтъ казни шаковой, въ твоихъ какая взглядахъ.
 Глаза твои ко мнѣ въ крови являющъ жаръ,
 А ты говориши смертельный мнѣ ударъ!
 Рази! и отдѣлай печальный духъ отъ тѣла,
 И послѣ говори, что жалость ты имѣла.
 Я зрю, что ты одно суровство только чистишь,
 И долгомъ ты зовешь, что ты меня губишь:
 То ложно, что себя ты онымъ обезславишь,
 Когда любовника мученія избавишь:
 Сію имѣя мысль, родишь ты свирѣпъ.

ИЛЬМЕНА.

Кто любитъ, тотъ всегда въ своемъ разсудкѣ слабъ:
 А мнѣ съ младенчества опцемъ моимъ вперенно,
 Чѣмъ сердце было въ вѣкъ разсудку покоренно.

ТРУВОРЪ.

Оставшія часы не мѣдл пролетятъ:
 Съ какою жалостью покину я сей градъ:
 Той градъ, гдѣ вся моя утѣха остается! - - -
 Увы! изъ глазъ твоихъ источникъ слезъ лиется! - - -
 Ты плачешь обомнѣ! - - - жалѣй меня! жалѣй!
 Скажи Ильмена мнѣ, скажи въ поскѣ моей,
 Могу ли я еще надѣяться пылая,
 Чѣмъ ты со мной обѣщала - - -

ИЛЬМЕНА.

О часть моя презлая!

ТРУВОРЪ.

Моя сплетенна часть съ твоею на всегда:
 Не буду безъ тебя спокоенъ никогда.

(Становится на колѣни.)

Смягчись дражайшая! отвергни права люпы!
И помни, что сіи послѣднія минушы,
Ко отвращенью бѣдѣ намѣ дороги шеперь - - -

ИЛЬМЕНА.

Я помню только то, что я герою дочерь.

ТРУВОРЪ стоя на колѣняхъ.

А то забыла ты, колико ни страдаешъ,
Что ты меня въ сей день на вѣки покидаешъ?
Возможно ли сіе любовнику снести?
Спасай меня! еще ты можешъ мя спасти.

Я В Л Е Н І Е IV.

ТРУВОРЪ, ИЛЬМЕНА и СИНАВЪ.

СИНАВЪ.

Преступка нѣтъ ни гдѣ подобна сей измѣнѣ!
Меня нарекъ отецъ супругомъ бытъ Ильменѣ:
Ты знаешъ по? швое веселье прешекло.

ТРУВОРЪ.

Но сердце ей меня супругомъ нарекло.

СИНАВЪ.

Преступникъ истинны! рушишель дружбы, братства!
И кровь не дѣлаешъ неправеднымъ препяшшва.
Врагъ честности! - - -

ТРУВОРЪ.

Постой! жопь власть тебѣ дана,
Но Трувору ль терпѣшь такія имена?

Хотя и долженъ я тебѣ повиноваться;
 Но я не такъ рожденъ, чтобъ мнѣ тебя бояться.
 Скрѣпився ярости полнкой уступаю;
 А словъ ни отъ ково поносныхъ не сперплю.

ИЛЬМЕНА.

Иль душу вы мою еще пѣсните мало?

СИНАВЪ Трувору.

Названія сіи тебѣ бездѣльство дало.

ТРУВОРЪ.

Бездѣльство дало мнѣ?

ИЛЬМЕНА Трувору.

Преспани говоришь.

СИНАВЪ Трувору.

Противу ты меня что можешь шворить?

ТРУВОРЪ вынимаетъ противъ
 нѣво мѣчъ свой и
 бросается на нѣво.

Я буду дѣлать то, что честь пѣнеръ вѣщаетъ.

(Какъ только Труворъ за мѣчъ
 свой ухватился, въ
 то самое время и Синавъ
 то жъ дѣлаетъ.)

ИЛЬМЕНА бросаясь между ихъ.

Кня боже изъ васъ свирѣпѣша ощущаетъ?

Коль въ злобу васъ могла любовью я привлечь;

(Синаву)

(Трувору)

Воздай мнѣ въ грудь, хощь ты, хощь ты, свой
 острый мѣчъ!

ТРУВОРЪ.

Любовь, гнѣвъ, жалость, рвутъ меня, ево виною:
Играйте спраспи всѣ, играйте спраспи мною!

(Кладетъ мѣчъ свой въ ножны.)

СИНАВЪ кладетъ мѣчъ свой въ
ножны, и говоритъ
Ильменѣ.

Я ради лишъ себя не мщу сего ему;
Но дерзостного ты привесъ должна къ пому,
Чтобъ прежней не зашмилъ онъ всей моей приязни;
Когда не хочетъ пастъ на мѣстѣ люшой казни.

ТРУВОРЪ.

Ты казнью мнѣ грозишъ?

ИЛЬМЕНА Трувору.

Дни жизни мнѣ храня,
Поди опселѣ князь, коль ты любилъ меня!

ТРУВОРЪ.

Гдѣ я ни буду жить, доколѣ не увяну,
Тебя дражайшая любими не престану.

Я В Л Е Н И Е V.

СИНАВЪ и ИЛЬМЕНА.

СИНАВЪ.

Ты Трувора къ своимъ пускаешъ пастъ ногамъ
Въ потъ день, въ который ты со мной идешъ во
крамѣ?

ИЛЬМЕНА.

Прибавьте небеса къ шерпѣнію мнѣ мочи!
 Здержипесея отъ слезъ мои печальны очи!
 Не вспоминай мнѣ ево ты больше предомной!
 Я буду безъ пого Синавовой женой.

СИНАВЪ.

Коль горестно тебѣ сіе воспоминанье;
 Такъ знашь не кончилось еще твое желанье,
 О полученіи отъемлемыхъ утѣхъ:
 Оно погибель мнѣ, тебѣ и спыдѣ и грѣхъ.

ИЛЬМЕНА.

Прискорбная душа не о забавахъ мыслитъ,
 И полько лищѣ одни свои напаспи чиелищѣ.

СИНАВЪ.

Благополученъ бышь въ сей день тобой хошу,
 Жду радостей своихъ: еѣ надеждѣ сей грущу.
 Тмы будущихъ приятствѣ еѣ умѣ изображаю,
 И предсавляя то, болѣзни умножаю.
 Синавова любовь зовешъ тебя на пронѣ - - -
 Скончай дражайшая, скончай поску и спонѣ!

ИЛЬМЕНА.

Не возмуцдай еще души моей ты снова!
 А я сѣ тобой во храмѣ ийпи уже гопова.

СИНАВЪ.

Я памо на тебя корону возложу,
 И на престолѣ тебя сѣ собою посажу.
 Правъ городѣ сей со мной, владѣй спраною сею,
 Подобно какъ душей и жизнію моею!

Конецъ прешьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

ИЛЬМЕНА одна.

Вѣ какую пы напасть мя, должность, привела!
Вопѣ ради я чѣво на свѣшѣ семѣ жила!
Я знаю, смерть мои напасти окончатѣ,
Но смерть еще меня довольно огорчатѣ.
Необходимо вѣмѣ по должно преперпѣть;
Равно бы было по когда ни умеретѣ;
Но будучи млада и пѣмѣ прекрасна зрима,
Кѣмѣ распаленна я и кѣмѣ сама любима;
Могу ли безѣ шоски я очи затворитѣ,
И страхѣ отважности геройской покоритѣ!
Но жизнь уже кѣ чему? напрасно устращаюсь!
Что мнѣ прелестно вѣ ней, шово всево лишаюсь.
На что мнѣ болѣ желати живота?
Пусть гибнетѣ молодость и мнима красота!
Не для шого ль хочу на свѣшѣ я осташся,
Давы на всякой часѣ слезами обливатѣся,
Всегдашней жалобой свой рокѣ изобличатѣ,
И смертнымѣ и богамѣ стѣвнаніемѣ скучатѣ?
Потребна бѣднымѣ смерть: дражайшій часѣ покою,
Приди и разлучи духѣ сѣ пѣломѣ и сѣ шоскою!
Свѣшило дневное, сѣ небесной вышшы
Взирающе на всѣ земныя красоты,
Представѣ предѣ Трувора дѣвиду саму красну,
И дай ему забытѣ любовницу нещастину!

А ты, сей горкій плачъ на радость премѣня,
 Хоть сыщешъ и сто кратъ прекрасняе меня;
 Но въ пламени къ тебѣ любовномъ даря,
 Не сыщешъ ни когда подобной мнѣ другя.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГОСТОМЫСЛЪ и ИЛЬМЕНА.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Старайся ты себя преодолѣть теперь:
 Минуты тѣ пришли уже, любезна дщерь,
 Въ которыя тебѣ крѣпиться лишъ полезно,
 И гнать изъ памяти, что толь тебѣ любезно.
 Лишайся Трувора, и вмѣсто ты того,
 Возведъ на тронъ, будь мать народа своего.
 Когда ты отспашъ любовныя забавы,
 Ищи утѣхъ ереди величества и славы:
 Не гордости тебѣ опецъ искашь величъ;
 Престолъ не шѣмъ людей великихъ веселитъ:
 Но чѣмъ ты сѣяла повсюду добродѣтель,
 На то имѣетъ власть надъ обществомъ владѣтель.
 Онъ всѣ съ высокаго сѣдалища, страны,
 Которы отъ боговъ ему поручены,
 Объемля взорами, брежетъ и учреждаетъ:
 Искореняетъ ложъ и правду утверждаетъ.
 Въ супружество вступишь, участницею ставъ,
 И сердца княжеска и силъ ево и правъ,
 Въ сей пышности себя между боговъ не числи:
 И смертна будучи, какъ смертная и мысли.
 Отъ скверныхъ льстивыхъ устъ ты уши отвращай,
 И въ утѣсненій невинныхъ защищай.

Храни незлобіе, людей чни въ чести пвердыхъ.
 Опъ прона удалай людей немилосердыхъ:
 И огради ево людьми шакихъ сердецъ,
 Какое показяъ имѣя швой опецъ.
 Превозноси людей ко правдѣ приаьпленныхъ,
 Разумныхъ и честныхъ, искусствомъ укрѣпленныхъ:
 Премудрости во всѣхъ послѣдуй ты дѣлахъ,
 И спущницей имѣй ее во всѣхъ путяхъ.
 Покровомъ будъ сиропъ, приаьжищемъ вдовицы:
 Яви ты истинну подъ именемъ царицы:
 И добродѣтель здѣсь, гнушаяся шщеты,
 Яви во образѣ дѣвичей красоты.
 Надеждой веселись, что ты себя прославишь,
 И подданнымъ своимъ златыя дни воспавишь.
 Рождай властителей народу своему,
 Подай безмерпіе ты корню моему;
 Не сѣшуй о своемъ безъ пользы ты уронъ,
 И къ пользѣ всей спражы ликуй на пышномъ шронѣ.

ИЛЬМЕНА.

Коль мысль разсѣянна, и разумъ огорченъ:
 Коль вѣчно человекъ печалью омраченъ;
 Удобно ли ему бышь обществу полезнымъ?
 Лишась приятныхъ думъ, распавшися съ любезнымъ,
 Низвергшись въ глубину неизреченныхъ бѣдъ,
 Когда опъ глазъ можъ скрываетъ небо свѣтъ,
 Когда несчастіе мнѣ сердце разрываетъ,
 И рокъ свирѣпости рѣками проливаетъ:
 Къ чему потребна я? Кто сѣшуетъ всегда,
 Тотъ дѣйствовать умомъ не можетъ никогда.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Ты въ случаѣ шакомъ прославишься и паче:
 Во дни сѣнанія, въ шоскѣ и горькомъ плачѣ,

Разставшись съ пѣмъ навѣкѣ, кпо толь былъ сердцу
миаь,

Преодоаьть себя ееть выше женскихъ силъ.

Я знаю то, но сколь сильнй супропивлене,е,

Толико хвальнее надъ нимъ преодоаьтне.

Превозмогай себя, чпооь годъ сей сказаь:

Кто дѣвы сей опецъ, рокъ ясно показаь,

Съ какимъ къ ней бременемъ зла часть ни пристуала;

Ильменина душа подъ бременемъ не пала.

ИЛЬМЕНА.

Все то, что льстило мнѣ на свѣшѣ, погубя,

Еще ли мало я превозмогла себя?

Пропивилася ли родителъской я волѣ?

Не пребуь опъ меня пы крѣпости днесъ болѣ.

Великодушя того ищи въ богахъ,

Какова ищешъ пы въ дѣвическихъ сердцахъ.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Нашъ вѣкъ ееть нѣкнй пущь, къ покою насъ ведущй,

И зло и благо намъ мѣстами подающй:

Хотя чпо худо въ немъ, все должны мы сносишь,

И сладкя плоды и горькя вкусись.

ИЛЬМЕНА.

Влекущй днесъ меня къ великолѣпну сану,

Мой случай бурному подобенъ Окeану:

Свергаюсь въ ярости воющихъ валовъ,

Въ пучину страшную съ высокихъ береговъ.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Я жалость, какъ другой, Ильмена, ощущаю,

Но помощи себѣ уже не предвѣщаю,

Коль сердцемъ пошѣ совѣтъ не можетъ обладать,
Который я тебѣ стараюсь подать.

Ищи, любезна дочь, въ перлѣнии успѣха,

Ищи: ты вся моя при старости успѣха,

ИЛЬМЕНА.

Я думала сама, дражайшій отче мой,

Что будетъ навсегда тебѣ веселье мной,

И было шакъ, но ахъ! по все перемѣнилось:

Веселье по тебѣ въ болѣзни превратилось.

О лютой день! о бракъ! несносный бракъ! о храмъ! —

Ахъ! Труворъ шесивуешъ къ Ильменинымъ очамъ!

Я В Л Е Н І Е III.

ТѢЖЪ и ТРУВОРЪ.

ТРУВОРЪ.

Жестокы времена! несносная премѣна!

Я зрѣшь тебя пришелъ въ послѣднія Ильмена!

И ахъ! въ послѣдній разъ прости тебѣ скажашъ.

ИЛЬМЕНА.

увы!

ГОСТОМЫСЛЪ Ильменѣ.

Престань себя надеждою шertzать,

Не можешъ отвратить суровство лютой части.

ИЛЬМЕНА Гостомыслу.

Когда ты мнѣ велѣлъ, иду во всѣ напасти.

ТРУВОРЪ Ильменѣ,

Уже готово все къ отъѣзду моему:
 Коня запряжены - - -

ГОСТОМЫСЛЪ,

О небо! дай ему,
 За безпорочну жизнь мою, во награжденье,
 Терпѣніе и силъ душевныхъ утвержденье!

ТРУВОРЪ.

Въ уныніи моемъ уже спокойныхъ дней
 Не будетъ для меня, когда распанусь съ ней - - -
 Но часъ уже пришелъ шѣряти все, въ чемъ таю,
 И все то, что ни ешь, что въ жизни почипаю!
 Вотъ строгость мя швоя во что теперь ввела!
 (Указывая на плачущую Ильмену.)
 И вотъ какую скорбь Ильменѣ подала!

ИЛЬМЕНА плача.

Терзай судьба, терзай! умножься рока злоба:
 Гони изъ тѣла духъ! отверзи двери гроба!
 Я долгу слѣдуя, мой опче, въ храмъ иду;
 Но ахъ! подъ бременемъ спрастшей своихъ наду.
 Могуща побѣждашь кровя моей волненье,
 Какъ мнѣ ни тяжкошно такое исполненье,
 Спгаданіе души, сперплю иль не сперплю,
 Безъ разсужденія ко брану присуплю.
 Безъ прекословія вдаюсь уже на жертву.
 Но естли опъ шого меня увидишь мертву,
 Воспомни ты шогда, что ты меня сразилъ.
 А ты любезный князь, мнѣ спалъ шолико милъ!
 Коль склонность наша намъ была, увы! бесплодна,
 И ешала я тебѣ къ смяшенію угодна:

Услышавъ о своей драгой пропивну вѣспь,
 Невозмоущей сей разлуки злыя снести,
 Что ужъ увянула она, какъ роза въ лѣтѣ,
 И что ужъ горести не терпитъ больше въ свѣтѣ;
 Вздохни! но послѣ ты порадуйся тому.
 Едина смерть, конецъ несчастью моему!

ТРУВОРЪ.

Словами сими ты болѣзнь мою сугубишь;
 Живи прекрасная, когда меня ты любишь!
 О томъ тебя прошу, а больше ни о чемъ.
 (Госпомыслу.)

По разлученіи съ Ильменою моемъ,
 Надежды Госпомыслъ въ тебѣ единомъ чаю;
 Тебѣ несчастную любовницу вручаю.
 Ты ей отецъ: храни ты дочь; въ ней кровь швод;
 Ты другъ мнѣ: въ ней душа останется моя.
 Увѣщавай ее, напоминай всечасно,
 Чшобъ младости своей не прапила напрасно.
 (Ильменѣ.)

Ну! время ужъ пришло Ильмену покидать - - -

ИЛЬМЕНА въ слезахъ,

Ково мнѣ болѣе во вѣки не видать!

ГОСТОМЫСЛЪ, взявъ Трувора за руку.

Не злобствуй на меня; ты мучишься судьбою!
 И расстаюся днесъ я въ дружествѣ съ побою.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТРУВОРЪ и ИЛЬМЕНА.

ИЛЬМЕНА.

Помедли здѣсь - - - чево я нынѣ дожидла!
 Ахѣ! дупче бѣ ни когда я вѣ свѣшѣ не была!
 Тебя ль лишаютсѣ швоей любезной взоры!
 Дремучія лѣса, и превысоки горы,
 Широки озера, и пустоша степей,
 Закрыши опѣ моихъ хотяшѣ шебя очей:
 Закроютѣ, ежели закрышь они уснѣютѣ,
 Доколѣ члены, ахѣ! мои не охладѣютѣ:
 А вѣ сердцѣ пы моемѣ по люмый будешѣ часѣ,
 Котораго себѣ желала я спо разѣ:
 Который насѣ опселя на шѣ мѣста преводитѣ,
 Отколѣ кѣ намѣ ни кто обратно не приходитѣ.
 Но сполько мнѣ поски топѣ часѣ не приключитѣ,
 Какѣ ей, который насѣ сѣ побою разлучитѣ.

ТРУВОРЪ.

О небо! укрѣпи ея ослабшу силу,
 И ободри ея умѣ помный, мысль унылу!
 Дай многи лѣта жить ей, здравіе храня,
 И проливай свой гнѣвъ на одного меня!
 Послѣдующему зловреднѣйшей судьбинѣ,
 Подай ушѣху мнѣ живущему вѣ пустыниѣ,
 Той славой, какѣ она слухѣ свѣшу разнесетѣ,
 Что красота швоя не вянетѣ, но цвѣшетѣ,
 И что Ильмена тамѣ, гдѣ царствомѣ обладаетѣ,
 Изѣ памяти меня еще не выкидаешѣ.

ИЛЬМЕНА.

Ахѣ князь! какую пы усмыслить хочешѣ абыча!
 Возможнѣ ли бѣ или ей слухѣ сѣбѣ отоблаженнѣ шесетѣ.

Что я лишаюсь тебя, еще себя подобна?
Къ невѣрности такой Ильмена неспособна.

ТРУВОРЪ.

Когда опчаянно побою мнѣ пылать,
Того единого осталось желать,
Чтобъ ты свою печаль по малу умѣрля,
И не рвалась о томъ, что вѣчно потѣрля.

ИЛЬМЕНА.

Противно будетъ все любовницѣ своей,
Противенъ безъ тебя и градъ мнѣ будетъ сей,
И вся сія страна и домъ, гдѣ я рождена,
И воздухъ, коимъ я дышати принуждена!

ТРУВОРЪ.

Возрите жители небесны къ сей странѣ!

ИЛЬМЕНА.

Пошлите небеса скорее смерть ко мнѣ!

Я В Л Е Н І Е V.

ТРУВОРЪ, ИЛЬМЕНА и ЦАЖЪ.

ЦАЖЪ.

Ийши ко олтарю - - -

ИЛЬМЕНА.

О злѣйшія минуты!

ТРУВОРЪ.

О нестерпимый часъ!

ИЛЬМЕНА Пажу.

Иду въ напасти люпы.

(Пажъ отходитъ.)

(Трувору.)

Прости - - - и памяшуй, какъ ты Ильменѣ милъ!

ТРУВОРЪ,

Воспомяй и ты, какъ я тебѣ любилъ! - - -

Бывало ли кому такое огорченье!

ИЛЬМЕНА.

Неизреченное, веѣхъ выше силъ мученье! - - -

Прости! - - - удержишь мой духъ!

ТРУВОРЪ,

Побудь еще ты здѣсь!

ИЛЬМЕНА отходитъ.

О мой дражайшій князь!

ТРУВОРЪ.

О какъ я бѣденъ днесъ!

Я В Л Е Н І Е VI.

ТРУВОРЪ одинъ,

Въ глазахъ моихъ, увы! свѣтъ солнечный темнѣетъ,

Хлѣбѣтъ кровь моя, и сердце каменѣетъ,

Трепѣщетъ духъ во мнѣ, вздымающя власы.

О рокъ! о грозный рокъ! о бѣдшвенны часы!

На что природа ты меня производила!
 Къ чему ты грудь сію Ильмена побѣдила!
 Уже не буду я тебя драгая зрѣшь. - - -
 О время! о судьба! возможно ль то стерпѣшь!
 Не царствуешъ Синавъ, ты варварство здѣсь вводишь:
 Пржезспочайшихъ ты тирановъ превосходишь!
 Войдемъ еще, войдемъ во храмину ея: - - -
 Къ чему опчаянна спремится мысль твоя?
 Еще ль любезную ты хочешъ воспревожить:
 Или свою поску спараешся умножить?
 Къ Синаву ты поди, и что онъ братъ, забудь:
 Поди и мѣчъ вонзи въ мучишелеву грудь. - - -
 Что жъ будущъ говорить спраны сея народы! - - -
 Пренебрегай молву - - - но слышу гласъ природы:
 Постой! куда тебя опмищеніе влечетъ!
 Не варварска въ тебѣ, геройска кровь печетъ.
 Руки моей къ тому не допустите боги!
 О Труворъ! покидай несчастныя черпоги:
 И къ усмирению бунтующей души,
 Спѣши изъ града вонъ, спѣши, скоряй спѣши,
 Когда поликая разятъ твой духъ премѣна!
 А ты проспи на вѣкъ, дражайшая Ильмена!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОСТОМЫСЛЪ одинъ.

Наполненъ нашъ живопъ премножествомъ суетъ:
Но что я въ свѣтѣ семъ? одушевленный цвѣтъ:
Не долго время я въ сей жизни пребываю;
Едва рождаюся, уже и исплѣваю:
Предъ всею вѣчностью лѣтъ осмьдесятъ иль сто,
Одна минуша, мигъ, или со всѣмъ ничто.
Доколѣ существо въ насъ живность ощущаетъ,
Къ познанію себя прийти не допускаетъ.
Въ невѣжествѣ своемъ имѣтъ премудрость мнимъ,
И въ самолюбіи безумство ею чшимъ.
Не долготъ смертныхъ вѣкъ, печалей въ немъ премного:
Благополучіе мѣчта: несчастье строга:
Прошедше время въ вѣкъ не возвратиша къ намъ;
Которо есть, то лишъ единый мигъ очамъ;
Которого мы ждемъ, шѣмъ мы не обладаемъ,
И можемъ быть ево напрасно ожидаемъ;
Нѣтъ цвѣтѣ на земли: на небесахъ оно:
Оставлено богамъ, и смертнымъ не дано.
Дано, но мы ево спраснями разрушаемъ:
Другъ друга общаго спокойствія лишаемъ.
Гдѣ только человекъ печется о себѣ,
Жилища тамо нѣтъ, о истинна! шѣтъ.

Я В Л Е Н І Е II.

ГОСТОМЫСЛЪ и ИЛЬМЕНА.

ИЛЬМЕНА.

Сраженная своимъ родительскимъ уставомъ,
Въ супружество уже вступила я съ Синавомъ.
Исполнила ли я, чѣмъ дочь опцу должна?
Распався съ Труворомъ, Синаву я жена.

Я В Л Е Н І Е III.

ТѢЖЪ и ВѢСТНИКЪ.

ИЛЬМЕНА.

Иль Трувора еще печальный градъ вмѣщаетъ? - - -
Но что смущенный свой намъ образъ возвѣщаетъ?

ВѢСТНИКЪ Ильменѣ.

Услышать вѣсть тебѣ потребно много силъ.

ИЛЬМЕНА.

Вѣщай: о бѣдная! - - -

ВѢСТНИКЪ.

Кто столь тебѣ былъ милъ - - -

ИЛЬМЕНА.

Увы!

ГОСТОМЫСЛЪ.

Что спадось съ нимъ?

ВѢСТНИКЪ.

СЪ мученіемъ сердечнымъ,
Князь Труворъ зашворилъ глаза свои сномъ вѣчнымъ.

ИЛЬМЕНА.

Судьба! взошла побой на самый верхъ я бѣдъ:
Свершилась часть моя, и Трувора ужъ нѣтъ!
Жаръ нѣжныя любви злой смертью увѣнчался!

(Вѣстнику.)

Какимъ ударомъ мой любезный князь скончался?
Скажи.

ГОСТОМЫСЛЬ.

КѢ чему о томъ ты хочешь вопрошать?

ИЛЬМЕНА.

Хочу мученіемъ я душу утѣшать.

ГОСТОМЫСЛЬ.

Для имени боговъ - - -

ИЛЬМЕНА.

Противна имъ измѣна!

Спрадай, плащи любовь, о вѣрная Ильмена!

(Гостомыслу.)

Довольно принуждалъ ты сердце, ажъ! мое!

Дай волю мнѣ.

(Вѣстнику.)

Вѣщай плачевно бышіе.

ВѢСТНИКЪ.

Съ плачевной мыслию онъ годолъ сей оставилъ,
И въ путь по Волховскимъ брегамъ стопы направилъ.
Въ молчаніи его одинъ былъ слышанъ стонъ;
Колпорый испускалъ бесперестанно онъ.

Какъ слезы онъ держашъ въ очахъ ни порывался;
 Но изъ очей ево покъ слезный проливался.
 Не сей имѣлъ онъ зракъ, который прежде цвѣлъ:
 Перебѣнился видъ, и зракъ ево блѣднѣлъ.
 Тяжелыя въ груди дыханія спирались,
 Вздыхалась грудь ево и губы запекались.
 Какъ съ версху мы пупи опѣбхали за градъ,
 Со колесницы сшедъ онъ очи взвелъ назадъ,
 И жалостно взглянувъ на опдаленно зданье,
 Гдѣ суешно пиналъ онъ спрасшно ожиданье:
 Уже по самый гробъ распался я съ побой,
 О градъ! онъ рекъ, о градъ! гдѣ духъ оспался мой,
 Жилище, гдѣ моя любезная спонаетъ,
 И о любовникѣ безъ пользы воспоминаетъ;
 Въ тебѣ я мужескву хотѣлъ сыскашь уснѣхъ,
 Сыскала: но что по томъ? лишлася всѣхъ уснѣхъ,
 Которыя моеи пы младоспи предспавилъ.
 Ахъ! что въ тебѣ я, что любезный градъ оставилъ!
 А пы, гдѣ озеро ни будешъ глашено,
 Которо именемъ драгимъ украшено,
 Повсюду возвѣщай мою несносну муку,
 И именемъ своимъ шверди мою разлуку:
 Тверди и по, что я для той, ково любилъ,
 Близъ устья Волхова въ себя сей мѣчъ вонзилъ....
 Едва сн слова лишъ только излешѣли,
 Мѣчъ былъ въ груди ево: мы покъ кровавый зрѣли.
 Онъ палъ къ намъ въ руки: мы желѣзо извлекали.
 Багрянныя спруи спремипельно текли.
 Я рану захватилъ плашкомъ своей рукою.
 Князь спражѣ говорилъ: шеперь иду къ покою.
 Коль по, что зрите вы, мнѣ спавите въ напастъ,
 Синавова ее содѣлала мнѣ спраспъ.
 А пы, сказаъ онъ мнѣ, меня зря въ часпи слезной,
 По возвращеннн, скажи моеи любезной,
 Чпобѣ плакала о томъ умѣренно она,
 Чпю скрылась опъ меня послѣдняя луна;

Что день, день Труворовъ пьмой вѣчной поразила,
 И солнца для меня, лучъ вѣчно погрузился.
 Прости Ильмена, рекъ, по смерть я вбренъ былъ,
 И испуская духъ, себя не позабылъ.
 Прости - - - при словѣ семъ не спало больше мочи:
 Оставилъ шло духъ, и зашворилъсь очи.

ИЛЬМЕНА.

Онъ чаялъ при концѣ, что я на прокъ вежожу,
 А я кончался на смерть ево гляжу! - - -

ГОСТОМЫСЛЪ.

Кончаяся? - - на что пы смерть воображаешъ?

ИЛЬМЕНА.

Ты самъ меня, ты самъ сей смертью поражаешъ.
 Не льстися больше шѣмъ, чтообъ долго я жила:
 Преходитъ время по, вѣ копого я была.
 Отверста вѣчность мнѣ: иду - - куда? - - не знаю. - -
 Спрашусь - - дрожу - - на что дорогу препинаю!
 Пускай разрушился и жизнь и существо:
 Мя вѣ нову изведетъ природу Божество:
 И преселюсь изъ мѣстъ, копорыжъ ненавижу,
 Туда, гдѣ либо я и Трувора увижу.
 Мнѣ боги подадутъ иное бышье,
 И человекство возобновятъ мое.
 Они всесильны, имъ вѣ природѣ все возможно,
 И упованіе Ильменино не ложно:
 Но чемъ увѣрюсь я, что буду зрѣть шово,
 Кто здѣсь съ родителемъ милые мнѣ всево?
 Иль вѣ смерти смертныя другъ друга не забудутъ,
 И спаси волновать, какъ здѣсь, и шамо будущъ!
 Того не можетъ бышь, какъ шотъ настанетъ вѣкъ,
 Чтообъ былъ съ собой во всемъ шамъ сходенъ человекъ.

Тамъ воля разуму престанетъ быть преслушна,
Сердца тамъ твердыя, и мысль великодушна.
А естли болѣе не будетъ тамъ спрастей,
Такъ я не буду, князь, любовницею своею.
О тайна! отъ ума, ты скрыта намъ богами:
И въ непостижности оставлена судьбами.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Къ чему ты дщерь моя приводишь по на умъ?
Освободи себя отъ тяжкихъ оныхъ думъ;
Ты ими мучишься и расправляешь рану.

ИЛЬМЕНА.

Я скоро, отче мой, отъ нихъ свободна стану;
Уже приближилась ко гробу я спѣня;
Когда скончаюся, воспомяй меня:
Не знаешь, близко ль часъ, съ побой моею разлуки,
И не въ послѣднѣя ль твои цѣлую руки.

ГОСТОМЫСЛЪ обнявъ Ильмену.

О дщерь моя! престань смущати духъ отцовъ!

ИЛЬМЕНА.

Смущеніе легко бываемо отъ словъ:
Увидя дѣйствіе смятется духъ твой болѣ.
Не будешь дочери ты зрѣши на престолѣ.
Возлюбленна душа драгова моего,
Коль свѣтъ присутствія лишился своего;
Въ очахъ моихъ онъ пустъ и взору неприятенъ!
О Труворъ! естли гласъ живущихъ мертвымъ внят-
шенъ,
И можетъ грусть моя проникнути твой сонъ;
Внемли, хоша въ мѣчтѣ, сей жалобный мой спонъ:

И утѣсняемой немилосердымъ рокомъ,
 Оспавъ мою вину, что въ случаѣ жестокомъ
 Была принуждена Ильмена избѣнить! - - -
 Лзя ль боги должностью свирѣпство извинить!
 Пржалоспная пѣнь! о пѣнь окровавленна!
 Познай, какъ грудь моя тобою уязвленна!
 Познай, мой князь, тоску, въ которой спражду я,
 И жертву, кою дастъ тебѣ любовь моя!
 Ково опѣемлешъ ты, о спрога добродѣтель!
 А ты, которой былъ конца ево свидѣтель!
 И какъ былъ вѣренъ онъ возлюбленной своей,
 Свидѣтелемъ теперь будь смерти и моей!
 (Заколотась.)

ГОСТОМЫСЛЪ.

Я больше смертнаго себя превозмогаю:
 Къ великодушю лишъ только прибѣгаю!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ГОСТОМЫСЛЪ, СИНАВЪ и ВОИНЫ.

СИНАВЪ.

Мой другъ! извѣстенъ ли о братѣ ты моемъ?

ГОСТОМЫСЛЪ.

Извѣстенъ государь! извѣстенъ я о всемъ.

СИНАВЪ.

Я страсть любовную, но вредну мнѣ и люшу,
 Конечно получилъ въ несчастнѣйшу минушу.

Я шѣлся Трувоча на время удалить,
 Чпобѣ только ихѣ любовь кипящу ушопить!
 Но вымыселѣ судьба любви претворила,
 Которая меня безумству покорила:
 А по безумство мнѣ приятно и шѣперь;
 Люблю какѣ душу я твою прекрасну дщерь,
 И вѣ сей поскѣ она вѣ умѣ моемѣ лепашѣ:
 Наполненѣ ею умѣ, и сердце ею шашѣ:
 Прешшнне всево она на свѣшѣ мнѣ.
 Но какѣ передѣ нея предшану вѣ сей винѣ?
 О коль нещасливѣ я!

ГОСТОМЫСЛѢ.

Хопѣ горько ты спонаешѣ,
 Но всѣхѣ еще своихѣ нещасшій ты не знаешѣ.

СИНАВѢ.

Скажи, какой еще Синавѣ разимѣ судѣбѣй?

ГОСТОМЫСЛѢ.

Ильмена на всегда распалася сѣ тобой.

СИНАВѢ.

Разспалася на всегда?

ГОСТОМЫСЛѢ.

Взгляни на шокѣ сей кровной,
 И сотвори конешѣ ты мысли днешѣ любовной!
 Се кровь Ильменина.

СИНАВѢ.

Скончалася дочѣ твоя!

ГОСТОМЫСЛЪ.

Тутъ вышелъ предомной изъ шѣла духъ ея:
Кинжаломъ жизни здѣсь она себя лишила.

СИНАВЪ.

Уже ты все тѣперь судьбина совершила,
Ты всѣ свирѣпости явилъ, о рокъ! на мнѣ:
Представилъ ты меня пираномъ сей странѣ,
И злѣйшей фуріей изверженной изъ ада:
Я брату недругъ спалъ, изгналъ ево изъ града:
Смутилъ ево весь умъ, низвергъ ево во гробъ:
И къ умноженію творимыхъ мною злобъ,
Какихъ и дикія въ лѣсахъ не знаютъ звѣри,
Лишилъ при старости отца любезной дщери,
Героя: коимъ градъ сей бѣдства окончалъ,
И кто Синава здѣсь короною вѣнчалъ;
Безъ пользы мучилъ духъ красавицы дражайшей,
Горчайшу здѣлалъ жизнь изъ жизни ей сладчайшей,
И отъ приятнѣйшихъ Ильмениныхъ очей,
На вѣки оплучилъ свѣтъ солнечныхъ лучей - - -
Покоясь, учинивъ конецъ своей судьбинѣ,
О коль прещасливы любовники вы нынѣ!
Васъ весь жалѣетъ градъ, оплакивая васъ,
А я спалъ мерзостью народною въ сей часъ;
Злодѣйски жалобы съ раскальемъ бесплоднымъ,
Безъ жалости уже текутъ къ сердцамъ народнымъ.
О жесточайша часть! о солнце! небеса!
Какова дождался, о боги! я часа.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Тираномъ, государь, назвать себя не можно:
А что несчастливъ ты, несчастливъ ты не можно.
Но ужъ не пользуется спѣваніе тебѣ;
Ищи ты крѣпости и мужества въ себѣ.

С И Н А В Ъ .

Не ты кинжаломъ грудь прекрасную пронзила,
Моя рука шею, моя рука сразила!

Ильмена! опусти ты мнѣ мою вину:

Клянусь злодѣйствіе, но поздно ужъ клянусь!

О сердце варварско! ты паче мѣры злобно!

Коль страши истребишь мнѣ было неудобно,

Не могъ ли своево я кончить живота?

Увяла молодость, увяла красота:

Закрылись очи шѣ, копоры кровь палили,

Копоры мучили меня, и веселили.

Чего жъ я жду! пойдемъ въ тьму вѣчную за ней.

(Вынимаетъ шпагу, но Госпомыслъ
съ воинами вырываетъ шпагу
изъ рукъ его.)

О продолжилеи злой горести моей!

Вы опняли мой мѣчъ: въ немъ вся моя отрада:

Жить больше не хочу, опсшавъ любезна взгляда.

(Падаешъ въ креслы.)

Туманъ отъ глазъ моихъ скрываетъ солнца свѣтъ ---

Ужъ нѣтъ ни Трувора! ни, ахъ! Ильмены нѣтъ ---

Моя кипяща кровь на сердцѣ замерзаетъ: - - :

Или въ сей страшный день вселенна исчезаетъ! - - -

Проникли темношу лучи: сокрыта мгла:

Природа небесамъ цвѣтъ прежній опдала. - - -

Но что вы воины, во кругъ меня дрожите?

Куда опселъ всѣ, куда вы прочь бѣжите?

Печальный Новгородъ ты разсѣянъ нынѣ весь.

О чемъ любезная Ильмена плачешъ днесъ. - - -

Но кто поверженный шамъ очи къ небу мѣцетъ!

Какой несчастливый въ крови своей препещетъ! - - -

Едва, едва дыща помился человекъ. - - -

То Труворъ, братъ мой по: ахъ! онъ кончаетъ вѣкъ!

Прости любезный братъ! - - - сіе все мной творимо.

(Востаетъ.)

О солнце! для чего еще ты мною зримо!

Разлей свои валы, о Волховъ! на берега,
Гдѣ Труворъ пораженъ отъ брата и врага,
И шумнымъ спомомъ водѣ въщай вину Синава,
Которой на всегда ево запмилась слава!
Чертоги! гдѣ лила свою Ильмена кровь,
Палише на меня, опмешите злу любовь!
Карай мя небо, я погибѣль въ даръ приемаю,
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю!....

Конецъ трагедіи.

АРТИСТОНА, ТРАГЕДІЯ.

*Представлена въ первый разъ въ 1750 году
въ Октябрѣ мѣсяцѣ, въ ИМПЕРАТОРСКИХЪ
комнатахъ въ зимнемъ дворцѣ,
въ Санктпетербургѣ.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДАРИЙ, Царь Персидскій.

АРТИСТОНА, Дочь Кирова.

ОТАНЪ, знашнѣйшій Вельможа Персидскій.

ОРКАНТЪ, сынъ сво.

ФЕДИМА, дочь сво.

ГИКАРНЪ, вельможа Персидскій.

ЗАНИДА, наперстница Артистона.

МАЛЬМИРА, наперстница Федины.

ВѢСТНИКЪ.

ПАЖЪ.

ВОИНЫ.

Дѣйствіе естъ въ Царскомъ домѣ.

АРТИСТОНА ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФЕДИМА и МАЛЬМИРА.

МАЛЬМИРА.

Доколѣ буду зрѣшь въ семѣ образѣ тебя?
Когда начнешь щадить Федима ты себя?
Я зрю, что ты всегда печалился, вздыхаешь,
И дни цвѣшущихъ лѣтъ напрасно погубляешь.
Оманъ тебѣ отецъ, и Дарій швой женихъ:
Единаго ты зришь войскъ вождемъ всѣхъ спранъ сижъ,
Другова видишь ты порфиною сдѣша,
И скипетру его подвержено полсвѣша.
Отъ имени его трепещетъ цѣлый свѣтъ,
И выше Дарія изъ смертныхъ въ свѣтъ кѣтъ.

ФЕДИМА.

Что представляешь ты къ Федиминой забавѣ,
Вѣщая о его мнѣ необъятной славы?
Меня то въ пущую ввергаетъ днесь напасть.
Не я съ нимъ раздѣлю, не я монаршу власть.

МАЛЬМИРА.

Но не напрасноль ты Федима безпкойна?
Кто можетъ чести сей иная бысть достойна?

ФЕДИМА.

Та, съ кѣмъ я возрасла, съ кѣмъ кунно я жила,
Котога тайнъ моихъ участница была.
Она лишаетъ мя величества и прона,
И сердца, коимъ я прельщалась . . .

МАЛЬМИРА.

Арписпона?

ФЕДИМА.

Дивися ты теперь, и сожалѣй о мнѣ.
Я все то щастіе такъ зрѣла, какъ во снѣ:
Такъ спраждушъ въ горестяхъ, чрезъ помощь бѣд-
ныхъ ночи,
Въ изнеможеніи сомкнувъ слезящи очи,
Когда увидишъ то, чево желаетъ онъ,
И какъ то улесетъ опять съ собою сонъ,
Груститъ злаяй прежняго, почто ему то снилось,
Чемъ седе суешно такъ мало веселилось.
Какъ лишъ щедротою нечаянныхъ судьбинъ,
На славный Кировъ тронъ возшелъ Гиспасповъ сынъ,
И въ семъ величествѣ нагоду предъявился,
Тогда онъ, въ томже часъ онъ въ сердце мнѣ вселился.
Монаршей честию въ него нашелъ онъ путь,
И взоръ ево меня принудилъ воздохнуть.
Попомъ одно съ другимъ незапно съединилось,
И седе Дарию Федимы покорилось.
Ты вблаещъ давно, что я прельщалась симъ;
И чаяла конца вздыханіямъ моимъ.

Днесъ зрю, что вся ево любовь была обманъ:
 Онъ щедро расправляя мои сердечны раны,
 Лишь только чтобъ себя на проибъ утвердить,
 Чтобъ мой отецъ не могъ препястствъ ему шворить.
 Теперь мои глаза имъ просвѣщенны спали,
 Веселости прошли, которы мя пипали.
 А я низверженна въ несносную напасть,
 Почувствовала днесъ неизгеченну спрасть.
 Жестокость, ахъ! ево мой пламень умножаетъ:
 Невѣрность не всегда любовь искореняетъ.
 Но что я говорю? онъ вѣренъ не бывалъ!

МАЛЬМИРА.

Объ Аршиетпонъ швой до нычѣ брашъ вздыжалъ,
 Она вздыханіи ево воспримала:
 Иль свѣтъ обманомъ полнѣ, и вѣрность вся пропала!
 Но ешьлибъ не ты сказала то объ ней - - -

ФЕДИМА.

Она наполнила свирѣпствомъ лютыхъ змей.

МАЛЬМИРА.

Коль сердце и ея неправедно и злобно,
 Такъ добродѣтели сыскаши неудобно.

ФЕДИМА.

Коль приклоненъ весь миръ къ злодѣйствамъ таковымъ;
 Не должно ли и намъ послѣдовать за нимъ?
 Къ чему въ терпѣніи влачить намъ жизнь унылу!
 Преодоля ложъ душъ непогочныхъ силу.
 Нѣтъ жалости нигдѣ, ни дружбы, ни любви.

МАЛЬМИРА.

Оставъ въ лукавствѣ миръ, ты съ испинной живи.

Когда угодна жизнь по радостямъ капишься,
 Великія души тогда еще не зришься:
 Какъ не прикоснешся спокойствію бѣда,
 Духъ слабостей лишенъ, и бодрствуетъ всегда.
 Но какъ чувствительно нашъ разумъ огорчится,
 Тогда кожь бодръ нашъ духъ, тогда лишъ объявится.
 Великодушеству днесъ и скорбь одолѣвай:
 Пусть счастье звѣрствуетъ, ты бѣдствы презирай.
 Чпи добродѣтель въ вѣкъ, не разлучайся съ нею,
 Въ ней счастья ищи - - -

ФЕДИМА.

Въ ней счастья не имѣю,
 И зрю, что слабъ она прошиву злобы щипъ.
 Померкли мысли въ ней, и умъ мой весь разлилъ.
 Наполнюся теперь я смертоноснымъ ядомъ.
 Мой проспрѣленный братъ прельщеннымъ прежде взглядомъ,
 Отчаянъ сѣтуетъ по всѣмъ мѣстамъ сменя,
 И вступится за честь свою и за меня.

МАЛЬМИРА.

Какое мнѣніе имѣши ты желаешь?

ФЕДИМА.

Желаю смерти имъ: еще ли вопрошаешь?

МАЛЬМИРА.

Не думай, чтобъ твой братъ только жестокъ былъ,
 Чтобъ дѣвъ той далъ смерть, котору онъ любилъ.

ФЕДИМА.

Любовный жаръ измѣнъ не можетъ претерпѣти:
 Они невѣрны намъ, и должны умерети.

МАЛЬМИРА.

Изрядныя плоды любовь произраститъ!

ФЕДИМА.

Сей плодъ дастъ смерть и мнѣ, и страсть искоренишь.

Такъ хочешь, что бы я съ мученьемъ умирала,

И сердце Царское пиранкѣ оставляла.

Иль умертвивъ ея могла въ покой бышь,

Какъ будетъ онъ объ ней при мнѣ слезъ токи лишь:

Иль чтобъ онъ пораженъ презъбною тоскою,

Животъ мой за нее своею взялъ рукою?

МАЛЬМИРА.

Ничто злодѣйствія не можетъ оправдать.

Представи ты себѣ, чью хочешь жизнь опиять.

Не чувствуй въ совѣсти ни малой больше муки,

И обгрѣй въ крови возлюбленнѣйшей руки:

И оставляй сію ты славу по себѣ,

Что будетъ предпочтенъ и люшый звѣрь тебѣ.

ФЕДИМА.

Мальмира! ты меня со всѣмъ ужъ осудила,

Федима Дарія еще не погубила.

Я постигаю то, что мысль моя груба,

И какъ ни злобствую, вся злость моя слаба:

Какъ помню я его подвласнаго сей дѣвѣ,

Во изступленіи, и въ самомъ пущемъ гнѣвѣ,

Когдабъ голова я была его пить кровь,

Въ потъ самый часъ къ нему я чувствую любовь.

Смотри Мальмира ты на состоянье злое,

И разсуждай, могуль уже я бышь въ покой!

ЯВЛЕНІЕ II.

ФЕДИМА, МАЛЬМИРА и ОРКАНТЪ.

ФЕДИМА.

Твой зракъ являетъ мнѣ -- ахъ! нѣтъ ли вѣдь чевѣ!

ОРКАНТЪ.

Мы счастья съ побой лишились всево;
Невѣрная Княжна всю мысль мою разшибла,
Явился намъ нашъ рокъ, надежда вся погибла.

ФЕДИМА.

Что есть еще? скажи, рази Оркантъ мой служѣ,
На всѣ мученіи отверзся ужъ мой духъ.

ОРКАНТЪ.

Прочти сіе письмо: ты въ немъ увидишь ясно,
Что мы обманушы, надѣялись напрасно.

ФЕДИМА читаетъ.

„Ты вѣдаешъ Оркантъ, кто былъ на свѣтѣ Кирѣ!
„Едва подѣ скиптръ онъ свой не покорилъ весь миръ,
„Я дочь ево, сіе тебѣ Оркантъ извѣстно,
„И суешно тебѣ лице мое прелестно.
„Преспанъ прельщашся ты мной въ пламени горя,
„Дочь Кира, предпочеть должна тебѣ Царя.
„Ужъ больше нѣтъ тебѣ въ моемъ днесъ еердцѣ мѣста,
„Ищи себѣ другой: я Дарию невѣста.

(Попомъ говоритъ:)

Чпожъ предприемлешъ ты?

ОРКАНТЪ.

Невѣрную узрѣшь,

И сей изведши мечъ предъ нею умереть.

ФЕДИМА.

Преудивительна ея заразовѣ сила!
 Но такову ли казнь злодѣйка заслужила?
 Неслыханная месть измѣнницѣ таковой!

ОРКАНТЪ.

Я симѣ лишѣ возвращу погибшій мой покой.
 Мнѣ жизнь была сладка лишѣ для нея единой.
 Когдажѣ я пораженѣ мучительной судьбиной,
 И чувствую таковой несносный мнѣ ударѣ,
 Нѣтъ способовѣ иныхѣ извлечь изѣ сердца жарѣ.
 Она вѣ минувши дни, когда со мной любила,
 И вѣ сердцѣ, и вѣ умѣ претвердо вкоренилась.

ФЕДИМА.

Когда опкрылися обманы всѣ и льсти,
 Умри! коль хочешѣ ты; но прежде ты опмсти.

ОРКАНТЪ.

Приятн не хочу совѣща бесполезна:
 Единѣ изѣ нихѣ мнѣ Царѣ, другая мнѣ любезна.
 Какое имя я оспѣваю по себѣ?
 Не уподоблюся сестра моя себѣ.
 Безвинно окончатъ хочу свои печали;
 Чтобѣ мнѣ мои бѣды безчестіемѣ не спали:
 Не поношеніе я щусь себѣ имѣть,
 Хочу, чтобѣ обомнѣ всѣ спали сожалѣть.
 Одна осталась честь днесъ часпію моею,
 А ты мя разлучишь спарашся и сѣ нею.
 Мя можешѣ живота лишить моя бѣда,
 А сѣ чesтью разлучишь не можешѣ никогда.

ФЕДИМА.

Не отрицай сего достойнаго совѣща,
И слѣдуй правиламъ преобращенна свѣща.

ОРКАНТЬ.

Я помню честности единыя уставы,
И кромѣ я ево иныхъ не знаю правъ.
Пускай въ злодѣйствіи вся плаваешъ вселенна,
Орканцова душа чиста и непремѣнна.

ФЕДИМА.

Ты какъ младенецъ мнишь: когдажъ бы ты былъ мужъ,
Не такъ бы разсуждалъ о чистотѣ твоей душѣ.

ОРКАНТЬ.

Какъ хочешъ разсуждай, совѣтъ Федиминъ вреденъ,
Я добродѣшеленъ, хотя и крайнѣ бѣденъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЪ и ОТАНЪ.

ОТАНЪ.

Ты Аршчестонинимъ письмомъ мя возмутилъ;
Но Дарій къ справу справъ еще мнѣ приложилъ.
Я видѣлъ изъ письма, что ты мой сынъ несчастенъ;
Но я не уповалъ, что Царь пому участенъ,
И тщелной склонностью Царевну обвинялъ.
Въ сей часъ и Дарій намъ подобно виненъ спалъ.
Сибъ предпріятія предъ нами не скрываетъ,
И дщери моея на одрѣ свой не желаетъ.

Хотя, сказалъ онъ мнѣ, Опанъ ты и хотѣдъ,
 Чтобъ Дарій дочь твою супругою имѣлъ.
 Я мысли привлекалъ: и принуждалъ природу,
 Чтобъ дочь твою явить Царицею народу.
 Но самой правосшью и склонисшью моей,
 Сія велика честь дается днесъ не ей.
 Хотяжъ Федима мнѣ не будешъ и супруга,
 Я буду чшпшь всегда себя мнѣ вѣрна друга.
 Я о невѣстѣ сей ево не вопрошалъ,
 Однако Дарій мнѣ ее именовалъ.
 Будь щасливъ съ нею ты, коль такъ опредѣленно,
 Въ досадѣ отвѣчалъ я Дарію смущенно.
 Хотя сколько было лезя я злосщъ ушявалъ,
 Которую мой духъ по сердцу простиралъ.
 Мнѣ вразумительно мои любезны дѣши,
 Какую должно вамъ болѣзнь теперь имѣши.
 Присбрѣщенныхъ вы лишилися сердецъ,
 И славы нашея является конецъ.
 Открылся намъ обманъ. Но всѣмъ, что есть клянуся,
 Что Дарію еще во славѣ я явлюся.
 Умолкнувъ всю вражду въ припворствѣ ушая,
 Явлю ему еще каковъ въ народѣ я.
 Ты упованія Федима оплаченна,
 Увидиши Дарія Опаномъ низложенна,
 Поверженна въ крови, родимельской рукой,
 Узриши измѣнника ты мертва предъ собой.
 А ты мой сынъ еще надежды не лишайся,
 И возвращенія прятства дожидайся:
 Не только я хочу скончашъ твою бѣду;
 Я съ Арписпоною на тронъ тебя взведу.
 А ешь ли мы и въ семъ еще несчастны будемъ;
 Умремъ! но мщеніе во гробъ позабудемъ.

ФЕДИМА.

Нѣтъ, пусть невѣрная подобно съ нимъ умретъ.

ОРКАНТЬ.

ВЪ благополучіи пускай онѢ съ ней живетѢ,
 Не щуся овладѣшь ни сердцемѢ принужденнымѢ,
 Не щуся овладѣшь ни скипшромѢ похищеннымѢ.
 ОпѢ лести я Княжны спонаю и грущу;
 Но всеѢ вины своей любезной опшущу;
 Когда она меня опять любви спанетѢ.
 Но еспьли изѢ швоихѢ рукѢ громѢ на градѢ сей гря-
 нетѢ;
 Не нѣжностъ возвратитѢ ко мнѢ приащство: спрахѢ.
 И буду я ширанѢ вѢ возлюбленныхѢ очахѢ.
 ТиранѢ пребуду я во мнѣнии гражданства,
 Убийца ДаріевѢ и шашь ево подданства.

ОТАНѢ.

Я помощи твоей кѢ опмщенью не ищущу,
 ЕдинѢ на Дарія народы возмущу.
 УвидитѢ часпѢ себѢ и Арписпона гнѣвну;
 Я ради лишѢ тебя хопѣлѢ щадитѢ Царевну.
 Днесъ смертшю и ей опмщитѢ сей обманѢ:
 Ты будешѢ мнѢ рабомѢ, и будетѢ ЦарѢ ОтанѢ.

ФЕДИМА.

Воздвигни, опче мой, шпы нашу падшю славу,
 Полезные для всехѢ тебѢ приащ державу;
 ОнѢ младѢ для скипешра, швой умѢ искусства полнѢ.

ОРКАНТЬ.

Ступай ты, опче мой, прошивѢ сердитыхѢ волнѢ,
 Ступай, куды тебя желанье посылаетѢ:
 Меня на ихѢ брегахѢ невинностъ оставляетѢ.
 Худыя будешѢ ты успѣхи получаешь,
 Коль хочешѢ правду мспя на правду самѢ возстапѢ.

ОТАНЪ.

Я всё свои слова съ несмысленнымъ перляю;
 Специ и въздыхай, я къ дѣлу прислуцаю.

Я В Л Е Н І Е IV.

ОРКАНТЪ, ФЕДИМА и МАЛЬМИРА.

ОРКАНТЪ,

Ты хочешъ умершвишь, ково любила ты?

ФЕДИМА.

Пришпсвѣ Дарія днесъ спали суеты,
 Любовь моя враждой, ево любовь обманомъ.
 Какую жалоспъ мнѣ имѣшь съ моимъ шираномъ?
 Погибни кипрый льстецъ, погибни сердце що,
 Которое меня перзаетъ ни за что.
 Которо за мою горячностъ непремѣнну,
 Мнѣ подало печаль, и скорбъ неизреченну.
 Когда бѣ онъ ласкою Федимѣ не манилъ,
 Пускай, ково бѣ хотѣлъ, тогда бы онъ любилъ.
 Я кипрости ево орудіемъ служила,
 И я ево одна на тронѣ утвердила.
 Пришчина всѣхъ ему Опановыхъ услугъ,
 Когда онъ сталъ Царемъ, чтобъ онъ былъ мой супругъ.
 Мной Дарій царспвудъ приялъ всё къ силѣ мѣры,
 Мной сидетъ съ трона онъ, мной вѣ вѣчныя пещеры!
 Коль такъ онъ воздалъ мнѣ за всё мои шруды,
 Какія ожидать ему инья мзды?
 Умри нарушивши ты честности уставы,
 И скрой съ собой во гробъ Федимины забавы,

Я сииду за тобой ко мрачнымъ шѣмъ мѣстамъ,
И буду утѣснять преступника и шамъ.
И въ самыхъ пропастьхъ ты будешь мною мученъ,
Мой гнѣвъ со мной и шамъ пребудетъ неразлученъ.

ОРКАНТЬ.

Полезны подаешь совѣты ты опцу,
И къ преполезному готовишься концу.

ФЕДИМА.

Необходимость мя влечетъ и въ гробъ и къ злобѣ.
Почпо ты мать моя носила ми въ упробѣ?
Почпо побою я на бѣдствы рождена?
Ахъ! лучшебъ я въ потъ часъ какъ въ свѣтѣ изведена,
Въ объятіи швоемъ въ младенчествѣ скончалась!
Тогда бы безъ злодѣйствъ я съ жизнью распалась.
Но что! когда такой пришелъ ужасный рокъ;
Не можетъ быть большимъ порокомъ сей порокъ.
Теки умъ въ мысль сію, шеки и устремляйся,
И больше къ жалости уже не возвращайся.

ОРКАНТЬ.

Я буду мерзости всей силой отвращать.

ЯВЛЕНІЕ V.

ФЕДИМА и МАЛЬМИРА.

МАЛЬМИРА.

Подумайтеса, что хощите вы зачать?

ФЕДИМА,

Не можетъ разумъ мой вздыханія изчислить:
А ты совѣшуешь неослабленно мыслишь.
Возможно ль въ ярости врагамъ не опомнѣть?
И лъзя ль опчаянной безспрастно разсуждать?

МАЛЬМИРА.

Знашь не напрасно ужъ свои слова я шрачу?
Знашь ими шрогаю тебя? ты плачешь?

ФЕДИМА.

Плачу;

Но не отъ жалости, гнѣвъ чувствуя небесъ;
Отъ ярости одной пекутъ попки слезъ.

МАЛЬМИРА.

Когда отъ люлости ихъ лъютъ сердца жестоки;
Пренебреженія достойны слезъ попки.

ФЕДИМА.

Ты хочешь къ жалости еще меня влещи:
Нѣтъ, суешной во мнѣ щелропы не ищи.
Когда онъ для меня имѣетъ сердце швердо;
Имѣю для него и я немилосердо.
Онъ мною былъ любимъ, теперь онъ мнѣ злодѣй,
И вышли нѣжности изъ памяти моей.
А ты обманщица ево плѣняя взоры,
Смѣялась чаю мнѣ шѣ слыша разговоры,
Копоры я вела о немъ съ шобой всегда;
Но чшо ты лѣспива шоль, какъ было знать тогда?

Мой братъ тебя любилъ, я по вседневно зрѣла,
 И мнила, что и ты къ нему любовь имѣла:
 Ты сказывала по, отецъ мой чаялъ пакъ,
 Казалось, что намъ являлъ по швой и зракъ.
 Гдѣ, гдѣ ты шаковымъ припворствамъ научилась?
 Когда вреднѣйшимъ ты симъ ядомъ напоилась?
 Однако вскорѣ швой придетъ безстыдный смѣхъ:
 Лишаешься и ты украденныхъ ушѣхъ.
 Для облегченія спѣсившагося духа,
 Пойдемъ, и будемъ ждашь приятнаго мнѣ слуха.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

АРТИСТОНА и ЗАНИДА.

АРТИСТОНА.

Хотя я винною кажуся предъ тобой;
Не преступленіемъ виновна я, бѣдой,
Котора отъ тебя еще теперь сокрыта,
Еще ли злоба ты, еще ли, ахъ! несыта?
Уже ли весь на мя свой гнѣвъ ты излила?
Какова люта днѣя нынѣ дожила!

ЗАНИДА.

Я бѣ вѣрила тебѣ, когда бы я не знала
Того, что я въ своемъ письмѣ сама чипала;
Орканшъ ево казалъ мнѣ только получилъ.

АРТИСТОНА.

Вѣ какомъ онъ образѣ тогда Занида былъ?

ЗАНИДА.

Когда ему сама ты горестъ приключаешъ;
Тѣмъ больше для чего о немъ ты вопрошаешъ?

АРТИСТОНА.

Для умноженія болѣзни своея.

ЗАНИДА.

Для дополненія свирѣпости сея,
Котору безъ стыда ты съ шѣмъ употребила,
Ково недавно ты какъ жизнь свою любила.
Мукъ зрѣніе и слухъ, мучителямъ есть смѣхъ,
И всѣхъ приятнѣе пиранскихъ имъ ушѣхъ.

АРТИСТОНА.

Дай жертву моему преобращенну нраву:
Дай чувствованья сію пиранску мнѣ забаву.
Скажи.

ЗАНИДА.

Какую мнѣ сказать иную вѣсть?
Оркантъ познаеъ твою ему опкрышу лещь,
Какъ онъ ни мужеспвенъ, груститъ и въздыхаетъ.
Однако онъ тебя безъ злобы вспоминаетъ.

АРТИСТОНА.

Ахъ! можетъ ли ужъ онъ о мнѣ теперь вздохнуть!
И можетъ ли меня безъ злобы вспомануть!
Скажи, какую рѣчь уста ево вѣщали?

ЗАНИДА.

Что чувствуетъ онъ ядъ смертельныхъ печали;
Что онъ напасни сей себѣ не представлялъ,
Хотя премѣны онъ въ тебѣ и обрѣпалъ.
Что онъ хотя и зрѣтъ швое поль сердце злобно,
Ему тебя престать любими неудобно.
Что ты и измѣнявъ все шажъ въ ево глазахъ...
Но мнѣ бышь видѣлся лице швое въ сдезахъ.

АРТИСТОНА.

Онѣ тебѣ мои жестокости являютъ.

ЗАНИДА.

Знашь мысли прежней жаръ любви возвращаютъ.

АРТИСТОНА.

Онѣ не былъ никогда изъ сердца оплаченъ;
Хотя меня Оркантъ и навсегда лишенъ.

ЗАНИДА.

Не знаю, правильноль тебя я обвиняю:
И какъ ни умствую, того не понимаю.
Скажи пюль дивное мнѣ таинство Княжна.

АРТИСТОНА.

Внимай ево теперь, вотъ въ чемъ моя вина:
Уже два мѣсяца Занида миновало,
Какъ сердце Царское плѣненно мною спало.
Или пристойные, два мѣсяца, сказашъ,
Какъ я ево любовь къ себѣ могла познать.
Оркантъ спокоенъ былъ, Федима ревновала,
Единъ не предузналъ, другая предузнала,
Что искра она произведетъ пожаръ,
И что намъ всѣмъ проимъ готовился ударъ.
Я обращала то въ ничко, не чая казни,
И мнила, что пройдетъ, не чувствуя болзни.
По семъ, о люшый день! о пружеспокій часъ!
Не долго зыблилась гроза сія на насъ:
Мнѣ Дарій объявилъ, чшобъ я позабывала
Тово, въ комъ я свою надежду полагала;
И еспьли не хочу ево я погубить,
Такъ чшобъ спаралась я преспать ево любить:

Немилосердное злочастнѣй повелѣнье!
 Пришворство дѣлало плачевно исполненье.
 Какъ спала часъ моя толико мнѣ вгедна,
 Я грусть мою несла и мучилась одна,
 Спраданья моего тебѣ не открывая,
 И злополучія Орканшу не дѣлалъ;
 Хопя мою и самъ премѣнность онъ узналъ,
 И преступленіемъ ея на мя вѣлагалъ.
 Я тайно передъ нимъ въ преступкѣ извинялась,
 Онъ мнѣ пѣнялъ, а я слезами обливалась.
 Онъ ревностію спалъ презѣльно ураженъ:
 Мой плачъ приемлемъ былъ обманомъ льстивыхъ женъ,
 Которы помощью рѣчей и взоровъ льстивыхъ,
 Удобны обмануть и самыхъ прозорливыхъ.
 А въ сей прегоркій день мнѣ Дарій повелѣлъ,
 Сказать ему, чтобъ онъ надежды не имѣлъ,
 Любя несчастную, имѣть меня женою,
 И чтобъ старался быть любимымъ онъ иною.
 Занида! естли бѣ лезя мнѣ было по сказать,
 Что я симъ варварствомъ хочу ево спасанъ;
 Лишась приятныхъ думъ, я бѣ винность опдала,
 Которая безвѣстіемъ покрыла;
 Но естли бы того не спала я скрывать,
 Возмогли бѣ онъ меня безъ мести поперять.
 Пускай скончаюсь я, увянувъ въ лучшемъ цвѣтѣ;
 Мнѣ жизнь Орканшова всево дороже въ свѣтѣ;
 Она для грубости мнѣ крѣпость подала.
 Измѣну мнимую любовь произвела.

ЗАНИДА.

Что написала ты въ смященіи толикомъ,
 Не лучше ли бы по дашь было знанъ языкомъ?
 Ты вшедъ съ Орканшомъ въ полкъ, могла бы уменшилъ
 Вину свою предъ нимъ.

АРТИСТОНА.

Могла бы я сокрыть,
 Отказъ ему сказавъ, презрѣніе прихворно,
 И зря ево, начать съ нимъ рѣчь вдругъ шоль упорно?
 Прихворство таково шоль шажчѣ всѣхъ наукъ,
 Коль шажчѣ всѣхъ мое мученье лютыхъ мукъ.
 Искусство лютое сердце окамененныхъ,
 И человечества безстудіемъ лишенныхъ!
 Когда я думала представить по себѣ,
 Что будетъ нѣкогда мнѣ нужда и въ шебѣ!
 Со мнѣніемъ успа мой не разбивались,
 И мысли съ совѣстью моею соглашались.
 Хотя природа ты дала мнѣ чистый духъ;
 Но по всему о мнѣ пройдетъ народу слухъ,
 Что я тому, ково какъ душу я любила,
 Для славолубія безстыдно измѣнила.
 А ты прошивной даръ, несчастна красота!
 Польстила мнѣ, увы! и стала суета.
 Несносная напасть, возлюбленнымъ владѣши,
 И въ роскоши съ нимъ жить надежды не имѣши!
 Неисцѣлима скорбь, всѣмъ чувствіемъ любивъ,
 И въ страсти никогда утѣхи не вкусивъ!

ЗАНИДА.

Но объявленіе въ письмѣ швоемъ есть грубо,
 И рвѣшъ прискорбный духъ любовниковъ сугубо.

АРТИСТОНА.

Не мой въ письмѣ семъ складъ, хотя писала я:
 Но Даріева рѣчь бытъ стала рѣчь моя.
 Сии печальныя возлюбленному строки,
 Когда изъ глазъ моихъ бѣжали слезъ пошоки,

При Даріѣ должна была я ороситъ,
 И вновь переписавъ мучишесю вручить.
 И какъ по потребную суровоснъ я скончала,
 Я больше на ногахъ предъ нимъ не успоила.
 Въ минушу ону злу мой разумъ ошлупилъ.
 Но рокъ для пущихъ бѣдствъ меня не поразилъ,
 Которымъ нынѣ я на жертву пренесенна,
 И для которыхъ я на свѣшъ произведенна.

ЗАНИДА.

Такъ ты конечно бышь супругою Царю - - -

АРТИСТОНА.

Я ни чево тебѣ о томъ не говорю.

ЗАНИДА.

Однако будетъ то какъ видно непременно.

АРТИСТОНА.

Молчи, и такъ во мнѣ симъ сердце возмущенно,
 И дай на часъ забышь, что я забышь хочу.
 Въ какихъ я бѣдствіяхъ, о небо, дни влачу!
 Колико множество пришествъ неизреченныхъ,
 Вмѣщаетъ нѣжна спрасъ въ сердцахъ неушбенныхъ,
 Толико я иперъ злыхъ горестей шерплю:
 Лишаюся на вѣкъ шово, ково люблю!
 А къ дополненію пренагубной напасти,
 И въ сожалѣніе привести людей нѣшъ власти.
 Въ послѣдокъ, за ково мнѣ спрасъ велишъ спрадашь,
 Тому должна я симъ невѣрноснъ показашъ.
 И должно несъ и въ гробъ сіе съ собою бремя - - -
 О грозныя часы! о злополучно время! - - -
 Но ешь ли сниду въ гробъ отъ горести сея,
 Скажи ему ты, какъ была невѣрна я - - -

ГикарнѢ идетѢ ко мнѢ, какую вновь грусть скажетѢ?
Какую мнѢ еще сей день напастъ покажетѢ?

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЪ и ГИКАРНЪ.

ГИКАРНЪ.

МнѢ Царь тебѢ велѣлъ извѣстіе принести,
Что онѢ тебя спѣшитѢ на КировѢ проиѢ возвестъ:
И прежде нежели луна освѣтитѢ горы,
На что ни возведешѢ свои Царевна взоры,
Заразами красы корону получа,
ИзѢ обласпи своей лишѢ небо исключая,
Все будешѢ видѣль ны себѢ по покоренно.

АРТИСТОНА.

Я спражду, о ГикарнѢ! увы! не извѣстенно,
И упѣшенія уже не нахожу.
Знай, что на КировѢ проиѢ я съ плачемѢ возхожу.
Не спрашивай меня, что мысль мою терзаетѢ - - -
Но зрю что разумѢ твой шу тайну проникаетѢ.
ГикарнѢ! твой честный нравѢ извѣстенѢ мнѢ давно - -

ГИКАРНЪ.

Но съ честностью моей безсиліе равно.

АРТИСТОНА.

ТакѢ помощи себѢ не вижу ни опколѢ!
Ожесточенный рокѢ играетѢ мной по волѢ.
КакѢ по разбиіи о камень корабля,
Спенящему вѢ водахѢ невидима земля:

Онъ руки помныя повсюду простираетъ;
 Но помощи себѣ нигдѣ не обрѣщаетъ,
 И во отчаяннѣ при смерти приведенъ,
 Трепещется еще къ надеждѣ устремленъ,
 Когда его уже скрываютъ волны люты,
 И крайній мигъ пришелъ послѣднѣя минушы:
 Такъ вспоможенія и я теперь хочу:
 Отчаянна со всѣмъ надежды днесъ ищу.

ГИКАРНЪ.

Спасай любовника, кажися бытъ спбкойна,
 И буди своего родителя достойна.
 Великодушіе такое возбимѣшь,
 Чтббѣ горестъ крайнюю подать спбкойствамъ зрѣшь,
 Въ которой рвется духъ, ослабѣваетъ плѣло,
 Не дѣвъ и не мужей однихъ героевъ дѣло.

АРТИСТОНА.

Скажи Царю, что я готовлюся на проиѣ.
 Сокройтеса во мнѣ вздыханіе и стоиѣ!
 Небесны жители! вы силы измѣряйте!
 И больше ихъ бремени на насъ не налагайте!

ЯВЛЕНІЕ III.

АРТИСТОНА и ЗАНИДА.

АРТИСТОНА.

Теперь ужъ все свои я ясно зрю бѣды,
 Вашворенъ къ щаспью путь, пропали все слѣды.
 Когда еще не такъ мой близко рокъ казался,
 Мой духъ, мой помный духъ, груснилъ и утѣшался:

Груспилъ, что Дарію я жизнь свою брегу,
 И утѣшался, что спаси того могу,
 Кто мнѣ всево, что есть на свѣтѣ семѣ, дороже;
 Хотя и не ево вѣ свое приемлю ложе.
 А днесь лишѣ на одни поски мои гляжу:
 Что кѣ совершенію напасей прихожу.
 Не помню днесь уже, ково я симѣ спасаю;
 Но помню лишѣ, ково нещасная перяю.
 Возлюбленный Оркантѣ! приходитѣ потѣ злой часѣ,
 Который разлучитѣ увы! на вѣки насѣ.
 Приходитѣ времена, вѣ которыя довольно,
 И мыслишь о тебѣ мнѣ будетѣ ужѣ не вольно.
 Невинная любовь, подавша мнѣ успѣхѣ,
 Лишенной мнѣ тебѣ преобращишя вѣ грѣхѣ.
 Коль щасливѣ человекѣ, кто слѣдуетѣ усшаву,
 Который вѣ должности даетѣ ему забаву!
 Онѣ должностью своею кѣ приятности печетѣ,
 Приятность кѣ должности равно ево влечетѣ.
 А мнѣ, о злыя дни! приходитѣ то превратно:
 Кѣ чему влечь будетѣ долгѣ, то будетѣ неприятно.
 А что угодно мнѣ, того меня бѣда
 За добродѣтели лишаетѣ на всегда!

ЗАНИДА.

Оркантѣ идетѣ кѣ тебѣ, коль хочешѣ крыши пайну --

АРТИСТОНА.

Я чувствую вѣ себѣ болѣзнь не обычайну.

Я В Л Е Н І Е IV.

ОРКАНТЪ, АРТИСТОНА и ЗАНИДА.

ОРКАНТЪ.

Уже незнаемъ спалъ мнѣ Арписпонинъ нравъ,
Не прогнѣваюль шебя, съ шобою рѣчь зачавъ?

АРТИСТОНА.

Мой нравъ не премѣненъ; но время премѣненно.

ОРКАНТЪ.

Коль сердцебъ не было швое преобращенно,
Тобѣ дни шекли все шѣжъ. Но что я говорю!
Ты спановишся днесъ супругою Царю,
И будешъ съ радостьми до смерти неразлучна:
Нешасливъ шолько я, а ты благополучна.

АРТИСТОНА.

Когдажъ меня судьба зовешъ уже на шронъ,
Не воздыхай о мнѣ, прошелъ швой сладкій сонъ.

ОРКАНТЪ.

Я знаю шо, что ты на шронъ бышь достпойна;
Но можешъ ли на немъ сидѣца, бышь спокойна?
Не спачешъ ли шеся, шамъ, совѣсть угрызашъ,
Что ты любовника заспавила шрадашь?

АРТИСТОНА.

Я ничево себѣ шеперь не предвѣщаю,
И знаю шо, что есть, о будущемъ не знаю.

ОРКАНТЪ.

Конечно такъ, когдабъ нашъ умъ предузнавалъ,
 Я бѣ никогда тебя любить не начиналъ.
 Когдабъ меня пвоя краса воспламеняла,
 Предвѣдѣющая бѣ мысль сей пламень утоляла.
 Хотя имѣемъ мы малѣйшій нѣкій знакъ
 Природныхъ нашихъ свойствъ, и кажется ихъ намъ
 зракъ:
 Въ пвоихъ, увы! очахъ того мнѣ не казалось,
 Что къ вѣчной горести со мною нынѣ спалось,
 Сея напасти мнѣ ни взоръ пвой не явилъ,
 Ни нравъ, который мнѣ поль знаемъ прежде былъ.
 Повсеминушно я надеждою пипался,
 И духъ мой никогда побой не огорчался.
 О славолубіе! о гордость! вы всему
 Припчиной спали днесъ нещастью моему!
 О какъ прибытокъ злой, пы очи ослабляешъ!
 Ты нравъ и естество по волѣ превращаешъ!

АРТИСТОНА.

Что здѣлалось, того не лѣзя мнѣ возвратишь;
 А пы измѣну зря, преспань меня любишь.

ОРКАНТЪ.

Мнѣ должно перестать, такъ умъ повелѣваетъ;
 Но сердце правъ ево въ поскѣ не принимаетъ.
 Невѣрная! пвой взоръ мя вѣчно полонилъ,
 И больше нѣшъ моихъ къ освобожденью силъ.

АРТИСТОНА.

Чтожъ будешъ дѣлать ты, лишась своей невѣрной?
 Не все тебѣ о мнѣ бышь въ горести безмѣрной.

ОРКАНТЪ.

Не все, сей часъ единъ, я лещь изобличивъ,
 Не выйду отъ себя: не буду больше живъ:
 Умру, и понесу печали всѣ съ собою;
 Но будетъ тѣнь моя мечтаться предъ побою,
 И станетъ жалобы мои произносить
 Вездѣ, гдѣ бѣ ты себя ни захошѣла скрышь.
 Но прежде нежели сомкнулся смутны очи,
 Доколь не сниду я во мракъ всегдашней ночи,
 Куды уже теперь отверзла ты мнѣ путь,
 Вѣ послѣдніе тебѣ хочу напомнущь:
 Я былъ тобой любимъ, ты мной еще любима,
 Любовь сія была къ примѣру всеми зрима.
 Ты общала мнѣ на вѣкъ свои красы:
 Гдѣ дѣлися вы тѣ дражайшія часы!
 Коль часто вѣ вѣрности меня ты утверждала,
 И утверждашь себя, присягой, побуждала!
 Предсавъ, какой погда ко мнѣ мешала взоръ?
 Какой имѣла ты со мною разговоръ?
 Какою мыслию твоей разумъ наполнялся?
 Увы! къ чему я симъ поль щещно упѣшался!
 Збери по все вѣ свой умъ, и ясно вообрази,
 Помомъ возми мой мечъ и грудь мою пронзи!
 Чтосбъ было такъ, что ты меня опягошила,
 Но бремя по съ меня своей рукой сложила.

АРТИСТОНА.

Мы духъ ево мушимъ, пойдѣмъ отселѣ вонъ.

ОРКАНТЪ.

Благополучію скучаетъ бѣдныхъ спонъ.
 Не всякому болѣзнь чужая вѣ сердце входитъ,
 Не всякаго, напасъ другова, вѣ жалость вводитъ.

Поспой! мучителямъ, скорблящихъ живіе,
 Приятно зрѣлице, и слезы, пишіе.
 Но слезъ моихъ не зря, возри свирѣпымъ окомъ,
 На кровь; что предъ тобой прольется быспрымъ шокѣмъ.
 Ты порываешься опселя и спѣшишь,
 И больше видѣшь мнѣ лице свое препишь.
 Содѣлавъ для меня неизреченну муку,
 Помедли, претерпи сію мгновенну скуку,
 Которую мое присушествіе даетъ:
 Въ сей часъ меня мой рокъ изъ глазъ твоихъ возметъ.
 То, что любила ты, и нынѣ ненавидишь,
 По семъ часъ нигдѣ съ собою не увидишь.
 Коль не стыдилась ты принудить умереть,
 Поспой и не стыдись на смерть мою возрѣшь.

АРТИСТОНА.

Что я къ тебѣ, увы! свирѣпства не имѣю,
 Клянуся предъ тобой и небомъ и землею,
 Хоть въ крайнюю тебя я горестъ привела:
 И естли я когда мила тебѣ была;
 Для той ко мнѣ любви оспанься жить на свѣшѣ - - -

ОРКАНТЪ.

Какую казнъ еще готовишь въ семъ совѣшѣ?
 Къ чему иному жизнь моя тебѣ нужна?
 Спрягайся съ Даріемъ невѣрная Княжна!
 Будь щаслива! проеши - - -
 (Вынимаетъ шпагу.)

АРТИСТОНА.

Внемли едино слово.

ОРКАНТЪ.

Ты хочешь свергнушь имъ меня въ оправданье ново.

АРТИСТОНА.

Нѣтъ, я тебя люблю, повѣрь мнѣ въ томъ повѣрь,
 Не припворюся ужъ больше я шеперь.
 Измѣны моея лишъ вѣрность есть причина,
 И разлучаетъ мя съ тобой одна судьбина.
 Хоть ты любезный мя невѣрною нарекъ;
 Ты тайны моея симъ словомъ не излекъ:
 Страхъ смерти твоея ея тебѣ являетъ,
 И онъ ея единъ изъ сердца извлекаетъ.
 Занида! ты ему свирѣпство по опирой,
 Которое, увы! играетъ тако мной.
 Скажи ты, для чего я Дарию невѣста,
 И къ сей злой повѣсти ищи способна мѣста,
 Чтوبъ подозрѣнїя ширану не подѣтъ:
 Ужасно рѣчь сію въ чертогахъ сихъ вѣщаешь.
 Внемли возлюбленный печальну вѣсть подробно:
 И разсуждай попомъ, коль счастье наше злобно!
 Спуй Занида съ нимъ, а я опсель пойду,
 Восплакашь, гдѣ себѣ убѣжище найду.

Конецъ втораго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ Ш.

ЯВЛЕНІЕ І.

ДАРИЙ и АРТИСТОНА.

АРТИСТОНА.

Коль хочешъ получить успѣхъ въ начатомъ дѣлѣ;
Такъ опдали уже Орканша ты опселъ.
Ты на престолѣ внесенъ монаршій высоко,
Владычество швое простерло далеко.
Пошли въ послѣдній край ево своей державы,
И опдаленіемъ зашми ево забавы.
Но шамо повеки живопъ ево хранишь,
Опчаянне легко смерть можетъ приключить.
Ково опредѣлитъ рокъ къ вѣчному нещастью,
Топъ жизнь не чшетъ добромъ, ни смерть свою на-
щастью,

Доколь любовна мысль пребудетъ горяча,
Не будетъ скорби сей Орканшовой врача.
Чего опчаянно любовники желаютъ,
Опсушествіе лишъ шо и время утоляютъ.
Онъ Арпистону зря въ величествѣ ея,
Куды меня шеперь ведетъ любовь швол,
Когда изъ дальнихъ странъ сюды онъ возвратишяся,
Лишась ея на вѣкъ, уже не возмущишяся;
Различныя мѣста желанье премѣнятъ,
И долги времена любовь искоренятъ.

А я послѣдуя нечаянной судьбинѣ,
 Хоть буду и тогда такъ мучима какъ нынѣ,
 Союза моего съ тобой не разрѣшу,
 Ни мыслью предъ тобой уже не согрѣшу.
 Какъ бракъ священный жизнь мою съ пвоею свяжетъ,
 Онъ вѣрною меня супругою покажетъ.

ДАРІЙ.

Какую лзя тому причину мнѣ найтить?
 А безъ причины лзяль Орканта опдалишь?
 Оркантъ передомной ни въ чемъ не прослужился.

АРТИСТОНА.

Но безъ прослугъ своихъ преступникомъ явился.
 Когда бы онъ дерзнулъ измѣну показать;
 Возмоги ли бѣ чемъ ево ты больше наказашь?

ДАРІЙ.

Сраженному ему великимъ симъ урочомъ,
 Дамъ мѣсто первое Орканту я предъ трономъ:
 Сокровище свое я все съ нимъ раздѣлю,
 И чшипь ево такъ всѣмъ какъ брата повелю.
 Чемъ прежняя ево утѣха нынѣ вянеть,
 Тѣмъ въ царствѣ онъ моемъ великимъ мужемъ спанеть,

АРТИСТОНА.

Отрада такова любовникамъ слаба.
 Я бѣ восхошѣла бышь послѣдняя раба;
 Хоть году моему сіе и не прилично,
 И крови царской пастъ такъ низко не обычно;
 Когда бѣ я симъ могла Орканта удержашь!
 Толь пляжко и ему любезну поперашь.

ДАРИЙ.

Ты только мнишь о немъ, и по забываешь,
 Что ты сей мыслию мнѣ люто досаждаешь.
 Я вижу, что ты мнѣ упорна хочешь быть,
 И прежнихъ ты упѣхъ не щужишься забыть.

АРТИСТОНА.

Увы! всей силою я ихъ забыши щуюся;
 Да выгнать изъ ума я ихъ безсилна зрюся.
 Но въ чемъ препятствуетъ тебѣ тоска моя?
 исполни только то, о чемъ просила я!

ДАРИЙ.

Когда по надобно исполнишь непременно;
 Такъ, что сказала ты, по мной опредѣленно.

АРТИСТОНА.

Но крѣпко повели ево ты сохранятьъ;
 Чтobъ мысль моя меня не спала въ вѣкъ перзашъ,
 Что я ево во мзду любви ево любила,
 И думая спасти, спасая погубила.

ДАРИЙ.

Я послушаніе свое тебѣ явлю,
 Свирѣпство нужное къ нему употреблю.

ЯВЛЕНІЕ II.

АРТИСТОНА одна.

Уже я и очей твоихъ Оркантъ лишаюсь,
 И кто прошивенъ мнѣ, съ шѣмъ вѣчно сопрягаюсь.

Того ли прежде я любовь въ тебѣ ждала,
 Сего ли щасія, что нынѣ избрала?
 Полезныя всего на жертву горькой страсти,
 Необходимыя избраніемъ напасти,
 Въ которыхъ небеса мя осудили жить,
 И жалобы свои безъ пользы приносить.
 Оркани! осталось мнѣ чужой супругой быти,
 И изъ очей себя надолго опдалиши.
 А какъ себя сюды къ намъ время возвратитъ,
 Мнѣ рокъ и часто бышь съ тобою запремитъ;
 Чтобъ сердце должности своей не преступило,
 И прежнихъ нѣжныхъ думъ мнѣ въ казнь не возвра-
 шило.
 Но можешъ ли по бышь, чтобъ вѣкъ потъ былъ
 забвенъ,
 Которымъ былъ мой духъ полъ сладко напоенъ?
 Съ коликими спрашъми тогда мнѣ въ брань вступати!
 И сколько можешъ ли природа силъ подати!
 Чтожъ дѣлать! надлежитъ себя преодолѣшь;
 А ежели не лзя, то должно умереть.

ЯВЛЕНІЕ III.

АРТИСТОНА и ЗАНИДА.

АРТИСТОНА.

Позналъ ли онъ вину жестокия напасти?
 Повиненъ ли судьбѣ, и непремѣнной части?

ЗАНИДА.

Не можешъ пребывать, чтобъ онъ спокоенъ сталъ,
 И не прошивая любезную перла.

Онъ чая Дарія побой любимымъ быши,
 Хопѣлъ своей судьбѣ и части уступити.
 Тогда къ пристанищу въ погибели онъ шекъ,
 И думалъ сократитъ несчастливый свой вѣкъ.
 Теперь узрѣвъ себя себѣ онъ быши вѣрной,
 Перемѣнилъ ту мысль, и въ ярости безмѣрной,
 Когда ево любовь къ опмщенію влечетъ,
 Собратъ своихъ друзей и брань начашъ шечетъ.

АРТИСТОНА.

Противъ владѣтеля обширными спранами,
 Что можетъ здѣлашь онъ съ немногими друзьями?
 Злодѣй ево шаконъ великъ Опаномъ шалъ,
 Что весь противъ ево оспашокъ свѣшнъ малъ.
 Безсилъшвуютъ мечи бѣоущесе о камень:
 Все въ обласпи ево, орудіе, и пламень.
 О небо! не умножь печали моея!
 Прошу, чтобъ Дарію была супругой я:
 Хопя сей пышный бракъ, увы! мнѣ и ужасенъ,
 Пекуся, только, чтобъ Оркантъ былъ безопасенъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АРТИСТОНА, ЗАНИДА и ПАЖЪ ОРКАНТОВЪ.

ПАЖЪ.

Прими сіе письмо, Княжна, и просмотри,
 И шокі опѣ очей слезящихъ обошри.

АРТИСТОНА читаетъ шихонько,
 и пошомъ:

Но гдѣ шеперь ево, скажи мнѣ, зракъ любезный?
 Коль безопасенъ онъ, опру источникъ слезный.

ПАЖЪ.

Мнѣ только повелѣлъ тебѣ онѣ донести,
 Что чаепѣ спасѣ тебѣ, и жизнь свою спасѣ.
 Я больше ни чево сказашъ о томѣ не знаю,
 И изѣ чертоговѣ сѣхѣ со страхомѣ выспуваю.

ЯВЛЕНІЕ V.

АРТИСТОНА и ЗАНИДА.

АРТИСТОНА.

Внимай, что пишетѣ онѣ.

(Читаетѣ.)

Уже я не вѣ рукахѣ

Злодѣя своего. Умѣрь любезна спрахѣ.

Имѣй надежду ты ко мнѣ вѣ любви пая,

И ожидай меня Царевна дагагая.

Какѣ кажется тебѣ писаніе сѣе?

ЗАНИДА.

Вѣ немѣ заключается все щастіе твое.

Тенерь ты Дарію престань повиновашься:

Когда Орканпѣ спасенѣ, такѣ нѣчево бояшьяся.

АРТИСТОНА.

Во упованіе любовь ево ввела.

Хотя велика спрасѣ, надежда вѣ ней мала.

Онѣ шщептно мыслишѣ то, что жизнь ево спаслѣся.

Ахѣ! лучше бы на пропѣ я Даріевѣ възнеслѣся,

Какѣ такову шерпѣшь презѣльну мнѣ боязнѣ?

Орканпѣ! ты за меня себѣ гоповишѣ казнѣ.

ЗАНИДА.

Ты сердце горестью единой наполнишь,
И мысль свою однимъ опчаяньемъ питаешь.

АРТИСТОНА.

Кто бѣдствы зрѣлъ среди морскихъ великихъ волнъ,
Топъ и въ рѣчныхъ спруяхъ всегда боязни полнъ.
Гдѣ Дарій пы свою оставилъ прежню славу,
Какъ изъ Опановыхъ пы рукъ приалъ державу?
Ты правосудіе и милость наблюдалъ,
И подданнымъ своимъ въ себѣ примѣръ являлъ,
Что человѣчество опъ звѣрства опдѣляетъ,
И чемъ насъ естество надъ скопствомъ возвышаетъ.
Къ чему жъ величество боговъ намъ познавать;
Коль по уставамъ ихъ не щимся исполнять?
Иль обладашело приавъ опъ нихъ корону,
Не предписуется безсмертными закону?
Не таковую мысль родилель мой имѣлъ:
Безсмертнымъ никогда пропивишься не смѣлъ.
Коль больше Божество ево превозносило,
Толь болѣе ево смиренно сердце было.
Въ рукахъ имѣя скиптръ и на главѣ вѣнецъ,
Преступниковъ каралъ, невиннымъ былъ отецъ.
Онъ мужествомъ своимъ монархію возставилъ;
Но больше щастія себя щедротой славилъ.
Не слышишь опче мой сихъ горестныхъ рѣчей!
Не видишь жаркихъ струй текущихъ изъ очей!
О хладныя земли разверзися упроба!
Проснись великій Киръ, и вспанъ на часъ изъ гроба!
Я индѣ помощи не зрю себѣ нигдѣ:
Будь пы защитникъ мнѣ стенащей въ сей бѣдѣ!

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢЖЪ и ДАРІЙ.

ДАРІЙ.

Ко облегченію швоей напрасной муки,
 Я щцился поручить Орканпа вѣ вѣрны руки;
 Но дерзоспный вѣ любви прошивной мнѣ горя,
 Изѣ града убѣжалѣ прогнѣваши Царя.
 Уже повелѣно различными пущами,
 Бѣжаешь за бѣглецомѣ поспѣшными ногами.
 И чпсбѣ повиннымѣ бышь приказамѣ мнѣ швоимѣ,
 Повсюду воины разосланы за нимѣ.
 Рождаешся вѣ самомѣ опцѣ ево досада,
 Пошелѣ вѣ взысканіе ево и онѣ изѣ града.
 Одни спремичельно дорогами бѣгутѣ,
 Другія по лугамѣ и роццамѣ сперегутѣ
 Розсыпанны, ево касаяся степенемѣ,
 Подобно какѣ ловцы шекучи за еленемѣ.
 Но пусть мои раби спараются найшпшь
 Ушедшаго опсель, и паки возвратишь;
 А я тебя ужѣ зрю какѣ вѣрную супругу,
 Пойдемѣ предѣ олшари, и присягнемѣ другѣ другу.

АРТИСТОНА.

Доколь не будетѣ здѣсь Опановѣ сынѣ опять,
 До шѣхѣ порѣ не могу я ничево зачать.
 Не привлекай меня безвременно кѣ коронѣ!
 Или шы позабылѣ, что милѣ онѣ Аршпстонѣ?

ДАРІЙ.

Ты памятуешь шо: я помнишь не хочу,
 Но знай, когда сего прешупника сыщу,
 Что шы во мзду своей неизреченной лешпи,
 Не получишь уже ѿ немѣ инья вѣсти,

Какъ только ты, что онъ въ опечествѣ своемъ,
За преступленіе скончался подъ мечемъ.

АРТИСТОНА.

Свирѣпая душа, и сердце шоль сурово!
Какъ смѣешь испустить изъ устъ такое слово?
За что невиннаго казниши предпріялъ?
За шоль, что отъ тебя гонимый убѣжалъ?
Или за то, что ты законы презираешь,
И властію своею природу принуждаешь?
На то ли скиптръ тебѣ вручило божество,
Чтобъ подъ рукой твоею спенало естество?
Хотя и славился народовъ повелитель;
Но славные еще опечества любитель.
Гдѣ къ обществу любовь съ вѣнцемъ сопряжена,
О коль тогда, о коль блаженна та страна!
Коль покрываетъ Царь рабовъ своихъ щедротой;
Они, за честь ево, лютъ кровь свою съ охотой - -
Не отвращай очей и рѣчь мою внемли:
Такой Царь образъ есть безсмертныхъ на земли.

ДАРІЙ.

Ты честь мою сама Царевна помрачаешь,
И ты лишъ мысль мою къ ширанству направляешь,
Вина сему твои несклонности одни.
Склонись; тогда пойдушъ благополучны дни.
Того, что мудрая Царевна ненавидишь,
Никто подъ обласью моею не увидишь.

АРТИСТОНА.

Намѣренье швое есть отрасль суеты.
Не для ради любви, не ради красоты,
Ища единыя недолгія забавы,
Ты долженъ наблюдать блаженство вѣчной славы.

Забавы, щастіе, преходящѣ такѣ какѣ пѣнь,
 И весь нашѣ краткій вѣкъ минешя шкѣ какѣ день:
 А естли вѣ живошѣ мы чемѣ себя прославимѣ,
 Мы имя симѣ свое надолго жить оставимѣ.

ДАРИЙ.

Мой разумѣ мнѣ искашь величества велишѣ:
 Но сердца безѣ тебя ничемѣ не веселишѣ.
 Не я, но рокѣ моихѣ жестокостей содѣшель.
 О дщерь премудрости, святая добродѣшель!
 Я чтилѣ тебя всегда вѣ обѣяши храня,
 А нынѣ ты, увы! уходишѣ отѣ меня,
 И слабости моей уже не подкрѣпляешѣ!
 А ты нимало мнѣ Княжна не помогаешѣ!

АРТИСТОНА.

Коль изѣ злодѣйствѣ она не можешѣ извлечи:
 Никто уже тебѣ не можешѣ помочи.
 Уничтожай еще, что я побою спражду:
 Пролей невинну кровь и уполи шѣмѣ жажду.
 Но вѣдай, что не сей меня склоняши пущѣ;
 Посемѣ не восхочу на образѣ швой взглянуть.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖѢ и ВОЕНАЧАЛЬНИКѢ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКѢ.

Всѣ шѣ, копорыя ушедшаго искали,
 И со оружіемѣ изѣ града побѣжали,
 Близѣ претпи воинства кѣ Опану припекли,
 И новаго Царя вѣ Орканшѣ нарекли,

Глася: да здравствуетъ онъ съ дочерію Кира,
И взыдеи на престолъ прияти обласи мира.
Орканіи съ опцемъ своимъ распоряжаютъ шамъ,
Что ты, о Государь! повелѣваешь намъ?

ДАРИЙ.

Зберемъ все воинство, воздвигнемъ силу многу,
Вели въ шрубы шрубисъ, и бишь вездѣ шревогу;
Отъ кореня щедрошъ, какія хвалишъ ты,
Изрядныя, Княжна, рождающа цвѣшы!

АРТИСТОНА.

Не уличай меня, я память погубляю,
И въ семъ смущеніи сама себя не знаю.

ДАРИЙ.

Вооружайтеса, я покажу шо имъ,
Какъ должно дѣлать казни злодѣямъ шаковымъ.
Покройте площади оставшими полками,
И ожидайте мя, я скоро буду съ вами.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДАРИЙ, АРТИСТОНА и ЗАНИДА.

ДАРИЙ.

Подумай, ешли бѣ я, Княжна, мучитель былъ,
И прежде своего врага не пощадилъ;
Чтобъ оно варварство народу пользой спало,
И дерзновеніе спокойствубѣ не мѣшало.
Удобно ли еще тебѣ ихъ оправдать?
Они своихъ гражданъ спремдшеса убивать,

И на владѣтеля безспыдно возспавая,
 Рабовъ проливъ ево симъ ядомъ заражая,
 Похищши жопятъ вѣнецъ, монаршій санъ,
 Который праведно отъ общества мнѣ данъ.
 Хопятъ разсыпати великолѣпны спѣны,
 И возмущеніемъ начавъ искасть премѣны,
 Для удовольствія желанья своего,
 Попрясшь покой Царя и свѣща въ немъ всего.

АРТИСТОНА.

Ужъ оправданіе мое имъ бесполезно,
 А бытіе мое, увы! на свѣшѣ слезно!
 Я бѣдная одна испочникъ всей вины:
 Рушипельница я гражданской пишины:
 Мной несогласіе межъ Персовъ загорѣлось,
 И сердце мной швое въ минушу злу зашлѣлось.

ДАРІЙ.

Я жару не клену, въ которомъ я горю,
 Спокойство возвращу, злодѣевъ покорю,
 Оружіе на мя подѣявшихъ не разсудно.

АРТИСТОНА.

Вы зрите какъ перпѣшь всевидцы мнѣ днесъ прудно!
 Достойналь крови шой я, Дарія пѣбня,
 Которая въ сей день прольется за меня!

ДАРІЙ.

Чево достойна ты, мое по сердце знаетъ,
 Оно дщерь Кирову съ безсмертными равняетъ.
 Въ тебѣ я вижу смѣсь, премудрости, красы,
 Прияшствѣ и нѣжности: въ какія ты часы
 Въ упробѣ матерней прекрасна зачиналась!

АРТИСТОНА.

Когда на Персію судьбина прогнѣвлялась,
И ей на высотѣ готовила ударѣ:
Се искра та пещерь произвела пожарѣ.

ДАРІЙ.

Не ты винна, а огонь сей скоро зашущися.

АРТИСТОНА.

Пойдемѣ Занида мы, мой пляжко духѣ крушишся.

ДАРІЙ.

Забудь Орканпа днесъ, коль онѣ полъ виненѣ спалѣ,
И помни лишѣ, что я побою вспылалѣ.
Теперь я опхожу на должну оборону,
И принесу къ тебѣ и лавры и корону.

Конецѣ прешьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФЕДИМА и МАЛЬМИРА.

ФЕДИМА.

Звала ль Гикарна ты? и что онъ отвѣчалъ?

МАЛЬМИРА.

Къ приказу твоему предстати обѣщалъ.

ФЕДИМА.

Открой себя пупи во умъ мой мыслямъ злымъ!
Наполнись сердце ты днесъ ядомъ смертоноснымъ,
Забуди прежнюю царевнину пріязнь,
Подвигни кровь мою на мщеніе и казнь!
Остатокъ совѣсти изъ мысли испребися!
А ты пиранскій духъ во мнѣ распространися!
Ужасныя Цари помящимся душамъ,
О боги вѣчной тмы! я прибѣгаю къ вамъ!
Коль боги отъ меня небесны отвратились;
Вы мой примите спонтъ: всѣ мысли въ васъ вперились;
И здѣлайте, приявъ изъ успѣ моихъ слова,
Чтобъ я была какъ вы свирѣпа такова!

МАЛЬМИРА.

Ужъ ты и безъ того себѣ днесъ не подобна:
Ты прежде не могла Федима быть такъ злоба.

ФЕДИМА.

Надежду получивъ, въ объяши имѣть
 Того, кпо возведенъ полсвѣтомъ овладѣшь,
 Велико множество зрѣшь смертныхъ подъ ногами,
 И быши выше всѣхъ съ супругомъ подъ богами:
 А послѣ потерявъ все мнѣніе сіе,
 И уступаючи величество свое,
 Другой, которая для сей огромной славы,
 Опспала своея дражайшія забавы,
 Удобноль, что бы я нечувственна была,
 И повинулсь, ей рабою быть могла!

МАЛЬМИРА.

Не въ пышной суестѣ зришь щастье сердце чиво:
 На все, что льстивѣ другимъ, взираешъ горделиво,
 Въ благополучіяхъ пренебрегаешъ ихъ!
 Великодушествуешъ въ случаяхъ самыхъ злыхъ,
 Велико въ области, велико и въ подданствѣ,
 И ищешъ благъ своихъ въ единомъ постоянствѣ.
 Коль хочешъ быть славна, душею укрѣпись,
 И легкомыслія душъ слабыхъ усыдишь.
 Не шомъ великъ есть, кпо народами владѣешъ;
 Но кпо достойно скипиръ въ рукахъ своихъ имѣешъ.
 Къ такому подданныхъ сердца въ любви горяшъ,
 Дѣла ево во всѣхъ концахъ земли гремяшъ.
 А пы щеславіемъ и звѣрствомъ безпокойна,
 Участья въ области прияти недоспойна.

ФЕДИМА.

Никакъ забыла ты, кому ты говоришь?

МАЛЬМИРА.

Ты мнѣ усердной бышь къ себѣ не воспрещишь. — — —

Я В Л Е Н І Е II,

Т Ъ Ж Ъ и Г И К А Р Н Ъ ,

Ф Е Д И М А .

Какихъ мы дожили опечеству дней вредныхъ!

Г И К А Р Н Ъ ,

Ожесточилася судьба на Персовъ бѣдныхъ.
 Пришли, напали днесь пропивны времена,
 И раздѣлилися Персидски знамена.
 Граждана на своихъ гражданъ теперь воспали,
 И на себя самихъ оружіе подѣяли.
 Срывающе съ небесъ ночну густую тѣнь,
 И обшекающе весь миръ на всякой день,
 Гдѣ видишь, сонце, днесь злодѣйство ты такое!
 Мы спонемъ о тебѣ, опечесиво драгое,
 И слезы изъ очей влечетъ къ тебѣ любовь,
 А за спѣной твоихъ дѣшею лиется кровь!

Ф Е Д И М А ,

Какую симъ ты мзду Царевна заслужила,
 Что ты своей красой все царство возмутила!
 Когда тебя Оркантъ взаимственно любилъ;
 Противу совѣсти тебѣ сталъ Дарій милъ.
 Сталъ милъ! но имъ ли ты свой разумъ оболъщашъ?
 Не сердца, но вѣнца любовничья желаешъ.
 О варварска душа! о смертоносный зракъ!
 Противная любовь, и злополучный бракъ!
 Вы разрушаете спокойствіе народно!
 О рокъ! ты воспашъ на сердце благородно,
 И мужа мысль того любовью ослѣпилъ,
 Который пользою и щаспьемъ мира былъ!

Ты въ наказаніи судьбы и части гнѣвной,
О Дарій! для того воспламененъ Царевной,
Чтобъ пы своихъ гражданъ кровь потокомъ проливалъ,
И ею бѣ обогренъ предъ олтари предсталъ
На бракъ, что лютоспи швои опредѣлили,
И боги темнопы во адѣ утвердили.
Поди опселѣ пы, и дай предъ мужемъ симъ,
Въ уединеніи, пребыть очамъ моимъ.
Мнѣ кажется, что пы меня изобличаешь,
Ты нужну рѣчь въ устахъ моихъ оспановляешь.
Которую едва въ молчаніи держу.

МАЛЬМИРА.

По повелѣнію опселѣ опхожу.
Но познавающей намѣренье Федимы,
Колики мнѣ еще впреди напасни зримы!

Я В Л Е Н І Е III.

ФЕДИМА и ГИКАРНЪ.

ФЕДИМА.

Скажи мнѣ, другъ ли пы Федимину опцу?
И непріятель ли всѣхъ нашихъ бѣдъ творцу?
Царвиѣ - - ?

ГИКАРНЪ.

Другъ ему; но ей не непріятель.

ФЕДИМА.

Кто другъ моимъ врагамъ, тотъ врагъ мой и пре-
датель.

ГИКАРНЪ.

Съ чево ты мнишь, чтобъ я тебѣ предашь былъ?
Я предъ тобой еще ни въ чемъ не преступилъ.

ФЕДИМА.

Твои слова такимъ друзьямъ обыкновенны,
Которыя себѣ на пользу лишь рождены:
Уста ихъ, перьвыя, которы лещь бранятъ;
Однако ихъ сердца иное говорятъ.
Въ бесѣдѣ щастливыхъ все хулятъ, что постыдно,
А въ нуждѣ и въ бѣдахъ ихъ дружелства не видно.
Что въ собесѣдникъ, въ наперстникъ такомъ
Находишь нынѣ ахъ! нашъ утѣсенный домъ?
Совѣшы; для сего я умъ сама имѣю,
И дѣйствовать умомъ, какъ ты, сама умѣю:
Теперь своя рука и мечъ потребны мнѣ.

ГИКАРНЪ.

И такъ уже вражды довольно въ сей странѣ.
Не принуждай меня къ неизреченной злобѣ:
Уже готовишься жилище мнѣ во гробѣ,
Уже при воропахъ я вѣчности спою:
И въ таковыя дни прятать мнѣ мысль сію,
Къ которой ты меня поль сильно привлекаешь?
Подумай ты, къ чему меня ты принуждаешь! - - -

ФЕДИМА.

Ты то постигъ, о чемъ сказала я тебѣ,
И отрекаешься? такъ вѣдай, что себѣ
Своею принесу рукой Княжну на жерпву,
И двно предвсѣхъ ея повергну мертву.
Пускай подвергнуса суду и казнь приму:
Самъ здѣлаю конецъ несчастью своему.

Когда я на земли несносны зрю досады;
Я въ преисподнюю пойду искашь оспрады.

ГИКАРНЪ.

Пропивны шѣ мѣста, пренецетѣ человекѣ,
Копоры на земли и долгій прежилѣ вѣкѣ,
Когда себѣ на мысль мракѣ вѣчный представляешѣ.
Твоя Федима жизнь лишѣ только раздвѣщаетѣ,
Едва швоя краса сіяши начала;
А ты уже умрешѣ, намѣренѣ взяла.

ФЕДИМА.

Не сожалѣй о мнѣ! погибну въ лучшемѣ цвѣтѣ:
Умру, когда она останешѣ на свѣтѣ.

ГИКАРНЪ.

Дай небо, что бы ты до позднихѣ лѣтѣ жила!

ФЕДИМА.

Такѣ мнишѣ, чшобѣ я при ней имѣши жизнь могла?

ГИКАРНЪ.

Я кровь Опанову въ Федимѣ почишаю,
И жизни швоя пакѣ какѣ своей желаю:
Живи и покорись судьбѣ и небесамѣ!

ФЕДИМА.

Мнѣ живи! мнѣ яростнымѣ покорешвовашѣ богамѣ,
Которыя меня лишили Царска шрона!
Другую зрѣшѣ въ одрѣ сѣ подашелемѣ закона!
Сносишѣ безчестіѣ! покою не видашѣ!
И гнусной старости въ слезахѣ мнѣ ожидашѣ!

Когда толико часъ мнѣ данная развратна;
 Мнѣ жизнь моя мерзка, и смерть уже прилшна.
 Я больше не могу безчестія нести.

ГИКАРНЪ.

Чего бѣ ни стоило, хочю себя спасти,
 Ни чьей та кровію рука не обагрена,
 Которая шеперь на дѣву вознесена,
 На дѣву и на дочь великаго Царя.
 Однако вѣ сей крови мечъ острый обагря,
 Который къ мѣ ни будь пролишься не опложно,
 Хопя спасу себя: мнѣ только то возможно.
 Я зрю, что люпости твоей ле прекрачу;
 Спокойся, умершвишь Царевну я хочю.

ФЕДИМА.

Другими на себя глазами днесъ взираю,
 И дружество швое къ Опану познаваю.
 Ты дѣлая Гикарнѣ бѣдамъ моимъ конецъ,
 Теперь мнѣ больше милъ, какъ милъ мнѣ мой спецъ.
 Онѣ далъ мнѣ жизнь, но я нещастна ею спала:
 А опѣ тебя я жизнь спокойну восприяла.
 Имущей опѣ тебя сей дружескій обѣтъ,
 Ужѣ больше горести нималя мнѣ нѣтъ.
 Не забывай, что мнѣ едино то полезно,
 Чемъ удержишь живопѣ и не скончашься слезно.
 Упустишъ мечъ изъ рукъ, коль спанешъ сожалѣшь,
 И давъ намѣренье свое ширанкѣ зрѣшь:
 Ты будешъ осужденъ на смерть и муку люшу,
 Будь скорѣ и будь свирѣпѣ вѣ назначенну минушу!

ГИКАРНЪ.

Какъ то ни мерзостно; но я вѣ обѣтъ швердѣ.

ФЕДИМА.

Не свѣдаетъ никто, что ты немилосердъ.

ГИКАРНЪ.

Чтожъ дѣлать! пусть Княжна какъ роза днесъ увянетъ,
И градъ обманутъ мной сей вѣсти вѣрять станешъ,
Что себѣкла жизнь Княжна себѣ съ поски сама,
Не выпускаючи Орканша изъ ума.

ФЕДИМА.

Поди и здѣлай то, чшобъ я была въ покоѣ.

ГИКАРНЪ.

Стремися къ варварству мое ты сердце злое!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ФЕДИМА одна.

Умри! и встрѣть меня въ жилищахъ темношъ,
Гдѣ люди во прудахъ не знаютъ суешы,
Кшора намъ, увы! обѣимъ въ свѣшѣ льстила,
И кал мя тобой всего, что есть, лишила!
Умри, и понеси во мглу свои красы!
Уже приближились шеперь шѣ къ намъ часы,
Кшоры щаспливыхъ и мыслью ушрашающъ,
И коихъ бѣдныя за щастіе желаютъ.
Тебя шеперь Гикарнъ жалѣю одного:
Конецъ ужъ живота приходитъ твоего;
Въ моемъ то чувствіи опмщеніе безмѣстно;
Коль Дарію оно пребудетъ неизвѣстно.

Попиусь и о себѣ и о тебѣ сказать;
 Чтобѣ Дарій зналъ, что я могла ево казать.
 Сей слухъ, что онъ тебѣ по Персамъ разомнился,
 Открытиемъ моимъ въ иной перемѣнился.
 О жизни моей немилосердна часть!
 Ты злобѣ на домной вгучила полну власть.
 Я злаго своего намѣренья гнушаюсь;
 Но къ добродѣтели уже не возвращаюсь.
 Вся внутреннѣя моя мятежна и дрожитъ:
 Хочу спокойство зрѣшь, спокійство прочь бѣжитъ.
 Блаженъ на свѣтѣ попъ, кто горести не знаетъ,
 Которую душа злодѣйская вкушаетъ.
 Сихъ нестерпимыхъ мукъ не можно вобразить,
 Ничто не можно съ симъ мученіемъ сравнить.
 Ахъ! лучшебѣ не имѣть во всю мнѣ вѣчность вѣка!
 Что мысляю я! хочу убить человека!
 Днесъ знаю, что не лъзя, какъ сердце чье ни зло,
 Чтобѣ въ беззаконіи спокойно бытъ могло.
 Хоть добродѣтель всю духъ звѣрскій ослучаетъ!
 Природа варварство сама избличаетъ.
 Но ахъ! начто о семъ мнѣ больше разсуждать?
 Моимъ ли ужъ устамъ о честности вѣщати!
 Умри измѣнница! скрой честь мою съ собою!
 А я послѣдую въ мракъ вѣчный за тобою.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФЕДИМА и МАЛЬМИРА.

ФЕДИМА.

Кто объявилъ тебѣ извѣстіе сіе?

МАЛЬМИРА.

Весь градъ. Но разорви сумнѣніе мое,
Какой скончалася дочь Кирова судьбиной?
Ты вѣдаешъ: скажи: ахъ! ты пому припчиной.

ФЕДИМА.

Какъ носится молва?

МАЛЬМИРА.

Согласно всё гласяшъ:

Всѣ принужденный бракъ въ семъ бѣдствіи виняшъ.
И естли бѣ о твсемъ злодѣйствѣ я не знала,
И я бѣ о смерти сей подобно разсуждала.
Всѣ прежде чаяли, что милъ ей былъ сей бракъ;
Но днесъ, какъ духъ ея низшелъ въ подземный мракъ,
Граждана мысль свою со всѣмъ перемѣнили,
И Царскую любовь въ ширанство преложили.
Плачевну вѣдомость имъ такъ Гикарнъ являлъ,
Что умершвилъ ее руки ея кинжалъ.

ФЕДИМА.

Давно должна ей быть сія была награда.
 О боги! мстители любезнаго вамъ града,
 Вы прямо знаете, достойно ли шой жись,
 Которая ево пеклася разорить,
 Чье сердце ни къ кому любви не имѣло!
 Оставилъ смраднѣй духъ ея прекрасно шѣло.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЪ и ГИКАРНЪ.

ФЕДИМА.

Не ложнаяль молва разносится шеперь?
 Скончалась ли Княжна?

ГИКАРНЪ.

Скончалась Царска дщерь.
 Твоя побѣда; мой кинжалъ въ нее вонзился,
 А я съ безчестіемъ на вѣкъ соединился.

МАЛЬМИРА.

Что честь въ тебѣ была, ты нынѣ то явилъ,

ФЕДИМА.

Скажи мнѣ, какъ сіе Гикарнъ ты учинилъ.

МАЛЬМИРА.

Я мнила, что ты дѣлѣ сихъ спачешъ устыжашься;
 А ты гоповишешъ днешъ ими улаждашъся.

Препатубный былъ день, который произвелъ,
Для шаковыхъ тебя на свѣтѣ безстыдныхъ дѣлѣ.

ФЕДИМА.

Не проклинай ты дня, въ который я родилась,
Клени часы, когда она въ Царя влюбилась.
Когда бы не было невѣрности сей;
Она бѣ была жива, я бѣ другѣ была ея.
Скажи.

ГИКАРНЪ.

Я варварство свое теперь открою;
И естли приведетъ оно тебя къ покою,
Такъ безпокойствіе хопя о мнѣ имѣй,
И зря мя въ срамотѣ о винномъ сожалѣй.
Внемли: когда я вшелъ въ Царевнины черпоги,
Мой духъ воспрепелалъ, и задрожали ноги.
Она была одна. Величество, краса,
Не ожидаючи послѣдняго часа,
Въ смиреніи ея передомной сіяли,
И мнѣ ея, увы! богиней предспавляли.
Ково то не смяшетъ, ково то не смягчитъ,
Доколь кто совѣспи со всѣмъ не погубитъ!
Я устремившися на смерть ея шобою,
Подвигнулъ жалостью, боролся самъ съ собою;
Но наконецъ сего себя я побѣдилъ,
И очи опшравивъ убійство совершилъ.
Все дѣйствіе сіе не длилось минушы.

МАЛЬМИРА.

Не шаковы змѣи, не шако звѣри люпы,
Каковъ свирѣпѣ - - -

ФЕДИМА.

Молчи, и дай ему вѣщашъ.

ГИКАРНЪ.

Оставивъ вѣ ней кинжалъ, пошелъ опшоль сказаѣ
 Занидѣ смерть ея, и не нашелъ дороги:
 Меркѣ свѣшѣ вѣ глазахъ моихъ! О праведныя боги!
 Ково громовыми спрѣлами вамъ разить,
 Когда не спанете убійцовъ вы казнить!
 Я былъ окамененъ; но кровь лѣлась ручьями,
 Смѣшалася пошомъ сѣ моими, ахъ! слезами,
 Что были горести непрочныя плоды,
 Занида между пѣмъ тогда вошла шуды.
 Неожидающей бѣды сея Занидѣ,
 Вѣ коль жалостномъ Княжна представилася ей видѣ!
 Вошла, и вѣ храниѣ кровавы шюки зришѣ,
 Царевна предомной поверженна лежишѣ.
 Меня зришѣ плачуца спюящаго надѣ нею:
 Не чаешѣ мершву бышѣ ее рукой моею.
 Вѣ безпамятешѣ своемъ надѣ пѣломъ симѣ падешѣ,
 И вдругѣ опомняся спюая вопиешѣ:
 Дражайшая Княжна! что спалосся сѣ тобою?
 Тебя ли вижу я безѣ чувства предѣ собою?
 Тебя. - - - О небеса! сѣ ли ешѣ ей мзда,
 Что добродѣшельна была она всегда?
 Рвалася и меня рыдая вопрошала:
 Скажи мнѣ, какѣ сѣя Гикарнѣ напашѣ мнѣ спала?
 Ты сѣ нею былѣ, иль шы не живу ужѣ заспалѣ?
 Занидѣ гласомъ я прискорбнымъ опвѣчалѣ,
 Что я ее смерть зрѣлѣ; но чшо ея судьбины,
 Хощя я былѣ и шущѣ, не вѣдаю причины;
 Она, я говорилѣ, лишѣ шю сказала мнѣ,
 Скажи, шюбѣ вѣдали народы вѣ сей спранѣ,
 Чшо я правѣ честности Гикарнѣ не прешупаю,
 И вѣ благополучиѣ геройскомъ умираю.
 И чшо по сихѣ словахъ, какѣ скоро лѣзя взглянушѣ,
 Кинжалѣ свой извлекла и проколола грудь.

Уже ли жалость ты хоть мало признаешь?
Иль человечества еще не ощущаешь?

ФЕДИМА.

Нѣтъ.

МАЛЬМИРА.

Ахъ! почто сей духъ не въ варвара вселенъ!
Не сердце знашь въ тебя, но мраморъ положенъ.

ФЕДИМА.

Длилисься живопа есть невелико дѣло,
Не вѣчно спряжено съ душою наше пѣло.
Родились намъ и жить есть милость божества,
А умереть попомъ есть должность естества.
Она пришла то, къ чему мы все рождены,
А ею дни мои поль спали огорченны;
Что я мнѣ данный вѣкъ, въ копоромъ я цвѣшу,
ужъ не щедрою, но наказаньемъ чшу.

МАЛЬМИРА.

Не отъ боговъ оно, оно побою стало.
Ахъ! лучебъ солнце въ вѣкъ тебя не освѣцало!
Отъ благороднѣйшихъ родилась ты кровей:
Ты знаешь, что твой родъ влечется отъ Царей,
Какъ твой отецъ и дѣдъ опечеству служили,
Какъ прадеды твои на свѣтѣ славны были.
Хоть зрится, что Опанъ свой долгъ и преступилъ,
Онъ славы своея еще не помрачилъ;
Велики прежнія ево услуги миру.
Онъ можетъ быть вручалъ Персидскій скипетръ Киру,
И мя черезъ него народу пользу дать,
Спаялся Кировымъ вѣнцемъ ево вѣнчать;
Но зря, что въ Даріѣ ево не обрѣзаетъ,
Добовью истинны отъдши скипетръ дерзаетъ.

А ты не истинной, но спраспю горя,
Дерзнула вспашь на дочь великаго Царя. - - -

ФЕДИМА.

Кровь славныхъ предковъ мя на дерзость возбудила;
Я честь свою и ихъ убійствомъ симъ опмспила.

Я В Л Е Н І Е III.

Т Ъ Ж Ъ и ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

Я присланъ возвѣспить, что Царь идетъ назадъ,
И входитъ по трудахъ со славою во градъ.
Все спало воинство опять соединенно,
И безпокойствіе побѣдой прекращенно.
Млитъ въ войскѣ, что Опанъ прощенье получитъ,
И что Оркантъ - - -

ФЕДИМА.

Одно мя слово по разитъ.

Опану нашъ народъ прощенье предвѣщаетъ,
А онъ сего себѣ безчестья ожидаетъ!
Къ чему прощенія желашь ему, къ чему?
Подайте небеса иную мысль ему!
Коль вы хопите мнѣ явить какое благо,
Не дайте зрѣшь ево очамъ моимъ живаго!

ГИКАРНЪ.

Скажи порядокъ мнѣ и дѣйство брани сей.

ФЕДИМА.

Какъ слышать мнѣ о томъ! мнѣ мысль пѣжка о ней.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГИКАРНЪ, МАЛЬМИРА и ВОИНЪ.

ГИКАРНЪ.

Скажи.

ВОИНЪ.

Сраженье войскъ плачевно начиналось,

Плачевно зрелось, ужасно продолжалось.

И ешьли бы они такъ шли противъ враговъ,

Достошно бѣ Персовъ звать всехъ чадами боговъ.

Хоть мужество свое они всегда являли,

Въ сей день они его сугубо показали.

Ни кто не предлагалъ чпобъ войски укротить,

И возмущеніе въ началѣ утишить.

Израненныхъ тѣла бездушны упали,

А умирающихъ въ крови кони топтали.

Стѣснилось воинство, и всякой умиралъ,

На мѣстѣ, гдѣ мечемъ рубилъ и поражалъ.

Не видно робости шумъ было ни откуда,

И мертвыхъ въ войскахъ тѣлѣ вездѣ лежали груды.

Но больше не могли на мѣстѣ устояшь

Опановы полки, и спали отступашъ.

Супротивленіи уже имъ спали трудны,

Противны ратники имъ были многолюдны.

Супротивляется какъ левъ спашъ врагамъ,

И храбро Дарія повергъ къ своимъ ногамъ.

Возноситъ острый мечъ; чпобъ тѣло обезглавить,

И имя симъ свое на вѣки обезславить.

Оркантѣ увидя по, спѣшилѣ спасти Царя,
 И вышилѣ мечѣ изѣ рукѣ, Опану говоря:
 Ты хочешѣ взять ево живомѣ, и взять корону,
 Но я хочу опнять едину Армистону:
 Учися у меня, хопя ты мнѣ спецѣ,
 Оставимѣ жизнь ему по праву и вѣнецѣ.
 Онѣ со вниманіемѣ сыновни рѣчи внемлетѣ,
 И справедливыя слова вѣ успахѣ приемлетѣ.
 Покинувѣ Дарія, жарчайшу бранѣ шворятѣ,
 И войски ихѣ опяпѣ недвижимо сподятѣ.
 Но щастіе на нихѣ побѣду обратило,
 И силѣ мужество верхѣ славы успунило.
 Днесь Персовѣ часть идетѣ побѣду восприявѣ,
 Другая плѣбною, оружіе отдавѣ,
 Кѣ смѣшенью радости и плача несказачна,
 Чшо Персія вѣ сей день сама собой попрагна.

ГИКАРНѢ.

Конечно слышенѣ зло сей день ушамѣ моимѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖѢ и ФЕДИМА.

ФЕДИМА.

Не мучь мя вѣспникѣ ты присутствіемѣ своимѣ:
 Поди опсель. Уже Гиспасповѣ сынѣ во градѣ,
 И входитѣ вѣ Царскій домѣ кѣ Федиминой досадѣ.
 (Воинѣ опходитѣ.)
 Спокойся ты Тикарнѣ и сохрани себя,
 Вѣ присутствіи швоемѣ я обличу тебя.
 Пришворство при тебѣ мое имѣ будешѣ явно,
 А ты примешѣ смерть и скончишѣ жизнь безславно.

ГИКАРНЪ.

Я выйду; только ты меня здѣсь ожидай,
И смерти Княжьиной сама не объявляй.
Ты злобу чувствуя не можешь притвориться;
То должно чрезъ меня предъ Даріемъ открыться.

ФЕДИМА.

Приемаю твой совѣтъ. - - - не здѣлай мнѣ бѣды,
Поди, я слышу, Царь уже идетъ сюды.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАРИЙ, ОТАНЪ, ОРКАНТЪ, ФЕДИМА,
МАЛЬМИРА и ВОИНЫ.

ДАРИЙ.

Какими правами вы правду наблюдали?
Противъ опечества, противъ Царя возстали.
Въ нагодѣ, коему поднесъ я былъ отецъ,
Пеклися испребитъ вы вѣрность изъ сердецъ.
Вы оба мнѣ враги, творцы сея превоги:
Преступниковъ карать не запрещаютъ боги.
Вы сами знаете, чево достойны вы,
Вамъ должно казнь и смерть вкусить теперь.

ФЕДИМА.

увы!

ОТАНЪ.

Я скипетръ далъ тебѣ, а ты за эту услугу,
Стѣмляешь безъ стыда Оркантову супругу.

Хоть не свершился супружества чины;
 Ихъ тающи сердца уже сопряжены.
 Я вижу, что тебѣ мучительство пригодно,
 И умереть гощевъ, когда тебѣ угодно.
 Вели различное мученье вымышляешь,
 Рви плѣю; но души не мни поколебать:
 Опанъ не знаетъ свойствъ маляйшія болзни.
 Дай смерть разбойничью: мнѣ мѣсто злыя казни
 Не можетъ мнимаго безчестія принести;
 Бездѣяство, а не казнъ отъземлетъ нашу честь.
 Хранителью ея и тамо славы болѣ,
 Какъ злу мучителю сидящу на престолѣ.
 Но какъ возстанешъ ты на сына моего?
 Защитника ли ебъ немъ засудешъ своево,
 Который отъ руки мсей тебя избавилъ,
 И область и животъ въ полкахъ тебѣ оставилъ?
 Сю ль отъ отъ тебя мзду нынѣ получишь,
 Что мечъ ево главу отъ тѣла отдѣлишь?
 Симъ имя Дарія на вѣки посрамился,
 И градъ сей воина великаго лишится.
 Онъ Персамъ и тебѣ подпорою бы былъ,
 Ты бѣ больше власть свою Орканпомъ утвердилъ.
 Будь мнѣ свирѣпъ; лишъ будь ему щедротенъ нынѣ!
 Оставь меня себѣ слугою въ храбромъ сынѣ!

ОРКАНТЪ.

Не будетъ войско мя передъ собою зрѣшь;
 Я, опче мой, хочу съ побою умереть.

ДАРИЙ.

Хотя на васъ мой гнѣвъ былъ прежде и чрезмѣренъ;
 Не такову вамъ казнъ я учинить намѣренъ.
 Не съ тѣмъ я побѣдилъ, чпобѣ радостный сей часъ,
 По вшествіи во градъ послѣдній былъ для васъ.

Прощаю вамъ вину. Браги мои живите,
Служите вѣрно мнѣ, и Дарія любите.

ОРКАНТЪ.

Коль ты любимымъ бышь желаешь Государь;
Не будь мучителемъ, будь намъ ошецъ и Царь.

ДАРИЙ.

Подъ областью моею ликуйте въ сей надеждѣ.

ОРКАНТЪ.

А я поль щастливъ бышь могуль, какъ былъ я прежде?

ДАРИЙ.

Я горести швоей содѣлаю конецъ,
И перьвый покажу симъ дѣломъ образецъ;
Какъ спрасити побѣдивъ, намѣренъ я владѣши:
Княжна швоя, а вы мои любезны дѣши.

ОРКАНТЪ.

Ты мнѣ ошецъ - - -

ОТАНЪ.

Ты Царь достойный симъ странамъ:
Не только имъ; ты Царь всѣмъ будешь сердцамъ.

ФЕДИМА.

Мучитель! поздно ужъ свое ты сердце швердо
Къ щедротѣ приклонилъ, и здѣлалъ милосердо.
Оркантъ Царешною не будетъ обладать,
Уже ему своей любезной не видать:
А ештли хочешь зрѣшь; увидишь пораженну,
Любви, и красоты и чувствъ своихъ лишенну. - -

ОРКАНТЪ.

Увы! - - - о небеса! о мой смущенный духъ!
 Кипо можетъ таковой смертъшь, о боги! слухъ?
 Несносный мнѣ ударъ! о гибная судьбина!

ОТАНЪ.

Что было люшья напасти сей причина?

ФЕДИМА.

Гикариѣ, Отановѣ другѣ, красу ея зашмялѣ:
 Я повелѣла, онѣ кинжалѣ въ нее вонзилѣ.

ОРКАНТЪ.

О злополучный день!

ДАРІЙ.

А ты жива осталась!

Достойно отъ тебя мысль Царска операшалась.
 Приличноль боги ей на тронѣ было бышь!
 Не только царшвоваль; ты недостойна жить.

ФЕДИМА.

Коглабѣ я такова злодѣя не любила;
 Я бѣ человечество по самый гробѣ хранила.
 Свирѣпства моего производитель ты,
 Поди и зри теперь на льспяци красотѣ.

ДАРІЙ.

Свирѣпная душа!

ОТАНЪ.

Ты кровь шу посрамила,
 Отъ коей бышье свое ты получила.

ОРКАНТЪ.

Такъ, нѣтъ уже тебя, дражайшая Княжна!

ОТАНЪ.

Ты умертвивъ ея, сама умереть должна!

ФЕДИМА.

Умру, вы узрите шеперь сію забаву:

Ялѣ будетъ дѣйствовать, я выпила отраву.

Въ сей часѣ я сижду въ адѣ, довольна шѣмъ однимъ,

Что врагъ мой предваритъ пуши спонамъ моимъ.

ДАРИЙ.

Но не должна ли ты предъ нами быть безсловна;

Когда передъ тобой Царевна невиновна?

Она принуждена была невѣрной бытъ - - -

ФЕДИМА.

Она винна, когда могла тебя прельститъ.

ДАРИЙ.

Хоть мало, только ты себѣ ужъ заплатила.

Но чья ее рука тирански поразила,

Тотъ не Опановъ сынъ, и будетъ сщущать,

Какъ долженствуюшъ здѣсь злодѣи умирать.

ФЕДИМА.

Я къ мертвымъ отхожу, живыхъ позабываю;

А муки я своей чувствительной не знаю.

ОРКАНТЪ.

Нѣтъ, ты не чувствуешь мученія сего,

Въ какое вверженъ я отъ звѣрства своего.

Жестокая тоска! часы! часы прелютны!
 Неизреченна скорбь! плачевнѣйши минушы!
 Я съ Арпистоною на вѣки разлученъ!
 О небо! для чего Оркантъ на свѣшѣ рожденъ?
 Ушѣха прежняя, ушѣха повседневно,
 Уже скончалась ты, любезная Царевна!
 Скончалась! - - - О злой день! а я еще живу!
 И ужъ, елину шѣнь любовницей зову!
 Когда умерщвлена Княжна моя побою;
 Поверни и меня ты мертва предъ собою;
 Возми опъ глазъ моихъ прошивныя лучи,
 И руки ты въ крови и брашней омочи.

Я В Л Е Н І Е VII.

ТѢЖЪ и ГИКАРНЪ.

ДАРИЙ.

Проклятая душа! что днесъ ты сотворила?

ФЕДИМА.

Ужъ таинство свое я Дарию открыла.
 Умремъ безъ робости, я волей ядѣ пила - - -

ГИКАРНЪ.

И умираешъ такъ, какъ въ свѣшѣ ты жила.

ДАРИЙ.

Тебѣ гопова смерть спокрашно сей тяжелѣ.

ГИКАРНЪ.

Еще по сей я часъ не обвиненъ въ семъ дѣлѣ.

ДАРИЙ.

Разбойникъ! но не пылъ Царевну умертвилъ?

ГИКАРНЪ.

Она жива, ее я здраву сохранилъ.

ОРКАНТЪ.

Жива! - - - я не могу сей радости повѣрить!

Жива! - - - къ чему Гикарнъ такъ поздно лицемѣрить!

ДАРИЙ.

Сугубь свои слова, коль правду говоришь;
Ты въ немъ передъ собой ея супруга зришь.

ГИКАРНЪ.

Хотя своя сестра ея желала крови,
Княжна своя жива, полна къ тебѣ любви.

ОРКАНТЪ.

Благополучный день! о щедро божество! - - -

ФЕДИМА.

Разрушена дчесь мое скогяе естество!
Я въ лютой ярости Княжнѣ не отомстила;
Лишь бышше свое на вѣки посрамила.

ДАРИЙ къ одному изъ воиновъ.

Поди и позови Царевну пы ко мнѣ.

ГИКАРНЪ.

Драгая Персія! Будь долго въ тишинѣ;
О небо! удали вражду отъ государства,
И дай спокойствіе онцу и чадамъ царства!

ФЕДИМА.

Мучительно сіе природѣ бремя несть,
 Какъ съ живоломѣ отъ насъ отходитѣ наша честь.
 Почто я бѣдная на свѣтѣ пребывала!
 Сіе ли получишь я прежде уповала?
 О горестная мысль! престань меня терзать!
 Уже не долго, ахъ! мнѣ воздухъ осквернять.

ГИКАРНЪ.

Когда ты погубишь Княжну сію грозила,
 Спрашася, чтобъ ты ее сама не поразила,
 Я взялъ то на себя и лгашъ былъ принужденъ,
 Что дужъ ея уже отъ шѣла оплученъ.
 Я сохранилъ ее, и далъ ей знанъ подробно,
 Намѣренъе швое, и повелѣнъе злобно.

ФЕДИМА.

О боги! Царь! народъ! родитель мой! мой братъ!
 Приходитъ мой конецъ, спалъ дѣйствовать ядъ:
 Оставьте мнѣ вину! - - - разверстѣ мракъ вѣчной ночи,
 Мразъ въ кровь мою вступилъ, перяютъ свѣтлость очи.
 Забудь Царевна грѣхъ мой шяжкій предъ побой! - - -
 Туманъ покрылъ меня, и гибнетъ разумъ мой.
 Я вижу всѣхъ во мглѣ, и спрашны мнѣ чершюги.
 Препроводите мя, доколь мя держашъ ноги,
 Не дайте предъ собой въ безчиніи упасть. - - -

ОРКАНТЪ.

Къ чему ты привела ея любовна спрасть!

ДАРИЙ Отану.

Препроводи ея.

ОТАНЪ.

Что здѣлала съ собою,
Свирѣпствомъ пы своимъ!
(Отанъ, Федима и Мальмира отходящъ.)

ОРКАНТЪ.

Часъ радости покою!
И пы изъ моего, ахъ! сердца спонъ извлекъ:
Ты давъ любезну мнѣ, кончаешъ сестринъ вѣкъ!

ДАРИЙ.

Коль къ ней моя душа любви не ощущала,
О небо! для чего она о мнѣ вздыхала!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢЖЪ, АРТИСТОНА и посланный къ ней
ВОИНЪ.

ОРКАНТЪ.

Любезная Княжна! тебя ли очи зрятъ!
Но что за скорбь еще являетъ мнѣ швой взглядъ?

АРТИСТОНА.

Въ срединѣ радостей и щасья утверждена,
Съ веселіемъ моимъ днесъ жалость сопряжена;
Сестра швоя была мнѣ много лѣшъ дружна.

ДАРИЙ.

Та дружба наконецъ была ей ненужна.

АРТИСТОНА.

Послѣднія ея дѣла я забываю,
И шолько прежніа одни воспоминаю.

ДАРИЙ.

Когда забыла ты жестокости ее;
Забудь теперь Княжна пиранство и мое!

АРТИСТОНА.

Ево уже твоя щедрота испробила:
Ты нынѣ мнѣ опецъ, я злость твою забыла.

ДАРИЙ.

А я къ тебѣ любовь днесъ въ дружбу премѣню,
И дружество сіе до гроба сохранию.
Во утвержденіе спокойства, ты, народу
Возставшу на меня, скажи Гикариѣ свободу,
Тебя, любезный другъ, твой Царь благодаритъ,
И честность о тебѣ по граду возмалитъ:
Будь праведенъ всегда. А вы въ любви шайте,
И первыми себя подъ Дариємъ считайте.

ОРКАНТЪ.

Ты спраси покоривъ, весь умъ мой покорила.

АРТИСТОНА.

Каковъ ты сталъ теперь, таковъ опецъ мой былъ.
Владѣй съ щедротою Персидскими спранами,
И царствуй много лѣтъ ты щастливо надъ нами.

Конецъ трагедіи.

С Е М И Р А ,
Т Р А Г Е Д І Я .

*Представлена въ первый разъ въ Санктпетер-
бургѣ на Императорскомъ театрѣ
въ исходѣ 1751 года.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ОЛЕГЪ, Правитель Россійскаго престола.

ОСКОЛЬДЪ, Князь Кіевскій.

СЕМИРА, Сестра ево, любовница Ростиславова.

РОСТИСЛАВЪ, Сынъ Олеговъ.

ВОЗВЕДЪ, Сродникъ Оскольдовъ.

ВИТОЗАРЪ, Наперстникъ Олеговъ.

ИЗБРАНА, Наперстница Семиры.

ВѢСТНИКЪ.

ВОИНЫ.

Дѣйствіе въ Кіевѣ, въ Княжескомъ домѣ.

СЕМИРА ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕМИРА и ИЗБРАНА.

СЕМИРА.

Что къ горести меня любовь воспламеняла,
Я часто по тебѣ Избрана предвѣщала.
Збылось ли то теперь? рокъ муки тѣ принесѣ.
Гдѣ помощи искать! - - - правители небесѣ,
Вѣ шокѣ и вѣ жалости мой духъ изнемогаетѣ,
И сердце томное крушится и страдаетѣ!
Сѣ предальной высоты взрите къ сей странѣ,
И унывающей подайте крѣпость мнѣ!
Избрана, я хочу любовника оставить,
И одолѣвѣ себя, на вѣкъ себя прославить.

ИЗБРАНА.

Но будешѣ ли имѣть поliko много силѣ?

СЕМИРА.

Хотя возлюбленный мнѣ больше жизни милѣ;

Часть III.

Р

Но помню то, что имъ опецъ мой свѣрженъ съ прона,
 И наша опдана имъ Игорю корона.
 Когда Оскольдъ мой братъ надежды не имѣлъ,
 Вселенной показать своихъ геройскихъ дѣлъ,
 Я сердца своего тогда не побѣждала:
 А нынѣ часть моя со всѣмъ премѣнна спала.
 Олегъ невольниковъ опъ узъ освободилъ;
 И щедро изъ темницъ невольныхъ испустилъ;
 Чтосѣ нашимъ подданнымъ отдавъ имъ ихъ свободу,
 Явиль себя опцемъ плѣнному народу,
 И покоровъ сердца искаши новыхъ спранъ.
 Но брату моему на то ль духъ гордый данъ,
 Чтосѣ онъ былъ рабъ, и чтосѣ онъ пребылъ во неволѣ,
 И видѣлъ Игоря на Кіевомъ престолѣ?
 На то ли Кій сей градъ спѣнами окружилъ;
 Чтосѣ сродникъ въ немъ ево рабомъ Олегу былъ?

ИЗБРАНА.

Князь, младъ, опцу врученный Ростислава;
 Олегомъ правится, и войско и держава.
 Онъ сродникъ Руриковъ имъ къ чести сей взведенъ,
 И Игорь опъ опца Олегу порученъ:
 Опцемъ ево зовешъ, ево уставы внемлетъ,
 Скольда сыномъ же правитель здѣсь приемлетъ:
 Скольдъ не въ бѣдности въ почтеніи живетъ,
 Твоя подобно жизнь во славѣ здѣсь плавешъ. - - -

СЕМИРА.

Во славѣ! - - - въ горестяхъ.

ИЗБРАНА.

Олеговъ сынъ вздыхаетъ - - -

СЕМИРА.

Сіе мнѣ пущее мученье приключаетъ.

ИЗБРАНА.

Коль вы оставише намѣренье свое;
 Во щастіе перейдетъ нещастіе пвое:
 Противу Игоря ослабла ваша сила,
 И васъ ему судьба на вѣки покорила.

СЕМИРА.

Когда освобожденъ подвластный намъ народъ;
 Довольно силъ у насъ: уже мы претій годъ
 Бесплодными въ сердцахъ досады оставляемъ,
 И къ рабству суетно такъ долго привыкаемъ.

ИЗБРАНА.

Не къ рабству вспалена пвоя Семира кровь. - - -

СЕМИРА.

Оскольда не взведетъ на пронъ сія любовь.
 Опецъ нашъ жизнь свою скончалъ не на престолѣ,
 Диръ младшій братъ ево погибъ на ратномъ полѣ,
 Онъ прона опчужденъ, Семира всякій часъ
 Возноситъ къ небесамъ прежалобный свой гласъ:
 Вопъ обстоятельства, въ которыя мы впади.
 И лзя ль, чшобъ съ братомъ мы спокойныя пребывали?

ИЗБРАНА.

Но что онъ съ воинствомъ столь малымъ учинитъ?

СЕМИРА.

О нашемъ воинствѣ Олегъ не тако мнитъ.
 Почто онъ Игоря опсель предъ сими днями
 Отправилъ на Ильмень и не оставилъ съ нами?
 Сея щедроты онъ при немъ не совершилъ,
 И узы безъ нево плѣннымъ разрѣшилъ.

ИЗБРАНА.

Олегъ какъ дочь свою Семиру почитаетъ.

СЕМИРА.

Онъ прямо гордости моей еще не знаетъ,
Иль мнитъ когда мнѣ спалъ любезенъ Ростиславъ,
Что спрасью умягченъ во мнѣ геройскій нравъ:
Обманывается: хоть плѣнна я и сира,
Хоть я любовница; но по же все Семира.
Когда бы спрась могла мой нравъ перемѣнить;
Безчестно было бы герою мя любить.

ИЗБРАНА.

Какія жъ опъ любви плоды имѣши чаешъ?

СЕМИРА.

На что ты больше мнѣ о томъ напоминаешъ;
Иль малодушіемъ ты мнишь меня прельщать?
О спраси ли уже любовной намъ вѣщать?

ЯВЛЕНІЕ II.

ОСКОЛЬДЪ, СЕМИРА, ИЗБРАНА, ВОЗВЕДЪ
и ВОИНЫ.

ОСКОЛЬДЪ.

Наспалъ намъ день искать иль смерти, иль свободы;
Умремъ, иль побѣдимъ, о храбрыя народы!
Надежда есть, когда остался въ насъ живощъ,
Безсильнымъ мужество даетъ побѣды плодъ.

Не страшно все тому, кто смерти не боится?
 Пускай хопя на насъ природа ополчится;
 Чшо можетъ больше намъ несчастье приключить,
 Какъ только въ храбрости насъ съ жизнью разлучить?
 О градъ родительскій, опечество драгое:
 Гдѣ взросъ я въ пышности, въ веселии, въ покоѣ!
 Могу ли я забыть, что я въ тебѣ рожденъ,
 И что отъ пвоего престола отчужденъ!
 О вѣрныя раби отвѣржемъ плѣна бремя!
 Настало по судьбой назначенное время,
 Въ которо должны мы вселенной показатъ,
 Чшо намъ не сродственно подъ игомъ пребывать.
 Коль наши храбростью оковы разорвущя;
 Какія радости по граду раздадущя!
 А ежели судьба намъ смерть опредѣлитъ;
 Паденіе сіе дѣлъ нашихъ не затмитъ.
 Пусть поперяніе свободы невозвратно,
 Мнѣ въ долгъ опечества и смерть вкуситъ приятно.
 Кончина такова съ побѣдою равна,
 И ею наша жизнь пребудетъ въ вѣкъ славна.
 Намъряся свой долгъ исполнить непреступно,
 Спасемъ опечество или погибнемъ купно.

ВОИНЫ.

На пощадимъ себя, куда велишъ пойдемъ,
 И за опечество всю кровь свою прольемъ.
 Хопя бы звѣзды всѣ на насъ ожесточали,
 И небеса бѣ на насъ громъ, молнію бросали;
 Не устрашимся мы, воюя, ни чево;
 Погибель всякая легка любя пово,
 Кто нынѣ къ праведной насъ брани посылаетъ,
 И съ нами въ должности умреша самъ желаетъ.

ДРУГОЙ ВОИНЪ.

Пойдемъ о государь! пойдёмъ прошивъ враговъ!
 Подай по свѣшу знашь, что сягосни оковъ,

Въ темницахъ какъ они насъ вѣдно ни пугчили,
Опважности въ сердцахъ ни мало не смягчили.

ОСКОЛЬДЪ.

На то судьбина вамъ свободу отдала:
Намъ сей назначенъ день свои явишь дѣла.
Вблизи града множество въ хранилищахъ подземныхъ,
Лежитъ оружія по днесъ въ дубровахъ темныхъ.
Вы знаете мѣста, гдѣ то сохранено:
Изъ града исходите вамъ всѣмъ позволено:
Не вооруженныхъ васъ гражданя не боится,
И къ подозрѣнью ихъ мысли не стремятся:
Тулянемъ выходъ вашъ опселя они почнутъ,
Сокрытыхъ во лѣсахъ не скоро васъ найдутъ.
Гдѣ бышь собранію, Возведъ вамъ то покажетъ,
А какъ вамъ дѣйствовать, то самъ Оскольдъ вамъ
скажетъ;
Не долго будете меня вы тамо ждаты.
О други, время намъ оружіе подыять!

ПЕРВОЙ ВОИНЪ.

Все войско, государь, къ оружію готово,
И полетимъ на смерть лишъ выговорить слово.

СЕМИРА.

Природа! для чего я дѣвой рождена?
Я щещно къ бодрости теперь возбуждена:
Хоть съ вами въ равныя вдаюся я напасти;
Не буду въ храбрости имѣти съ вами часни.

ОСКОЛЬДЪ.

Неповѣдному страсть спѣснелъ ты въ себѣ;
Довольно мужества, сестра моя въ тебѣ.

СЕМИРА.

Довольно для меня: но для народа мало:

ОСКОЛЬДЪ.

Для общества, оно пвой духъ восколебало! - -

(Возведу.).

Поди угоповляй мнѣ воинство въ лѣсахъ,
И возвратись по шомъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ОСКОЛЬДЪ, СЕМИРА и ИЗБРАНА.

ОСКОЛЬДЪ.

Княжна! на сихъ часахъ

Во градѣ скоро все со всѣмъ перемѣнился:

Иль паки нашъ народъ въ темницы возвратился,

Иль Игоревъ престолъ съ величствомъ падетъ,

И градъ подъявъ главу высоко вознесетъ.

Мнѣ много вѣрности раби мои являютъ,

Съ безмѣрнымъ жаромъ мой престолъ восстанавлиютъ.

Но пы усердія мнѣ кажешъ больше всѣхъ;

Мнѣ жертвуя своихъ лишаешся утѣхъ:

Ты благо обцее любви предпочипая,

Владычица спростей себя одолѣвая.

СЕМИРА.

Отъ знашной крови я на свѣтъ изведена;

Должна ль я тако быть спростыми побѣждена;

Чтобъ дѣлали они премѣны шѣ въ Семирѣ,
 Какія свойственны другимъ дѣвицамъ въ мирѣ.
 Гдѣ жизни хвалныя примѣры находишь;
 Коль въ княжескихъ сердцахъ пороки будутъ жить?
 Иль преимущество имѣемъ предъ другими,
 Одними пиплами лишъ только мы своими?
 Хоть кровь моя горитъ; но бодрствуетъ мой умъ,
 И проливается оправъ нѣжныхъ думъ.
 Безсилъствуешь любовь: ей сердце покоренно;
 Но силъ лишилося своихъ не совершенно:
 И столько я еще во ономъ силъ брегу,
 Что я пропившисья любви легко могу.

ОСКОЛЬДЪ.

Сія твоя любовь Оскольду преполезна.
 Коль Ростиславу ты угодна и любезна;
 Любовникъ безъ меня Семиру сохранитъ:
 Подъ спражей сей тебя ни что не поврѣдитъ.
 Съ собой тебя отсель мнѣ взять не осторожно,
 Любезныя сестры мнѣ тамъ хранишь не можно,
 Гдѣ шумъ оружія подвигнетъ воздухъ весь,
 Куда спремится рокъ въ своемъ суровствѣ днесь:
 Въ свирѣпствѣ воинѣ гдѣ не знаетъ женска пола,
 Ни рода знашнаго, ни самаго престола:
 Гдѣ алчущая смерть, когда она разитъ,
 Невинныхъ иногда младенцевъ не щадитъ.
 Коль буду щаспливъ я; увидишия со мною,
 Когда въ полхѣхъ паду: ты братнею виною
 Къ себѣ любовничьихъ покорствъ не испребишь,
 Олега другомъ зрѣшь ты булешъ такъ какъ зришь.
 Не служишь ни къ чему твоя гибель нынѣ;
 Отважности твоя не надобны судьбинѣ.

СЕМИРА.

Благополучна бѣ я на свѣтѣ семъ была;
 Когда бѣ тебѣ собой я помощь дать могла.

Но что! послѣдую тебѣ хоть я и дѣва:
Увидишь ты меня среди воинска гнѣва,
Не почитаему ни опѣ кого женой,
Текущую съ мечемъ по всюду за побой.

ОСКОЛЬДЪ.

Присутствіемъ твоимъ тамъ духъ бы мой перзался;
Мнѣ малый бы упоръ погибелью казался:
Остановилла бѣ ты во всѣхъ пущахъ меня;
Я бѣ тамо твоей животъ и здравіе храня,
Позабывалъ себя и долгъ воинска дѣла;
Тебя бѣ едину мысль моя въ себѣ имѣла.

СЕМИРА.

Останусь и тебя не возмущу ни чѣмъ.
Не здѣлаю препятствѣ въ сраженіи твоемъ.
Но сколько безъ тебя подамъ я спраху дани!
Съ немногимъ воинствомъ отходишь ты ко брани.
А ежели тебя судьбина и спасетъ,
И славно на престолъ родительскій внесетъ,
Я буду можетъ быть еще спѣнать всѣчасно;
И о любовникѣ вспомниши ужасно.

ОСКОЛЬДЪ.

Пршли уже часы веселья твоего.

СЕМИРА.

О томъ не думаю я больше ни чего;
Оставши ево намѣрилась я твердо;
Но смерти не хочу ему немилосердо.

ОСКОЛЬДЪ.

Не будетъ поврежденъ ни чьею онъ рукой.

СЕМИРА.

А естѣли о тебѣ онѣ въ мысли не шакой?

ОСКОЛЬДЪ.

Ко исполненію Оскольдова желанья,
 Колю смерть меня сразишь не испускай стѣнанья:
 Не много плачь о мнѣ, не много сожалѣй,
 Великодушіе ты тоже возымѣй,
 Съ кошарымъ очи я во брани падъ закрою,
 И стѣни моя не востревожь поскою.

СЕМИРА.

Воображеніе того мяшенъ мой духъ,
 Единая рѣчь о томъ, какъ громъ пронзаетъ слухъ.
 На что родители Семиру воспитали;
 Колю жизни моя дни адской мукой спали!

ОСКОЛЬДЪ.

Любовникъ твой идетъ: сирѣбися передъ нимъ.

СЕМИРА.

Претягостенъ уже онъ спалъ очамъ моимъ:
 Я скроюсь отъ него.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ОСКОЛЬДЪ и РОСТИСЛАВЪ.

РОСТИСЛАВЪ.

Поступокъ мнѣ сей дивенъ.

За что сестрѣ твоей толково я прошивенъ?

Повсюду отъ моихъ скрывается очей:
 Скажи любезный другъ, чѣмъ виненъ я предъ ней.
 Какъ я, Олегъ тебя своимъ имѣетъ другомъ,
 И позволяетъ мнѣ Семирѣ быть супругомъ:
 Въ темницахъ плѣнникамъ онъ узы разрѣшилъ,
 Народу скованну свободу возвратилъ;
 Я все употребилъ вамъ здѣлать облегченье
 И за сіе ли я ввергаюся въ мученье?

ОСКОЛЬДЪ.

Что ея ты любимъ, свидѣтель я пому.

РОСТИСЛАВЪ.

Любимъ! - - - возможно ли покоишься уму.
 Когда мой нынѣ взоръ иное мнѣ являетъ!
 Я вижу, что меня Семира оставляетъ!

ОСКОЛЬДЪ.

Узря своихъ гражданъ смущается она:
 Представился сей день, когда сія спрана,
 И пышный городъ сей, впадали въ ваши руки;
 Возобновилися ея тогдашніи муки.
 Вообрази себѣ, коль горько было намъ,
 Покорствовать такимъ сердитымъ временамъ.
 Разбито воинство отъ тучи стрѣлъ бѣжало,
 И множество людей въ Днѣпрѣ живомъ кончало:
 Родитель побѣжденъ, пронъ гордый покидалъ,
 Израненъ, по лѣсамъ убѣжища искалъ.
 Горяще зданіе всю сферу освѣщало,
 И въ пламени свою кончину возвѣщало.
 Соспановлялися отъ дыма облака,
 По улицамъ стекла кровавая рѣка.
 Я брань пѣворилъ еще доколь держали ноги,
 И изъязвленъ въ кровинесенъ въ свои чертоги,

Я тамо зрѣлъ тебѣ возѣмлющаго грудь,
 Творящаго себѣ изъ тѣлѣ сраженныхъ пущь,
 Семиру видѣлъ я передъ побой спѣнящу,
 И падшую къ ногамъ своимъ тебѣ молящу,
 Чтобъ плѣннымъ твоей опецъ пощаду даровалъ,
 И за гражданъ ея животъ несчастный взялъ.
 О преужасный день! о рокъ ожесточенный!
 Семира какъ то снесъ твой духъ преогорченный!
 О коль ты щастливъ Диръ, что ты сходя во гробъ,
 Не видѣлъ времени намъ самыхъ люпыхъ злобъ!
 Въ тотъ день, какъ ты погибъ, былъ городъ сей въ
 надеждѣ!
 Паденья нашего, не видно было прежде.

РОСТИСЛАВЪ.

Конечно горестны вамъ были тѣ часы;
 Но рокъ того хотѣлъ. - - - Теперь твои красы
 Велятъ Семира мнѣ побѣды той гнушаться,
 Которой я хотѣлъ на свѣтѣ возвышаться,
 Не я владѣю здѣсь: а естли бѣ я владѣлъ;
 Оскольдъ бы въ епотъ часъ на пронъ опцовъ возшелъ.

ОСКОЛЬДЪ.

Когда герои власть оружіемъ теряютъ;
 Оружіемъ себѣ ту власть и возвращаютъ.
 Покорствомъ получишь я скиппра не хошу,
 И милоспи себѣ въ себѣ одномъ ищу.

РОСТИСЛАВЪ.

Въ сумнѣніе меня слова твои приводятъ.

ОСКОЛЬДЪ.

Отъ горести они изъ устъ моихъ исходятъ.

РОСТИСЛАВЪ.

Пустымъ сумнѣніемъ не раздражайся ты,
 Оно прошло какъ всѣ проходятъ суены.
 Когда нѣтъ способовъ исполниши желанье,
 Разсудка слабого есть дѣйство упованье,
 Твой разумъ не таковъ.

ОСКОЛЬДЪ.

Въ чемъ способовъ не знаешь,
 И въ чемъ надежды нѣтъ, то шцещно предпринять.

РОСТИСЛАВЪ.

Ахъ! шцещно можетъ быть и я въ любви згаю,
 И на сестру твою безъ пользы я взираю!
 Скажи мою поску, мой другъ сестрѣ твоей,
 Скажи мою болѣзнь, и все смяшенье ей.
 Какъ спражду я пеперь, Семира не спрадала,
 И въ тѣ дни, въ кои смерть народы подала.

ОСКОЛЬДЪ.

Не съшуй будучи любимъ какъ прежде былъ.

РОСТИСЛАВЪ.

Прошли минушы тѣ; я больше ей не милъ.
 Попщися мнѣ помочь, колико можетъ братство,
 И возврапи, мой другъ, ея ко мнѣ приятство.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОЛЕГЪ и СЕМИРА.

ОЛЕГЪ.

Усугубляючи дѣвичью красоту,
Я всѣ достоинства твои Семира ччу.
Коль Ростиславова любовь съ твоею сходна;
Я радуюсь тому, что ты ему угодна.
Когда жѣ сей нѣжный жаръ успѣхи возымѣлъ,
Ко увѣнчанію своихъ любовныхъ дѣлъ;
Предстаньте предъ боговъ, и брачными цѣпями,
Свяжице жизнь свою на вѣкъ предолгтарями.

СЕМИРА.

Предстану, ежели угодно по судьбѣ.

ОЛЕГЪ.

Но что веселости не вижу я въ тебѣ?
Премѣну чудную я нынѣ обрѣщаю:
Вздыхаешь слышачи слова сіи?

СЕМИРА.

Вздыхаю.

Я къ сыну твоему любовію горю;
Но множеству пренявшихъ своимъ утѣхамъ зрю.

Моя неволя симъ супружествомъ минется,
А братъ мой на всегда въ неволѣ оспается.

ОЛЕГЪ.

Въ неволѣ какову имѣетъ нынѣ онъ,
Не доспаетъ ему единый шольно шронъ.

СЕМИРА.

Для гордыя души, коль скипетра лишитъся,
Ужъ не останетъся чѣмъ больше веселиться.
Онъ чаялъ по опцѣ корону получить.

ОЛЕГЪ.

Ея уже ему ни чѣмъ не возвратить.

СЕМИРА.

А мнѣ о немъ крушась въ вздыханіяхъ безсметныхъ,
Удобно ли предстать предъ олшари безсмертныхъ,
И вмѣсто жалобы имъ сердце принести,
Чтобъ узами ево священными сплести,
Съ шѣмъ сердцемъ, коимъ намъ всѣ бѣдствія напали,
Копорымъ въ градъ вошли народныя печали?
Удобно ль тамо мнѣ къ веселію предстать,
Гдѣ горькій долгъ великъ мнѣ слезы проливать,
И уполая гнѣвъъ шворцовъ судебъ нещаснымъ;
Просить конца бѣдамъ со спономъ повсечаснымъ!

ОЛЕГЪ.

Тому, кто чшитъ тебя и держитъ такъ какъ дщеря,
Ты тако дерзкая опвѣштывуешь теперь?
Обманушъ ты мой сынъ къ Семирѣ жаръ имѣя!
А вижу швое передъ собой злодѣя!

СЕМИРА.

Ахъ! еслѣлибъ я ему злодѣйкой бытъ могла;
 Коликѣ бы Олегъ я щасплива была!
 Онъ скоро бы узналъ своей премѣну части:
 Я бѣ сыну своему шворцу намъ злой напасти,
 Давно книжаломъ грудь - - -

ЯВЛЕНІЕ II.

ОЛЕГЪ, СЕМИРА и РОСТИСЛАВЪ.

(Ростиславъ всходитъ на театръ,
 когда Семира послѣднія полшара
 стиха говорила спала.)

РОСТИСЛАВЪ.

Забывъ мою любовь,

Воспомяй вражду, и лей проливну кровь,
 Коль непріятели въ числѣ меня считаешъ,
 И побѣдителя въ пирана претворяешъ,
 Уподробляй проливъ меня направу мѣсь!
 Лепи изъ мысли вонъ надежды злая лещь!
 На что надежда ты мой разумъ услаждала!
 На что ты спрасть мою всѣдневно умножала!
 Нашла опмщеніе Семира ты, наша;
 Ты въ мысли вкралася, и въ грудь мою вошла:
 Рви сердце, ушѣнной спрадающій духъ въ шѣлѣ:
 И естѣли думаешъ, что смерть сего шяжелъ;
 Губи и умерщвляй, коль я тебѣ не милъ!
 Какимъ ударомъ рокъ нещаснаго сразилъ!
 Твои ль глаза меня жестокая искали?
 Твои ли въ вѣрности мя рѣчи увѣряли?
 Прошелъ сей сонъ, и все то былъ одинъ обманъ!
 Кто больше небеса, она иль я пиранъ?

КѢ сраженію ихѢ войскѢ я былѢ подвигнутѢ чesпью:
А опѢ неж ераженѢ презришельной я лesпью.

СЕМИРА.

Не таково ко мнѢ почщеніе имѢй,
И добродѣтели не спрогай ты моей:
Не щещно зрѣніе швое тебя прельщало;
ВѣщалѢ языкѢ мой то, что сердце ощущало.

РОСТИСЛАВЪ.

ГдѢ жѢ дѣлaсь та любовь?

СЕМИРА.

Поднесь во мнѢ она;
Да ты не лѣспись, чтообѢ я была швоя жена.
Я знаю, что о ней я твердо увѣрjала;
Но опмѣняю ль шю, что прежде я вѣщала?
ЛюбовницѢ своей ты вѣчно будешѢ милѢ;
Но жарѢ нашѢ суешно желанье согласилѢ.
Не буду, РостиславѢ, супругой я швоею;
Однако никогда не буду и ни чьею:
Ни чьей не буду я, и быши не могу:
А что тебя люблю, ты знаешѢ, я не лгу.
ТебѢ мой нравѢ знакомѢ, пришворешва я гнушаюшѢ,
И вѢ лести никогда ни сѢ кѢмѢ не упражняюшѢ.
ЛюбишѢ и не любишѢ не вѢ волѢ состоишѢ;
Но вѢ волѢ по моей, что дѣлaшѢ надлежитѢ:
Меня колеблетѢ спрасшѢ, меня любовь терзаетѢ;
Но умѢ мой должнoсти своей не преступаетѢ.
ОпѢ огненной любви вся кровь во мнѢ горитѢ;
Однако вѢ мысляхѢ по премѣны не шворишѢ.
Сей жарѢ мой бѣды спокрапно умножаетѢ,
ОнѢ нынѢ на меня природу воружаетѢ:
Я болѣе себя любовника люблю:
Оставшій мой покой, со вѣмѢ уже гублю:

Къ великодушію я только прибѣгаю,
И гордостью души по все преодолеваю.

РОСТИСЛАВЪ.

Нѣшѣ мѣрѣ княжна, нѣшѣ мѣрѣ мученья моего.

СЕМИРА.

Мое мученіе жесточе швсего.

ОЛЕГЪ.

Когда ты истинну оспраспи обЪявляешѣ;
Произволеніемъ ты собственнымъ страдаешѣ,
Оставь суровое ты мнѣніе свое,
Скончай сугубое спраданіе сіе.
Восприими, княжна, ты мой совѣтъ полезный.

РОСТИСЛАВЪ.

Коль хочешѣ, чипобѣ къ швоимъ ногамъ палѣ швой лю-
безный,
И для забвенья дѣлаѣ, чѣмъ онѣ тебя смущалѣ,
Твои дражайшая онѣ ноги цѣловалѣ;
Я пасти предѣ тобою въ сію гошовѣ минушу - - -

СЕМИРА.

Ни чѣмъ не умягчишѣ свою злодѣйку люшу:
Достойна ли я, князь, покорспва шакова?
Напрасно шрапишѣ ты шоль нѣжныя слова:
Напрасно только духѣ они во мнѣ шревожатѣ,
И множа пламень мой, мои болѣзни множатѣ.

Я В Л Е Н І Е І І І .

О Л Е Г Ъ и Р О С Т И С Л А В Ъ .

Р О С Т И С Л А В Ъ .

ВЪ несчастный день я спалъ побою воспламененъ;
 Отъ красоты твоей весь разумъ мой смятенъ!

О Л Е Г Ъ .

Мой сынъ ты сей красой пораненъ необычно;
 Но малодушнымъ бышь герою не прилично.
 Воспомни мужества великія дѣла,
 Для коихъ въ свѣтѣ тебя природа извела,
 И какъ рука твоя въ народы смерть мѣшала,
 Когда съ твоимъ мѣчемъ здѣсь грозна смерть лѣшала,
 Не для любви рожденъ, рожденъ ты для побѣдъ.

Р О С Т И С Л А В Ъ .

Не для, не для любви; для нестерпимыхъ бѣдъ.
 Что подражаю я тебѣ зрѣлъ свѣтѣ недавно,
 Подъ властію твоей сражался я преславно.
 Не усмыдишься ты, чю я рожденъ тобой,
 Въ день брани зрѣли всѣ, чю ты родилель мой.
 Какой порокъ, когда герой въ любви шаетъ;
 Коль мѣчь въ ево рукѣ весь сѣверъ успрашаетъ?
 Когда бъ герой умѣлъ отъ красоты спаситься;
 Куда бъ надъ смертными онъ могъ превознестиись!
 Ужасно мужество великихъ душъ во брани;
 Но всякой челоуѣкъ дастъ природѣ дани.
 Безсиленъ я противъ Семириныхъ очей:
 Я вижу, государь, чю я угоденъ ей,
 И помню отъ нея пріятельствы полученны,
 Толь радостныя дни не могутъ быть забвенны.

Я бѣдство всякое легко бы могъ стерпѣть;
А сей мнѣ горести не лъзя преодолють.
Немилосердая Семира ты не чаешь;
Что ты жесточе всѣхъ тирановъ мя терзаешь!
А естли вѣдаешь по почно какъ терплю;
О боги, для чево я такъ ее люблю!

Я В Л Е Н І Е IV.

ОЛЕГЪ, РОСТИСЛАВЪ и ВИТОЗАРЪ.

ВИТОЗАРЪ Олегу.

Передъ глаза твои Возведъ предстать желаетъ.

ОЛЕГЪ.

Представъ ево.

ВИТОЗАРЪ, Немного отошедъ.
Войди; Олегъ повелѣваетъ.

Я В Л Е Н І Е V.

ОЛЕГЪ, РОСТИСЛАВЪ, ВИТОЗАРЪ и ВОЗВЕДЪ.

ОЛЕГЪ Возведу.

Что хочешь мнѣ сказать?

ВОЗВЕДЪ.

Народъ на ты встаетъ,
И на тебя въ сей день съ оружіемъ пойдетъ,

Котораго въ лѣсахъ премножество хранилось,
 Днесъ войско на тебя совсѣмъ вооружилось.
 О учрежденіи памѣ собранныхъ полковъ,
 Князь вѣспи ждетъ со мной и въ брань ийши готовъ.
 Я первый къ сей войнѣ со княземъ усремлялся;
 Но послѣ пвоего я гнѣва убоялся,
 И предпріалъ тебѣ усердіе явить.

ОЛЕГЪ Випозару, указывая на
 Возведа.

Въ сей часъ вели сего злодѣя ты казнишь.

ВОЗВЕДЪ.

За такъ великую мою къ тебѣ услугу?

ОЛЕГЪ.

Не будешь вѣренъ мнѣ, коль ты не вѣренъ другу.
 Когда бѣ ты былъ мой рабъ, тогда бѣ сію ты вѣсть
 По должности своей мнѣ долженъ былъ пренести;
 Но князю сродникъ ты и жилъ при немъ въ свободѣ;
 Не ставилъ я тебя невольникомъ въ народѣ.

ВОЗВЕДЪ.

Ставъ виненъ, государь, раскаянне пворю,
 И заблужденіе свое я ясно зрю.

ОЛЕГЪ.

Не заблужденіе свое бездѣльство видишь:
 Ты гнусенъ предомной, коль чести ненавидишь.
 (Випозару.)

Отдай ево на смерть.

ВОЗВЕДЪ.

О прегорчайшій часъ!

ЯВЛЕНИЕ VI.

ОЛЕГЪ и РОСТИСЛАВЪ.

ОЛЕГЪ.

А ты зведи сюда восставшаго на насъ,
И плѣнникомъ предавай.

РОСТИСЛАВЪ.

Твоей прошиваясь власни;
Въ неиходимыя низвергся онъ напастн!

ЯВЛЕНИЕ VII.

ОЛЕГЪ одинъ.

Вотъ воздаянїе за милости къ нему!
Ты самъ причина днесь несчастью своему!
Доколѣ гордый врагъ со всѣмъ не испребится,
Въ странѣ сей Игоговъ престолъ не утвердился.
Неблагодарный князь и дерзновенный рабъ,
Опасенъ граду ты, кодику ты ни слабъ!
Искоренимъ врага - - - искоренимъ вѣщаю,
А въ сердцѣ я своемъ уже ево прощаю!
Когда бы у тебя я тако былъ въ плѣну,
Оставилъ ли бы ты такую мнѣ вину!
Надежда жизнь швол, ты еспѣли покорился:
И смерть швол близка; хоть мало возгордился.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ОЛЕГЪ, РОСТИСЛАВЪ, ОСКОЛЬДЪ
и ВОИНЫ.

ОЛЕГЪ.

Ты плуцешно предпріалъ бышь княземъ сей спрачѣ,
Лишѣ другомъ бывѣ моймъ, спалъ ты злодемъ мнѣ.
Я мыслилъ о тебѣ шакъ склонно, какъ о сынѣ:
И вѣ воздаяніе вражду я вижу нынѣ:
Все милосни забывѣ, копоры ты имѣаѣ,
Ты вспашъ прошивѣ меня хотѣаѣ Оскольдѣ - - -

ОСКОЛЬДЪ.

Хотѣаѣ.

ОЛЕГЪ.

Проси прощенія, пади передомною.

ОСКОЛЬДЪ.

Коль мѣчь мнѣ вѣ грудь вонзишѣ, паду передѣ тобой;
Но прежде никогда.

ОЛЕГЪ.

Днесъ смерть тебѣ грозитѣ.

ОСКОЛЬДЪ.

Величества души она не поразитѣ.

ОЛЕГЪ.

Ты шако дерзостный Олегу опвѣчаешѣ!
Или мученія при смерти ты не чаешѣ?

ОСКОЛЬДЪ.

Простри кѣ мучительству немилосердо власть;
Все легче, нежели передѣ тобой мнѣ пасть.

Что предачу я тебѣ: ликуя въ пышномъ чинѣ,
 Благодарю моею несчастливой судьбинѣ!
 Съ мѣчемъ предѣ войсками я бѣ далъ тебѣ отвѣтъ,
 И раздался бы онѣ во весь пространный свѣтъ.

ОЛЕГЪ,

Ты въ мысли гордый врагъ, свирѣпство мнѣ вселяещъ,
 И щедролюбіе мнѣ въ сердцѣ уполяещъ.
 Еще я время, князь, теперь тебѣ даю,
 На размышленіе спасати жизнь твою.
 Измѣнникомъ своимъ пресупникъ ты обманушъ,
 И плѣнники тебя здѣсь жива не застанушъ;
 Когда прощенія не спашешъ ты просишь,
 И казни лютыя отважишся вкусишь.
 Полки мои на брань въ сей часъ вооружашся,
 Невольники мои въ оковы возвращашся.
 (Ростиславу.)
 Помедли ты съ нимъ здѣсь: я войски учрежу,
 И милость или судъ Оскольду покажу.
 Потомъ пойдѣмъ съ тобой за градъ отселѣ прямо?

ОСКОЛЬДЪ.

О томъ лишѣ я стѣню, что я теперь не тамо!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ОСКОЛЬДЪ, РОСТИСЛАВЪ и ВОИНЫ,

РОСТИСЛАВЪ.

Всею силой щижися ты Олега раздражить,
 И щещно ты, мой другъ, не хочешъ больше жить.

Отѣяшы способы шебѣ сопротивляшьяся,
И долженѣ часпи ты своей повиновашьяся.

ОСКОЛЬДЪ.

Я жизни своей ужѣ больше не брегу,
А пашть ни передѣ кѣмѣ изѣ смертныхѣ не могу.

РОСТИСЛАВЪ.

Суровости такой не пребуешѣ геройство,
Не мужества она, опчаянїя свойство.
Что бѣ здѣлалѣ подлоспѣ ты совѣта не даю;
Умѣренностїю спасай ты жизнь свою.
Олегу, знаешѣ ты, свирѣпство не обычно:
Опвѣшпшуй своему ты щастїю прилично.

ОСКОЛЬДЪ.

Не робость днешѣ меня вѣ опчаянїе ввела,
Но предприпшья похвальныя дѣла,
Копоры мерзкою измѣною опкрылись.

РОСТИСЛАВЪ.

Когда жѣ намѣренья швои не совершились;
Такѣ больше для чего вѣ упрямствѣ пребывать?

ОСКОЛЬДЪ.

Покорствуй, кто рожденѣ рабѣшѣ и унывать.
Не поколеблешя ни чѣмѣ мой духѣ во вѣки;
Неробкїя богамѣ подобны челоѣки.
Хотя ужасною судьбиной я сраженѣ;
Не малодушіе я чувспвовать рожденѣ.
Природа мя на то произвела шоль шверда,
Чшобѣ показатѣ на мнѣ, что чашѣ немилосерда,
Во всемѣ спремленїи свирѣпости пролишѣ,
Великодушїя не можетѣ ушолшѣ.

Довольно ль небеса въ гоненіи жестокомъ,
 Недаспный искушенъ нежалостнымъ я рокомъ!
 Всею лишенъ, что льстить могло на свѣшъ мнѣ;
 Зрю плѣнникомъ себя въ родительской странѣ:
 Все то сношу; на казнь безъ препетазираю,
 И дѣри въ чности безспрашно опираю.
 О вѣчность! ты рубежъ всемъ свѣшскимъ суешамъ,
 Въ тебѣ одной я зрю конецъ своимъ бѣдамъ:
 Отъ нападенія судьбы ожесточенной,
 Убѣжище лишъ ты души моей спбенной!

РОСТИСЛАВЪ.

Живи хотя уже ты для своихъ друзей,
 Для прозбы моей, и для сестры своей!

ОСКОЛЬДЪ.

Коль дружбы плѣнника ты князь не прѣзираешъ,
 Когда честныхъ людей и въ узакъ считаешъ;
 Не спрашь напрасно словъ къ покоѣству мя прѣвлечъ:
 Не дѣйствуешъ шволя въ моемъ разсудкѣ рѣчь:
 Совѣшоваій я ни чьихъ уже не внемлю,
 Безъ пользы свѣшу жить, шягчишь лишъ только землю:
 Лишився спичепра: мнѣ свѣшу чѣмъ служить?
 Я добродѣтель здѣсь хощѣлъ воспановить,
 Возобновить злашой вѣкъ радоспей во градѣ,
 Лукавство выгнашь волъ и заключишь во адѣ.
 А нынѣ ешьяли бы толико подлѣ я былъ,
 Чпобѣ жизнь поносную я чести предпочтилъ.
 На ушбшенную взирал добродѣтель,
 Бѣдѣ подланныхъ своихъ я бѣ только былъ свидѣтель.
 Прешяжкѣ бѣднаго гонима сильнымъ зрѣшь;
 Коль варварства сего нѣтъ силъ преодолѣть!
 Несносиле еще отечество зрѣшь въ спомѣ,
 И вадѣшь своего врага въ своей коронѣ!

РОСТИСЛАВЪ.

Что буду дѣлать я! не внемлетъ ни чего;
 Не презирай, о князь, прошенья моего!
 Мой другъ, любезный другъ, не оприцай совѣща;
 Премѣны щастія сужь свойсва здѣшня свѣща.

ЯВЛЕНІЕ X.

ОЛЕГЪ, имѣя въ рукахъ бумагу.
 ОСКОЛЬДЪ и РОСТИСЛАВЪ.

ОЛЕГЪ.

Уже ли шы свое упрямецтво преломилъ?

ОСКОЛЬДЪ.

И нынѣ я шаковъ, каковъ до нынѣ былъ.

ОЛЕГЪ.

Погибель я твою еще сснновляю,
 И щедролубіе еще тебѣ являю:
 Иль милосшь, или смерть не медля избери.

ОСКОЛЬДЪ.

Смерть!

ОЛЕГЪ.

Въ люпости своей умри, злодѣй умри.
 (Воинамъ.)

Въ темницу войны опсѣль ево помннше,
 И пнмо въ крѣпкія оковы зкннчнше.

ОСКОЛЬДЪ.

Когда я плѣнникъ швой, когда мой рокъ шаковъ;
Все сносно мнѣ уже: на все ийши гоповъ.
О градъ несчастливый! сестра моя любезна!
Простише! жизнь моя вамъ спала бесполезна!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ОЛЕГЪ и РОСТИСЛАВЪ.

РОСТИСЛАВЪ.

Хоть для меня спаси несчастного сево - - -

ОЛЕГЪ.

И милоспи къ нему не внемлю ни чево.
Иное думай ты: не въ прозъбахъ упражняйся,
И къ упру въ ночь сію на брань угѣшляйся.
Въ сей день воинскихъ дѣлъ не можемъ мы зачать,
А ежели зачемъ, не можемъ окончать;
Свѣшило дневное уже спустилось низко,
И восхожденіе луны на градъ сей близко,
Но прежде, нежели мы брань начнемъ шворить,
Велю на площади Оскольда умершвить.
Всѣмъ ясно объявитъ о мнѣ бумага еша,
Что я за смерть ево не дамъ богамъ отвѣща.

РОСТИСЛАВЪ.

Склонися, государь, къ прошенью моему! - - -

ОЛЕГЪ.

Не раздражай меня, или предай ему:
 Ты смѣлъ передомной моей пропиваясь волѣ:
 Оставь меня: являй свое ты смѣльство въ полѣ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ОЛЕГЪ одинъ.

Престанешъ приводить Олега ты на гнѣвѣ:
 Смерть косу вознесла, разверзся адскій зевъ.
 Я милоспи казалъ тебѣ въ своей досадѣ:
 Спупай, ищи вѣнца и скипетра во адѣ!

(Садится Оскольду смерть подписывашъ.)

Умри! умереть тебѣ конечно надлежитъ. - - -
 Но опъ чего жѣ теперь рука моя дрожитъ! - - -
 Умри! - - - къ чему себя всей силой принуждаю?
 Позорно кончить жизнь Оскольда осуждаю!
 Трепещетъ сердце, кровь волнуяся печетъ,
 И мысль опъ ярости мя къ жалоспи влечетъ.
 Воображенія перзаютъ мя различны,
 И чувствую въ себѣ премѣны не обычны.
 О правосудіе! ты душу подкрѣпи,
 И разны мнѣнія въ одно совокупи!
 Исчезни жалоспъ ты, умолкни милоспъ нынѣ,
 И не пропивьшеса Оскольдовой судьбинѣ!
 Исполню по; не лязя Оскольду больше жить.

(Подписываетъ.)

Къ чему отважился я руку приложитъ!
 Оскольдова глава опъ пѣла опдѣлился! - - -
 Нѣтъ: гнѣвѣ хощь праведенъ; жестокость уполился.

(* Раздирая указъ.)

(Возвѣщаетъ)

Я енисходительнѣе, ты гордостью надутѣ: - - -
Спасенья нѣтъ тебѣ: хоня опечоченѣ судѣ!
Не лзя шого простить, кто такѣ себя возноситѣ,
И виненѣ будучи прощенія не проситѣ.
Когда бы пѣнникомѣ ширанскимѣ чѣимѣ ты спалѣ;
Вѣ упрямествѣ бѣ онѣ тебя по удамѣ расперзалѣ.
А я своимѣ врагамѣ далѣ прежнюю свободу.
И бышь жостѣлѣ опцемѣ пѣнненному народу.

Конецѣ вшораго дѣйсшвія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОСКОЛЬДЪ ВЪ ЦѢПЯХЪ.

Вотъ для ради чево я мужествомъ кипѣлъ!
Кто столько горестей и въ долгій вѣкъ терпѣлъ!
Оковы я ношу въ шомъ домѣ, гдѣ родился,
Гдѣ росъ въ величествѣ, и царствовать учился!
А ты еще на мнѣ, о солнце! мѣщешь свѣтъ!
И домъ, сей домъ на мнѣ еще не упадетъ!
Вотъ мной желанная съ младенческихъ лѣтъ слава!
Вотъ счастье мое, вотъ скипетръ и держава!
Что медлишь смертью; когда противенъ я судьбѣ?
О небо, вынь мой духъ! я мерзокъ самъ себѣ.
Но что сестры своей, я здѣсь не сбрѣшаю!
Увы! на что, на что я зрѣшь себя желаю!
Увижу пока слезъ текущихъ изъ очей,
И поколеблется духъ въ крѣпости моей.
Мучительная жизнь! на что тебя имѣю?
На жертву моему свирѣпому злодѣю,
Который у меня, что было, все опнявъ.
Спрямился премѣнишь въ послѣдокъ мой и нравъ.
Все можетъ рокъ опнять во времена дней гнѣвныхъ:
Все опнялъ у меча; но кромѣ силъ душевныхъ.
Ты войско ждешь меня собравшись въ лѣсахъ;
Но повелитель твой въ темницѣ и цѣпяхъ:
Умремъ на площади; не медлите, разите,
Спасите мой животъ, или смерть мою опмстите!

ЯВЛЕНІЕ II.

ОСКОЛЬДЪ и ИЗБРАНА.

ОСКОЛЬДЪ!

Куды несчастная пошла сестра моя?

ИЗБРАНА.

Ждала, чтобъ ты предсталъ передъ глази ея:
 У Ростислава то Семира испросила,
 И въ неперпѣниі къ темницѣ поспѣшила,
 Чтобъ Ростиславомъ тамъ исполненъ былъ приказъ!
 Во ожиданіи ей днемъ казался часъ.
 Но се она.

ЯВЛЕНІЕ III.

ОСКОЛЬДЪ, СЕМИРА и ИЗБРАНА.

СЕМИРА.

На ты ль въ семъ видѣ я взираю
 Возлюбленный мой братъ!

ОСКОЛЬДЪ.

Въ оковахъ умираю.

Ты слышала, что мой конецъ уже приспѣлъ? - - -

СЕМИРА.

А ты на мя Перунъ еще не мещешъ стрѣлъ!
 Земля миѣ пропастей еще не разверзаетъ!
 И въ жилахъ кровь моя еще не замерзаетъ!

Защмитесь соднечны лучи передомней!
 Всево, о рокѣ! всево лишаясь я побой!
 Возлюбленный Оскольдѣ! - - -

О С К О Л Ъ Д Ъ .

Ужѣ нѣтъ того ни мало,
 Чтобѣ насѣ хопѣ искрами надежды освѣцало.
 Безѣ избавленія нашѣ годовѣ побѣжденѣ,
 Ты вѣчно плѣнница, я кѣ смерти осужденѣ.

С Е М И Р А .

Ты кѣ смерти осужденѣ! мой братѣ умретѣ поносно!
 Я много бѣдѣ несла: еще то было сносно.
 Не ложная о томѣ прошла по граду вѣсть,
 Ты кѣ смерти осужденѣ! возможно ли то снести!

О С К О Л Ъ Д Ъ .

Какѣ щастіе пропивѣ меня спремится злобно,
 Сказалѣ ли Ростиславѣ о томѣ тебѣ подробно?

С Е М И Р А .

Черезѣ Избрану онѣ со мною говорилѣ,
 И бѣдство мнѣ пвое смѣшенно объявилѣ.
 Отѣ плачущихѣ сихѣ глазѣ онѣ образѣ свой скрываетѣ,
 И больше предѣ меня предспаши не дерзаетѣ.

О С К О Л Ъ Д Ъ .

Извѣстна ль ты, когда быть подлымѣ захочу;
 Что смерти косу я внесенну отвра у:
 Олегѣ сулитѣ мнѣ жизнь оставить непремѣнно;
 Но потеряю ль то, что мнѣ не оцѣненно!
 Желаетѣ, чтобы я прощенія просилѣ,
 И палѣ кѣ ногамѣ ево.

СЕМИРА.

Чтобъ братъ мой приключилъ
Себѣ и мнѣ сей стыдъ!

ОСКОЛЬДЪ.

Что жъ ты повелѣваешь?

СЕМИРА.

Умри; коль только въ томъ спасенъе обрѣтаеши!
Кончай, любезный братъ, несчастную жизнь свою!

ОСКОЛЬДЪ.

Достойну зрю себя, тебя сестру мою.

СЕМИРА.

И въ злополучіи тебѣ лишъ только равну.
Имѣла низость я сама; но не безславу:
Какъ Ростиславомъ здѣсь повергся Кіевъ пронъ,
Я пала передъ нимъ и выпускала стонъ;
Но не о жизни я тогда предъ нимъ стѣнала;
Поцѣды своему народу испрошала.
Хоть горекъ былъ томъ день; сей горше мнѣ сто кратъ.
На вѣкъ лишаюся тебя, любезный братъ!
На вѣкъ лишаюся! - - - о доля жизни вредной!
Ты мнѣ велѣла все почувствовать бѣдной!
Бѣды колико лъзя на свѣстѣ ихъ сыскать,
Велѣла въ младости всѣ сердцу испытать!
Уже ли ярости твоей ужасна сила,
Великодушіе Семиры искусила?
Хоть въ подлости себѣ спасенъя не ищу;
Но страхъ меня объялъ, дрожу и шепещу.
Какъ мысли гордыя въ верхъ славы ни спремятся,
Изъ глазъ попоки слезъ неволею капаются.

Геройскихъ разумъ душъ хопъ и крѣпитъ меня;
 Но сердце вопіетъ ко спраждущей спѣня:
 Разверзлась бѣдна бѣдѣ; а ты еще не рвешся!
 Иль ты безъ жалости съ Оскольдомъ расстаешься?
 На вѣки отъ твоихъ отбѣмлется онъ глазъ,
 И видишь ты его уже въ послѣдній разъ!

ОСКОЛЬДЪ.

Пускай свирѣпствуетъ какъ хочетъ доля злобна:
 Въ великодушїи Оскольду будь подобна.
 Отбѣяпи мой живопъ поносна смерть спѣшишь:
 Меня смущаетъ по; однако не спрашишь.
 Тѣрпяще сердце мнѣ и въ крайности послушно.
 Тѣрни и подражай ты мнѣ великодушно.

СЕМИРА.

А больше мнѣ тебя не зрѣшь уже во вѣкѣ!

ОСКОЛЬДЪ.

Не вѣчно въ свѣтѣ жить родится человекъ;
 Но вѣчно будетъ шопъ, иль очень долго славенъ,
 Кто въ злополучїи и въ щастїи былъ равенъ.
 Въ семъ случаѣ яви, что ты сестра моя.

СЕМИРА.

Довольно днесъ еще великодушна я:
 Судьба свирѣпство все изъ ада испустила;
 А я всей памяти еще не погубила.

ОСКОЛЬДЪ.

Тони свою тоску! унынїя бѣги!
 И ради ты меня печаль превозмоги;
 Сей жертвы отъ тебя одной Оскольдъ желаетъ:
 Въ надеждѣ сей онъ казнь и смерть уничтожаетъ.

СЕМИРА.

Когда я симъ себя удобна облегчипь,
 Попущуся скорбь свою я въ сердцѣ заключипь.
 И естли слабости безвинной ненавидишъ;
 Такъ мужество еще въ сестрѣ своей увидишъ.

ОСКОЛЬДЪ.

Опредѣленію покорствую небесъ,
 Смотри на смерть мою безъ спона и безъ слезъ.
 Пребуди въ сей швердости, кошеру обещаешъ,
 Ты казни моя жестокость умѣншаешъ.
 Кошь жалость отъ меня ны щцишься опвести;
 Спокоенъ отъ себя иду на смерть. --- прости!

СЕМИРА.

Теперь мнѣ ахъ! теперь пошребно укрѣпляшья!
 Но лязя ли въ бодрости на вѣкъ съ тобой расшатья!
 (Падешъ въ руки къ Избранъ.)

ОСКОЛЬДЪ.

Сего къ несчастію не доставало мнѣ,
 Чтобъ слабость при концѣ явилъ я сей спранъ:
 Случаи люпытя пого еще желали.
 Чтобъ умирающа меня всѣ робкимъ звали!
 Хошь крови своя во мнѣ не обезславъ:
 Не возмуцай меня и честь мою оставъ!
 Внемаи прошеніе! ны мужество опъемлешъ!
 Скрѣпись хошь на часъ! - - - ны словъ моихъ не
 внемлешъ!
 Воспомни ны теперь, вспомни чья ны дочь!

СЕМИРА.

Закрой мои глаза скоряй, о вѣчна ночь!

ОСКОЛЬДЪ.

Такъ насъ прощеніе лишъ больше огорчаетъ:
Прервемъ ево: швой братъ богамъ себя вручаетъ.

СЕМИРА.

Постой! не спану я, не спану я спенать.

ОСКОЛЬДЪ.

Въ семъ слова своего не можешъ ты сдержатъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЕМИРА и ИЗБРАНА.

СЕМИРА.

Что можно вобразить поносной смерти зляе!
По Ростислава ты бѣги, бѣги скоряе:
Скажи ему, чтобъ онъ потчасъ ко мнѣ пришелъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

СЕМИРА одна.

Еще ли ты мой духъ не много прешерпѣлъ!
Во веѣхъ спранахъ моя надежда окончалась:
Въ тебѣ любовь, тебѣ одной она осталась!
О спрасъ, и ты поски мнѣ много подала,
Ты плѣнницу меня впорично въ плѣнъ ввела,
И усугубивши всегдашнее спенанье,
Вела въ опчаянье и множила желанье;

За злѣланное зло мнѣ благомъ оплати:
 А спрашныи облакъ сей опъ града опврати!
 И естли вы судьбы Оскольда погазите;
 Такъ опъ поносныя кончины свободите!
 Престопайшее шерзанье шерпипъ духъ:
 Какъ буду я внимать пронзительный сей слухъ,
 Что бранъ мой принялъ казнъ! и мысля по спрадаю.
 На ты любовь, на ты надежду возлагаю!

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЕМИРА и РОСТИСЛАВЪ.

СЕМИРА,

Гдѣ жаръ швоей любви? гдѣ къ другу днесъ приязнь?
 Оскольдъ выведишя прияти смертну казнъ:
 А ты къ мучительству Олега допускаешъ!

РОСТИСЛАВЪ.

Или ты гордости Оскольдской не знаешъ?
 Олега силою ко гнѣву онъ влечетъ,
 И прозьбамъ за него ужъ больше мѣста нѣтъ.
 Я прозьбы приносилъ, чевожъ я шѣмъ достигнулъ!
 Лишъ яроеть на себя годительску подвигнулъ.
 Твой бранъ препятствуетъ ево щедротъ самъ,
 И способа ужъ нѣтъ ево избавитъ намъ.
 Умрешъ Оскольдъ, умрешъ; коль онъ не покоритъся.

СЕМИРА.

Въ кровь подлу, кровь ево ни чѣмъ не претворитъся:
 А ты не приводи чрезъ прозьбу въ гнѣвъ себя:
 Не сей я помощи желаю опъ шедя.

РОСТИСЛАВЪ.

Я способа спасти ево не обрѣшаю.

СЕМИРА.

ВѢ сей крайности къ твоей любви прибѣгаю.
 Хотя препяпсывуюшѣ случаи нынѣ намѣ,
 Какѣ я тебя люблю, ты вѣдаешѣ по самѣ.
 Хотя тебѣ во мнѣ суровство и казалось;
 Но сердце никогда мое не опмѣнялось.
 Ты видишѣ для чего я бракѣ пренебрегла:
 И чпобѣ иное я опвѣпствования могла?
 За всю мою любовь, коль любишѣ безѣ обману,
 Исполни ты мнѣ то, о чемѣ просишь я спану!
 Вообрази себѣ, какѣ тяжко умереть
 Тому на площади, кто вѣ свѣпѣ рожденѣ владѣпѣ,
 Гдѣ онѣ хотя и жилѣ вѣ плѣненіи, вѣ неволѣ;
 Но гдѣ ево опецѣ на славномѣ былѣ пресѣолѣ.

РОСТИСЛАВЪ.

Благодарю боговѣ мнѣ жалость не чужа;
 Но чпо мы вѣблаемѣ сѣ тобой о немѣ шужа?
 Я знаю, смерть ево насѣ вѣчко раздѣляетѣ,
 Опѣ мысли сей мой духѣ со вѣмѣ ослабѣваетѣ.
 Лишаюсь вѣ другѣ я и той, ково люблю;
 Но что я къ помощи ево упошребляю?
 Не вижу способа къ Оскольдову спасенью,
 Ни къ вождѣленному сѣ тобой соединенью,
 Когда жѣ совокунишь ни чпо не можетѣ насѣ;
 Любовь, настала ты вѣ презлополучный часѣ!

СЕМИРА.

Когда исполнишѣ ты Семирино прошенье;
 Такѣ можешѣ бышь найдешѣ ты сердцу облегченье.

РОСТИСЛАВЪ.

Чего желаешь ты драгая отъ меня?

СЕМИРА.

Смутивъ мой весь покой и сердце полоня,
Коль подлинно о мнѣ подобно воздымаешь;
Яви мнѣ шу любовь, копору ощущаешь,
И выпусти опсель Оскольда ты за градъ.

РОСТИСЛАВЪ.

Ты хочешь въ сердце мнѣ сей смертный влипи ядъ!
Чѣмъ виненъ я тебѣ? что сыщешь въ оправданье,
Что ты мнѣ дѣлаешь такое наказанье?
Мою ты славу всю стараешься зацьмишь;
На то ль кляжна себя, на то ль я спалъ любить?
Опечесству мной въ вѣкъ не будетъ озлобленья;
Ни какъ не лзя сего исполнить повелѣнья.

СЕМИРА.

Такъ вся моя теперь надежда опощла!
И въ Ростиславѣ я врага себѣ нашла!
Довольно спрашь пвоя къ Семирѣ изъясненна:
Се мзда за сей мнѣ жаръ, копорымъ я разженна!
Ты пщидишь вражесство минувше возвратить,
И за любовь мою, дни вѣчно прекрапидишь.
Твой жаръ ко мнѣ изчезъ: ты спалъ со веѣмъ пре-
врашенъ.

А ежели мой взоръ еще тебѣ приятенъ,
И кляшвы памячны, что мнимой красопой,
Ты будешь полоненъ моею лишъ одной;
Избравъ достойною себѣ меня едину,
Смягчи о Ростиславѣ! смягчи мою судьбину:
И покажи мнѣ по, колико я мила,
Что правильно тебѣ, я сердце опдала,

И что въ несчастіи я щаслива побою!
 Я дважды чрезъ тебя лишилася покою:
 Тобой нашъ палъ престолъ, тобой жестокой я,
 Взятая въ плѣненіе изъ славы своея.
 Ты взоръ и духъ ольстилъ, и изъ врага спалъ другомъ,
 Любовникомъ, мой духъ нарекъ тебя супругомъ.
 Склонившись къ тебѣ и пуще я рвалась;
 Что съ щастьемъ спрасть моимъ несходная спелась.
 Всеъ грусти опъ тебя несчастная имѣю:
 Склонися къ жалости, коль я побой владѣю:
 Зри слезы на лицѣ любовницы своей,
 Зри блѣдность, зри, мой князь, смущеніе очей,
 Взгляни на прѣпѣтъ мой! душа моя спрадаетъ,
 Кровь спынетъ, меркнетъ умъ, и гласъ ослабѣваетъ.
 Захочешъ ли въ сей день меня ты мерзвувъ зрѣти?
 Не дай, дражайшій князь, Семиръ умервѣти!
 Почувствуй своея возлюбленной мученье!
 Въ тебѣ оспалоса одномъ мое спасенье.

РОСТИСЛАВЪ.

Ты рвешся, а меня еще жесточе рвешъ:
 Не льстися, и во мнѣ спасенья не найдешъ.
 О горкія часы! болѣзни выше силы!
 Прелестныя глаза, на что вы мнѣ поль милы!
 Умрешъ въ сей день швой братъ и нѣтъ надежды намъ:
 А есмьли ты умрешъ; умру съ побою самъ.
 Лишенну мнѣ тебя прошивно все на свѣтѣ.

СЕМИРА.

Предвозвѣспилъ ты смернь жестокой въ семъ отвѣтѣ.
 Опедъ швой, мой шيرانъ: подобенъ будь ему:
 Ты врагъ мнѣ; а еще милъ сердцу моему!
 Вы ахъ! свидѣтели опечески черпоги
 Вины моей предъ нимъ! оставьте шѣ мнѣ боги,

Что прелюбѣйшаго мучителя люблю!
 Не хочешь помогать, когда живешь гублю!
 Когда ты вскинешь взоръ на мя души лишенну
 И мнѣму красоту увидишь помраченну,
 Занча енѣ, можешь быть, надъ шѣломъ воспена;
 Но плачемъ ты уже не возвратишь меня.

РОСТИСЛАВЪ.

За невозможное я спражду исполненье!
 Велишь пѣхчайшее творити преступленье.
 Противъ опечесва мя шдишия воружать!
 Ахъ! можешь ли меня безвинно поражать?
 Не медли, вымышляй какія хочешь казни:
 Я все приять готовъ не чувствуя боязни.
 Но коей заслужилъ я по себѣ виной,
 Что бѣ мертвою себя мнѣ зрѣши предъ собой?
 Когда свою красу и младость погубляешь;
 Такъ ты мою любовь со вѣмъ уничтожаешь.
 Не виненъ предъ тобой, Семира, я ни въ чемъ,
 Не лесью ошелъ во градъ; я градъ сей взялъ мѣчемъ:
 Не лесью получилъ и сердце я желанно;
 За искренность мою оно тобой мнѣ данно.

СЕМИРА.

Коль сердца моего достоинъ хочешь быть,
 Такъ узы долженъ ты Оскольду разрѣшить;
 Не вѣрю безъ шова, что я тебѣ угодна.

РОСТИСЛАВЪ.

Я вижу что любовь моя съ швоей не сходна:
 Я всякой часъ готовъ за честь швою умрѣть;
 А ты въ безславіи меня стремишия зрѣть.
 Не будетъ спѣ меня опечесву измѣны:
 Я буду защищать до гроба здѣшни спѣныхъ.

СЕМИРА.

Коль варварѢ я себя безсилна умягчить,
 Коль хочешѢ живопа любовницу лишить;
 Чшо медлишѢ? умерщвляй, повергни чувствѢ лишенну!
 Пролей мучитель кровь побой воспламененну.
 Ни малой жалости ко мнѢ не оцущай;
 Губи, вскрой грудь мою, и сердце расперзай,
 ВѢ которомѢ пребывалѢ твой образѢ непрестанно,
 И кое вѢ животѢ ты мучилѢ несказанно!
 Насыпись, насладись моею днесь тоской!
 Вынь мѣчѢ: пронзи - - -

РОСТИСЛАВѢ.

Княжна - - -

СЕМИРА (выхвативѢ мѣчѢ изѢ
 ноженѢ ево)

Зри мертву предѢ собой - - -

РОСТИСЛАВѢ (бросая кѢ ней и
 спавѢ на колѣни.)

ВѢ меня сей мѣчѢ вонзи: конецѢ содѣлай спрасни!
 МнѢ онѢ побѣду далѢ, лишилѢ Оскольда власти:
 ОнѢ кровью обогренѢ народа швоево,
 И онѢ вина тебѢ нещастія всево. - -

СЕМИРА.

И онѢ содѣлаетѢ всему конецѢ нещастью.

(ВозноситѢ руку, чшобѢ
 заколошься)

РОСТИСЛАВѢ.

(ВѢ самой скорости воспавѢ
 сѢ колѣней и удержавѢ
 руку ея.)

Не спорю больше я сѢ своею люптой чашью:
 Твой братѢ освобожденѢ.

СЕМИРА (Отдавъ ему мѣчь.)

Мой князь, опшнынѣ я
 Какъ брань ни кончипся, по самый гробъ швол.

РОСТИСЛАВЪ.

Коль буду побѣжденъ; пойду въ мракъ вѣчной ночи,
 И ужъ меня швои не будутъ видѣть очи.

СЕМИРА.

Спокойства моево не разрушай, ты, вновь:
 Или мыслишь ты, снесетъ моя къ тебѣ любовь,
 Погибель вѣрнаго любовника Семиры,
 И буду возводишь на солнце очи сирь?
 Когда ты оспрый мѣчь подынешъ на себя,
 Представъ себѣ тогда, какъ я люблю тебя:
 Чпо жизнь моя на вѣкъ съ швоєю сопряженна
 И что не буду я жива тебя лишена.
 Поди, невольника изъ града испускай,
 И жизнь мою въ своей ты жизни сохраняй.

Я В Л Е Н І Е VII.

РОСТИСЛАВЪ одинъ.

Что здѣлать Ростиславъ, ты нынѣ предприемлешь?
 Ни разсужденія, ни мужества не внемлешь.
 Ты спрасни слѣдуя пролившися уму,
 И хочешь избѣнить народу своему.
 Опечесство мое! опечесство любезно!
 Противу спрасъ тебя буншуетъ бесполезно.
 Не дамъ тебѣ любовь себя преодоляшь.
 Но какъ возможно мнѣ Семиру мершву зрѣшь!

И думать спрашно то, о жилили небесны,
 Къ люпѣйшей казни мнѣ глаза ея прелестны!
 О жалостная мысль! свирѣпства нѣшѣ во мнѣ:
 Свирѣпства нѣшѣ злодѣй! ты врагъ своей странѣ.
 Предатель, опмѣни ты злое обѣщанье!
 Вѣ бесчестіе пвое вперилося желанье.
 Я слышу гласъ небесъ гремящихъ надомной:
 Разверзлась, Ростиславъ, днесъ бездна подѣ тобой:
 Для полученія обычныхъ забавы,
 Ты съ самой высопы величества и славы,
 Къ дну пропасти падешѣ: пропивься красотѣ,
 Пропивься: разорви пресступникѣ узы шѣ,
 Вѣ которыхъ спонешѣ ты и гибнешѣ преужасно!
 Но щещно вопіешѣ миѣ небо велегласно.
 Возженный вѣ сердцѣ огонь горитѣ во всей крови.
 О должность уступай ты мѣсто днесъ любви!
 Терзай меня любовь, когда вѣ пвоей я власти!
 О боги, есть ли что сильндй любовной спрасши!

Конецъ прешьяго дѣйсвія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕМИРА и ИЗБРАНА.

СЕМИРА.

Увѣдомись, уже ль мой братъ освобожденъ,
И во врага за градъ уже ли провожденъ?
Боюсь Ростиславъ не опмѣнилъ ли слова
И ахъ! въ мученіе не ввержена ль я снова.

ЯВЛЕНІЕ II.

ОСКОЛЬДЪ, СЕМИРА и ИЗБРАНА.

ОСКОЛЬДЪ.

Я волюность получилъ: благодарю боговъ:
Въ сей часъ, Семира, я иду прошивъ враговъ:
Иду избавить градъ и Кіевски границы.
Еще хранился дверь Оскольдовой пемницы,
И войны меня припворно шамъ спрегущъ;
Но въ сей они мя часъ за спѣны проведущъ,
И скроюся лица Олегава со мною.
Есть тайный нушь опселя; пойду дорогой пою:
Зберу свои полки и приступлю къ спѣнамъ.

С Е М И Р А .

Воставыте небеса вы падшу славу намъ!

О С К О Л Ъ Д Ъ .

Для горкихъ слезъ своихъ имѣю я свободу:
Ты мнѣ спасеніе и цѣлому народу.
Великой долженъ я своей любви мздой;
Пусть будетъ Ростиславъ супругъ, Семира, швой.
Хопя намѣренье побѣдой окончаю,
Хоть смертію своей; тебя ему вручаю.
Коль будетъ часъ моя и въ сей мнѣ день вѣдна;
Во воздаянне ты останешся одна,
Когого могу я здѣлать Ростиславу;
Послѣдуй своя ты склонности уставу.

С Е М И Р А .

Паденіемъ своимъ меня не возмущай,
И не такое мнѣ спокойство предвѣщай.
Я зрю передъ собой тебя вооруженна.
Отвсюду въ сердце мнѣ надежда вображенна:
Я щусь напасти все въ веселье претворить:
А ты старайся градъ Оскольду покорить:
Не омрачай моихъ довольствій нынѣ боля.
О небо дай ево мнѣ видѣть на престолѣ!

О С К О Л Ъ Д Ъ .

За чѣмъ сюда я шелъ, я по тебѣ сказалъ.

С Е М И Р А .

Коль жаръ моей любви тебѣ свободу далъ;
Ступай отечесва къ преславной оборонѣ.

О С К О Л Ъ Д Ъ .

Ты будешь зрѣть меня или мертва или въ коронѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

СЕМИРА и ИЗБРАНА.

ИЗБРАНА.

Еще печали знакъ я зрю въ своемъ лицѣ.

СЕМИРА.

Я брата своею не зрю еще въ вѣнцѣ.
 Кто знаетъ, какъ сей день судьбина окончатъ.
 Съ одной стороны меня природа утѣшаетъ,
 Съ другой превожитъ духъ мучительная спрасъ.
 Извѣстно, какова моя, Избрана, часть:
 Лишь только щастіе передъ меня предстанетъ,
 Надеждой усладитъ, и вдругъ меня обманетъ,
 Пронзая темношу какъ молнія въ ночи,
 Скрываетъ отъ очей мгновенныя лучи:
 Въ опасности Оскольдъ и Ростиславъ подобно.
 Хотя они друзья, геройство въ брани злобно,
 И могутъ ли спасти отъ всѣхъ другъ друга спрѣтъ!

ИЗБРАНА.

Имъ будетъ памятно и средь воинскихъ дѣлъ,
 Что ты тому сестра, любовница другому;
 Приложатъ силы всѣ къ спасенью таковому.

СЕМИРА.

Когда въ ужасный часъ кровава брань горитъ,
 О спраси, о родствѣ она не говоритъ.
 Но ежели очи другъ другомъ и спасутся,
 Живыми въ плѣнъ они другъ другу не дадутся.
 Они сказали то, я знаю нравы ихъ:
 Одинъ какъ камень твердъ въ намѣреняхъ своихъ:

Непоколеблется въ помѣ, что онѣ предприимлетъ,
 И кромѣ мужества инова онѣ не внемлетъ.
 Другой хопъ нѣжное имѣетъ сердце онѣ;
 Но въ крайности умретъ: пренебрежетъ мой спонѣ.
 Тамъ только честь одна предписываетъ правы.
 Не вспомнятъ обомнѣ среди гремящей славы!

ИЗБРАНА.

Отбей печальныя ты мысли отъ себя,
 И жди веселія смущенье испребя.
 Подай спокойствіе шерпящимъ скорби члѣнамъ.
 Все въ свѣтѣ, что ни ешь подвержено премѣнамъ:
 Уже ты много дней несчастлива была.

СЕМИРА.

На то меня и въ свѣтѣ судьба произвела,
 Живошъ мой пакъ какъ цѣпь изъ многихъ бѣдъ со-
 спавленъ:
 И можетъ быть отъ нихъ не будетъ въ вѣкъ изба-
 вленъ:
 Благополучіе, въ которомъ я росла,
 Которое какъ прахъ судьбина разнесла,
 Когда въ моемъ умѣ себѣ воображаетъ,
 Безчисленны мои напасти умножаетъ.

Я В Л Е Н І Е IV.

ОЛЕГЪ, СЕМИРА и ИЗБРАНА.

ОЛЕГЪ.

Твой братъ и съ снаряженіемъ изъ града убѣжалъ,
 Онѣ войско на меня не щедно вооружалъ;

Часть III.

у

Но щедро можетъ быть со мною онъ сразился:
 Разгнѣванный Олегъ ужъ больше не смягчился.
 Твои по промыслу, что онъ опселя ушелъ;
 Но я не вижу въ нихъ своихъ злодѣйскихъ дѣлъ;
 Изъ той и ты какъ онъ родилася упробы,
 И къ брату своему имѣть не щистишь злобы.
 Хвалю еще тебя за дѣло таково;
 Лишь только знать хочу кто выпустилъ его.
 Ково дарами ты Семира ослабила?

СЕМИРА.

Свое богатство я побою погубила:
 И не могу дарить: что жъ ты вѣщаешь мнѣ,
 О братѣ, я того не зрѣла и во снѣ.

ОЛЕГЪ.

Скажи мнѣ истинну и не отвѣщивуй ложно.

СЕМИРА.

О чемъ не вѣдаю, того сказать не можно.

ОЛЕГЪ.

Упрямствуя меня въ жаръ гнѣва не введи,
 И спросости мои, княжна, предупреди;
 По исполненіи злодѣя крышь порочно,
 И сожалѣть о немъ безчестно и безпрочно:
 Когда жъ не смыслишь ты о чести разсуждашь;
 Такъ я тебѣ могу и наставленье дать.
 Что честно или нѣтъ, я ещо разумѣю,
 А научишь тебя я способы имѣю:

СЕМИРА.

Ты началъ мнѣ грозить! или забылъ ты те
 Кто я, и что меня не устрашитъ ни что?

Когда мой братъ спасенъ и войско наше въ полѣ;
 Не ужасаюся швоей я власти боля.
 Ты хочешь научить меня о чести знатьъ:
 Старайся у меня ты лучше перенять.
 Не думай, что она со щастіемъ сопряжена,
 И что прошивностями быть можетъ поражена.
 Во злополучіи ни кто хоть намъ не льститъ;
 Но добродѣтели и молча всякой чтитъ.
 Не мнишь ли, что нашъ полъ къ геройству не спо-
 собенъ,
 И духу мужеску духъ женскій не подобенъ;
 Что устремляешься мя къ прѣпѣту привлечь?
 Нѣтъ робости во мнѣ; швоа безсидна рѣчь.

ОЛЕГЪ.

Ты нудишь на себя Олега озлобляясь.
 Лъзя ль боги больше мнѣ отъ гнѣва ушояться!
 Не сихъ отъ плѣнницы Олегъ отшѣшовъ ждалъ;
 Я прежде бышія Семиры побѣждалъ;
 И у себя мнѣ жить учишься не прилично.
 Не тако плѣнникамъ отшѣшествовать обычно.
 Не вспоминаючи о милости моей,
 На что надѣешься ты въ дерзости своей,
 И смѣльство шаково далось тебѣ отколъ?
 Подобно какъ бы ты сидѣла на престоля.
 Не родомъ ты своимъ почтенна здѣсь; но мной:
 Лишь руку снять съ себя ты будешь прахъ земной.

СЕМИРА.

Хотя мнѣ щастіемъ судьбина шщепно льстила;
 Не прахомъ мя земнымъ природа въ свѣтъ пустила:
 Я княжеская дочь, шо вѣдаетъ весь свѣтъ:
 Мнѣ въ милосшяхъ швоихъ ни мало чести нѣтъ.

ОЛЕГЪ.

И милоспи мой уже позабываешъ?

СЕМИРА.

Коль ими пы меня почпенну быши чаешъ;
Не помню больше ихъ.

ОЛЕГЪ.

Не помню ихъ и я:

Но помни по, что пы невольница моя.
Не благодарная! во мнѣ опца пы зрѣла:
А нынѣ я швой врагъ; коль пы шого жопѣла.
Распространяйся гнѣвъ по сердцу моему;
Не покажусь шбой пираномъ ни кому:
Ты праведенъ во мнѣ! а пы уже здѣсь будешъ
Въ иномъ почпенъи жипь, и гордоспъ позабудешъ.

СЕМИРА.

Пошли мнѣ небо смерпъ; лишъ братъ бы побѣдилъ,
И градъ отеческій отъ ига свободилъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ОЛЕГЪ, РОСТИСЛАВЪ и СЕМИРА.

ОЛЕГЪ.

Теперь разсмотришъ пы, теперь разсмотришъ ясно,
Что пы о ней вздыхалъ и мучился напрасно.
Какъ пы ее мнилъ бышь, она не шакова,
Открыша злоба въ ней чрезъ дерзкія слова.

СЕМИРА.

Я вижу то, что мнѣ швой гнѣвъ приготавливаетъ:
 Немилосерду казнь мнѣ образъ швой являетъ;
 Но сколько я робка, ты будешь епо зрѣшь.
 Я смертна; все равно, когда ни умерешь.
 Тиранствуй; ежели душа швоа вѣ по вникла.
 Не спрашны муки мнѣ; я кѣ нимѣ уже привыкла.
 Знай волю моею избавился мой братъ;
 Но знать не будешь ты, кѣмѣ выпущенъ за градъ.
 Хоть сердце извлечи изъ шѣла можно злобно,
 Но вырвать тайны сей изъ сердца не удобно.

РОСТИСЛАВЪ.

Коль ты отважилась свою вину сказать;
 На что уже тебѣ злодѣя укрывашь?

ОЛЕГЪ.

Не скроешь. Воины!

(Воины входятъ.)

РОСТИСЛАВЪ.

Что дѣлаешь начинаешь?

ОЛЕГЪ.

Сію противнику ты щедно защищаешь!

РОСТИСЛАВЪ.

Подъ образомъ ея свою я душу зрю,
 Вѣ несносномъ пламени Семирой я горю:
 Мой полонъ ею умъ, живу на свѣтѣ ею,
 Гнушаюсь безъ нея и жизнию своею:
 Ея и вѣ славѣ я невольникъ красоты:
 Терзючи се меня перзаешь ты;

Она угрозы всё внимаетъ безъ болзни:
 Гопоя казни ей пы мнѣ гоповимъ казни.
 Не можешъ, государь, свирѣпства ей лвишь,
 Которымъ бы не могъ пы сына уразить.
 Бышь щаспавы хопя надежды мы лишенны;
 Но наши съ ней сердца на вѣкъ соединены.

ОЛЕГЪ.

Я все прощаю ей, и ягость укроу,
 Когда то свѣдаю, что вѣдашь я хоу.

СЕМИРА.

Не льстися тѣмъ, а я прощенья не желаю.

ОЛЕГЪ Семиръ.

Подъ спражу - - -

РОСТИСЛАВЪ.

Я сыскашь злодѣя обѣщаю;
 Лишь только укропи намѣренье свое!

СЕМИРА.

Опомнись Ростиславъ!

ОЛЕГЪ.

Прещеніе твое,
 Хопя Семирино лице ему любезно,
 Во обспояпельспвахъ опасныхъ бесполезно.
 На что, любезный сынъ, мы щдимся побѣждать;
 Когда предателямъ мы станемъ угождать.

РОСТИСЛАВЪ.

Кво ты идешъ, * сей предатель предъ тобою.
 (* Становяся на колѣни.)

ОЛЕГЪ.

О гнѣбныя судьбы!

СЕМИРА.

Что здѣлалъ ты съ собою!

ОЛЕГЪ.

Что достоинъ ты?

РОСТИСЛАВЪ.

Съ мученьемъ умереть.

ОЛЕГЪ.

Встань, то что рекъ ты долженъ претерпѣть.

СЕМИРА.

Онъ мой любезный сынъ: не будь свирѣпъ ты сыну;

Всею причина я; меня казни одну!

Казни меня! когда швориши то возмнишь;

Любѣйшую ему ты муку учинишь.

Онъ надобенъ тебѣ, онъ надобенъ народу:

Мою возми ты жизнь, коль опялъ ты свободу!

Будь милосивъ и мнѣ, и сыну и себѣ!

РОСТИСЛАВЪ Семирѣ.

Коль честию своею я жертвовалъ тебѣ;

Охотно за тебя я жизнь мою теряю:

Однимъ несчастіемъ, другое умѣряю.

Смотри въ какія ты меня бѣды ввела!

Запѣмила все мои похвальныя дѣла!

(Олегу.)

Карай меня, карай, карай меня скорѣе!

На свѣстѣ пребывань мнѣ всехъ мученій злая.

Грызенье совѣсти, раскаяніе, стыдъ,

Любовь къ опечалену, мой гнѣвъ и грозный видъ,

По всей моей крови ядъ смертный простираютъ,

Колеблютъ весь мой умъ и сердце раздираютъ.

(Семирѣ.)

По что пвоею спалѣ красою я прельщенѣ!

СЕМИРА.

Почто и мой духѣ спалѣ побою возмущенѣ!

ОЛЕГЪ.

Единымѣ, боги, мя вы сыномѣ упѣшали:
 Различными ево дарами украшали:
 Во младости своей онѣ пмой великихѣ дѣлѣ,
 Желаніе мое далеко превозшедѣ:
 Онѣ взнесся сколько могѣ герой когда взнесшися:
 Опѣ имени его весь сѣверѣ спалѣ прясшися.
 Но о плачевный день! по все перемѣня,
 Героя, сына, все ты опнядѣ у меня!

РОСТИСЛАВЪ.

Безѣ обличенія я спражду нестерпимо,
 И имя днесѣ пвое уже во мнѣ не зримо.
 Сѣ горячностью пвое почпенье погубя,
 Уже спыжусь шецерь и зрѣши на себя.
 Не сына шлешѣ на смерть! преступника злодѣя.
 Суди и осуждай, щедроты не имѣя!
 Я прежній Ростиславѣ низвергшійся вѣ бѣду,
 Лишѣ пѣмѣ, что кѣ смерти я безѣ робости иду.

ОЛЕГЪ.

Отдай свой мѣчѣ: поди опсель во мгу темницы.

РОСТИСЛАВЪ.

(Сплавая мѣчѣ Олегу, который
 мѣчѣ ево отдаешѣ по томѣ
 воинамѣ.)

Се мѣчѣ разширившій опечества границы,
 Поящій кровію странѣ кievыхѣ пески.

СЕМИРА.

Сей лютой и тогда не знала я тоски!

ОЛЕГЪ.

Поди: сей часъ тебѣ послѣдній часъ на свѣтѣ,
И смѣлость при концѣ яви еще пы въ цвѣтѣ.
Коль правосудіе тебя википѣ теперь;
Не укрошима смерть, опверста гроба дверь.
Умри и заплаши преступокъ тяжкій кровью.

СЕМИРА.

Увы!

РОСТИСЛАВЪ.

Но сниду ль въ гробъ съ родительской любовью?
Не воображачи моихъ жестокихъ винъ,
Скажи, родитель мой, что я еще твой сынъ.

ОЛЕГЪ.

Какъ сердце днесъ мое тобой ни раздраженно;
То къ вѣчной горести не будетъ мной забвенно,
Ты сынъ; но ужъ не помъ, который прежде былъ,
Хотя тебя люблю, какъ прежде я любилъ.
Поди. - - - въ послѣдній шеперь тебя объмляю.

РОСТИСЛАВЪ.

Сокрой съ родительской любовью прахъ мой въ землю.
(Семирѣ)

А пы мучительный печальный видъ очамъ,
Не сепуй, что злой рокъ сопротивлялся намъ,
И помня то, что я любилъ тебя не ложно,
Не плачь о томъ чезо перемѣнишь не можно!

ЯВЛЕНИЕ VI.

ОЛЕГЪ, СЕМИРА и ИЗБРАНА.

СЕМИРА.

(ВЪ самое то время, въ которое
РоспиславЪ опходитъ, предъ
ОлегомЪ становяся на колѣни.)

Зри горлоспи пещерь Семиричой конецъ!
 Любовникъ мой герой, Олегъ ему опецъ,
 Имъ градъ сей данъ шебъ, имъ я живу въ неволѣ;
 Имъ Игорь царствуетъ на пышномъ здѣсь престолѣ;
 Умѣрь, умѣрь свой гнѣвъ, свирѣпства не кажи,
 И правосудіе на милость преложи!
 Когда бъ насъ боги такъ наказывали спали,
 Въ колікил вины предъ ними мы впадали;
 Куда бы убѣжалъ отъ грома смертныхъ родъ?
 Въ лѣсахъ ли бъ скрылся онъ, въ горахъ, или въ без-
 днѣ водъ?
 Послѣдуй имъ, и будь столь щедръ, коль правосуденъ!
 Опду ли къ милости для сына зришь путь пруденъ?
 Будь правый судія, но будь и человекъ!
 Представь себѣ ты, чей опѣмлешъ нынѣ вѣкъ.
 Ково даешъ на смерть! сей смерти я достойна:
 И мною столь твоя днесъ участь беспокойна;
 Когда бы Роспиславъ очей моихъ не зналъ;
 По сей бы день еще невиненъ пребывалъ:
 Отъ нихъ опѣмли свѣтъ! прости любезна сына!
 Прости, о государь! вины сей я причина.

ОЛЕГЪ ее подымая.

Мое нещастіе причиною пому.
 Невинна въ епомъ ты, что ты мила ему,
 И брата своего отъ смерти избавляла;
 Ты должности своей усшавы шѣмъ являла;

Коль мужественна ты; сноси и ты, какъ я:
Я жалость чувствую не меньше своея.

СЕМИРА.

Коль сердце на судъ отъ жалости не таетъ;
Такъ суешно она и въ сердцѣ обитаетъ.
Безъ заблужденія ни кто не проживетъ?
Мы смерщны: совершенствъ ни въ комъ изъ смерт-
ныхъ нѣтъ.
Въ судъ прошивъ бездѣльствъ имѣя сердце твердо,
Взирай на слабости людскія милосердо!
Подвигнися жопя попокомъ слезъ моихъ,
Тоской, спенаніемъ: и шмой мученій сихъ,
Которыхъ груда мной нещастной обладаетъ.

ОЛЕГЪ.

Врптъ небо, что Олегъ равно тебѣ страдаетъ;
Но естли не хочу пристрастія носить;
Могу ль простишь ево? --- престань о немъ просить!
Намъ всѣмъ шроимъ сей день спенанія причина.
(Хочетъ ийти.)

СЕМИРА.

Смягчися, государь!

ОЛЕГЪ.

Пришла ево кончина

Я В Л Е Н І Е VII.

СЕМИРА и ИЗБРАНА.

СЕМИРА.

О преужасный дечъ! ко смерти ль прибѣгу!
Оплады въ живощъ сыскати не могу!

Ково Семира ты, ково ты днесь перлешъ!
 Мой князь, ты мной, ты мной, несчастный умираешъ,
 Свое геройское ты имя превознесъ,
 И слава дѣла твоихъ гремѣла до небесъ;
 Но взогъ очей моихъ всево тебя лишаетъ,
 И славныя дѣла съ безславными мѣшаетъ!
 О бѣдственные часы! о гнѣвы небеса!
 Дни младости моей! зловѣдная краса!
 Ково я бѣдкая, свирепствуя, перзаю!
 Кому? - - - любовнику дверь гроба отверзаю!

ИЗБРАНА.

Нѣтъ помощи ему хоть спраждешъ ты любя;
 Не воображай себѣ, какъ онъ любилъ тебя.

СЕМИРА.

Ты мнишъ, что можетъ быть, чтобъ я когда забыла,
 Какъ онъ меня любилъ, какъ я ево любила,
 Или долго бѣ безъ него могла я жить спеня!
 Не лъзи не воображай - - - не унимай меня!
 Спрадай моя луца; коль такъ опредѣленно!
 На то ль, о сердце ты любовью воспаленно!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕМИРА и ИЗБРАНА.

ИЗБРАНА.

Олеговы полки поцли изъ градскихъ вратъ,
И братъ твой изъ лѣсовъ идетъ подъ самый градъ.
Гласъ громкихъ трубъ шума повсюду раздается:
Въ сей часъ межъ войсками сраженіе начнется.

СЕМИРА.

Еще ли князь мой живъ? увижу ль я его?

ИЗБРАНА.

О Ростиславъ я не знаю ни чего.

СЕМИРА.

Спешенная душа покинь ты помно пѣло;
Послѣднее мое днесъ щасте улешѣло,
И жизни моя одна осталась пѣнь!
Немилосердый рокъ! презлополучный день!

ИЗБРАНА.

Твой князь къ тебѣ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

СЕМИРА, РОСТИСЛАВЪ и ИЗБРАНА.

СЕМИРА.

Ты живѣ! тебя ль я вижу!

РОСТИСЛАВЪ.

Но ахѣ! уже минушѣ оставшихѣ ненавижу,
 И только для того могу на свѣшѣ глядѣшь;
 Чшо, видя свѣшѣ, могу тебя на свѣшѣ зрѣшь.
 Коль брань сію Олегѣ нещасно скончаетѣ,
 И бранѣ твоей славою свободу увѣнчаетѣ:
 Я буду бѣдности людей своихѣ виной.
 О небо! я одинѣ виновенѣ предѣ тобой;
 Прославь Олегову еще побѣдой старость:
 На мнѣ сверши ты казнь и праведную ярость.

СЕМИРА.

Ты смерть поносную предпочитаешѣ мнѣ?

РОСТИСЛАВЪ.

Вѣ жестокой не хочу остаться я винѣ.
 Тотѣ, вѣ комѣ нѣшѣ совѣсти, вѣ злодѣйствіи спо-
 коенѣ,
 А я на смерть готовѣ; коль жизни не достоенѣ.

СЕМИРА.

Духѣ братнимѣ мужествомѣ я льщуся утѣшатѣ:
 А ты стараешься надежду разрушатѣ,
 И мною толь любимѣ грозишѣ меня оставитѣ.
 Когда Оскольда ты отѣ смерти могѣ избавишѣ;
 Избави и меня! не отврати сихѣ дней,
 Вѣ копоры бышь хочу супругою твоей!

И естли славою Оскольдѣ войну скончаешѣ;
Пускай и наше онѣ веселье увѣнчаешѣ.

РОСТИСЛАВЪ.

Прошли драгія дни веселья моего,
Я радостей лишенѣ до гроба своего.
Не принуждай меня на свѣпѣ ты оспашься,
И срамно живучи бесчестіемѣ перзашься.
Хоть принужденіемѣ меня ты днесь пятчишѣ;
Но малодушіе ужѣ мнѣ не приключишѣ.
А естли вѣ вѣчный мракѣ послѣдуешѣ за мною;
Сразишѣ мя жалостно впоричную виною:
И будетѣ тѣнь моя, изѣ тѣмной глубины,
На небо вопіи шеси гласишь вины:
Что ты безчестію ми спрашью покорила,
Что славу ты мою вѣ безславье претворила;
И честь мою со всѣмѣ вѣ бесчестье премѣня,
Взяла свирѣпо жизнь два раза у меня.

СЕМИРА.

На что мнѣ вѣ свѣпѣ жишь, коль вѣ немѣ тебя не будетѣ?
Иль мыслишѣ ты, тебя Семира позабудешѣ?
Коль намѣрлешся ты самѣ себя убишь;
Жестокой, для чево ты спалѣ меня любишь?

РОСТИСЛАВЪ.

Чтобѣ раздражишь опца, и пресупишь усшавы,
Предать отечество, лишишься вѣчной славы,
И оставляючи себѣ вѣ попомство срамѣ,
Вѣ презрѣнии умереть кѣ швоимѣ однимѣ слезамѣ.

СЕМИРА.

Любовь, ко мнѣ, тебя пресупкомѣ опягчила:
Не спорю; я тебѣ всѣ бѣдства приключила.
Когда жѣ ты для меня вѣ полики впалѣ бѣды;
Сними съ напашей сихѣ желанныя плоды!

Ты славу возвратишь; ты только расцвѣтаешь;
Вспомни Ростиславъ, что ты Семирой паешь!

РОСТИСЛАВЪ.

Кто добродѣтеленъ и сталъ преступникъ правъ,
Во беззаконьи пошъ не чувствуетъ забавъ,
Не услаждается ни чѣмъ на свѣтѣ болъ.
Послѣдовавъ пвоей несправедливой волѣ,
Я честенъ, но въ дѣлахъ злодѣйскихъ уполенъ:
Злодѣй, хоть къ честному поступку я рожденъ,
Любимъ къ нещастію, гонимъ опцемъ достойно:
И не могу еще и умереть спокойно!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЪ и ВОИНЪ съ Ростиславо-
вымъ мѣчемъ.

ВОИНЪ.

Народъ, о государь! твой мѣчъ тебѣ даетъ,
И войско къ своему тебя спасенью ждетъ.
Не медли и ступай, Оскольдъ уже во градъ,
Мы гибнемъ всѣ теперь, родитель твой въ осадѣ.
Спаси ево и насъ.

РОСТИСЛАВЪ отходя.

Или погибну самъ.

СЕМИРА.

Когда придетъ конецъ шоль горестнымъ часамъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЕМИРА и ИЗБРАНА.

СЕМИРА.

Пойдемъ, пойдемъ, опсель мы въ вышнія чертоги,
 И будемъ зрѣти то, чѣмъ мя накажутъ боги - - -
 Поди одна; моихъ къ тому не станетъ силъ:
 Часъ брани мысль мою преспрочно раздѣлилъ.
 Поди и принеси оправы въ смертну рану.
 Ково, увы! изъ нихъ оплакивать я стану!

ЯВЛЕНІЕ V.

СЕМИРА одна.

Нежалостливый рокъ съ обихъ странъ шумитъ:
 Съ обихъ странъ на мя ужасный громъ гремитъ;
 Гдѣ скроюсь бѣдная! Нещастливой Семирѣ
 Убѣжища не знашь, во всемъ пространномъ мирѣ.
 Кому шеперь желать успѣха я должна?
 Съ однимъ я жаркою любовью сопряжена,
 Съ другимъ произвела мя въ свѣтъъ одна ушроба:
 Обѣимъ я мила, они мнѣ милы оба.
 Въ сей грозный часъ имъ вѣкъ, съ побѣдою сплещенъ,
 И топъ изъ нихъ умретъ, кто будетъ побѣжденъ;
 Такъ можно ли на чемъ желаніе уставишь,
 Иль праведной поски хоть малу часть убавишь?
 Что спражду я шеперь въ мученьяхъ таковыхъ;
 Вы винны въ томъ, ахъ! вы заразы глазъ моихъ:
 Къ гибели моей природой вы мнѣ данны,
 Герою въ младости на бѣдѣтва несказанны!

А братъ мой днесъ опѣ узѣ хопь вами и спасенъ;
 Но спрашный облакъ сей еще не пренесенъ,
 Который крылъ ево: онѣ душу угнепаетъ,
 И надѣ главой еще Оскольдовой летаетъ.
 Подайте, небеса, съ побѣдою ему,
 Покой ево сестрѣ и городу сему:
 Пошлите къ намѣ опять драгя дни свободы:
 И миромѣ согласивѣ прошивныя народы,
 Позвольте царствовать Оскольду въ сей спранѣ,
 И Роспиславовой супругой быши мнѣ!
 О суешная мысль! на что меня прельщаетъ?
 Ты помно сердце мнѣ иное предвѣщаетъ.
 И знаковѣ нѣшѣ тому, чево желаю я:
 Прямова щаспя лишенная часть моя.
 Терпѣть различныя напаси я рожденна,
 И чпобѣ умножишь ихѣ, любипи осужденна.
 Но се во градѣ я смѣшенный слышу гласѣ;
 И слышу звукѣ мѣчей: пришелѣ мой люшый часѣ.
 Спонѣ ближися, и шумѣ побѣда умножаетъ.
 Кого острѣ мѣчѣ изѣ васѣ, о князи поражаетъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЕМИРА и ИЗБРАНА.

СЕМИРА.

Скажи, что здѣлалось: еще ли братъ мой здравъ,
 Восходишь ли на шродѣ? и живѣ ли Роспиславъ?

ИЗБРАНА.

О жизни ихѣ сказать ни мало я не знаю,
 Впоричный только плѣнѣ войскѣ нашихѣ вспоминаю.

СЕМИРА.

Когда не вижу я конца народныхъ бѣдъ;
Такъ брата моего конечно больше нѣтъ?

ИЗБРАНА.

Во многояюдспвѣ я ево не узнавала,
И только видѣла, что наша сила пала.

Я В Л Е Н І Е VII.

СЕМИРА, ИЗБРАНА и ВИТОЗАРЪ,

СЕМИРА.

Оскольдъ опять плѣненъ? но ахъ! ужъ нѣтъ ево!
Не буду больше зрѣть я брата своего!

ВИТОЗАРЪ.

Онъ живъ еще - - -

СЕМИРА.

Онъ живъ? и хочетъ жить въ неволѣ?

ВИТОЗАРЪ.

Не долго будетъ онъ то чувствовати болѣ;
Уже мѣчемъ пронзенъ - - -

СЕМИРА.

Жестокой Ростиславъ,
Возможенъ ли ты быть передомною правъ!

ВИТОЗАРЬ.

Не обвиняй ево, не мни о немъ пы злобно,
И выслушай княжна, печальну вѣсть подробно.

СЕМИРА.

О пагубная вѣсть! о мой смущенный духъ!
(Витозару.)
Пронзай сей вѣстію, пронзай Семиринъ служъ!

ВИТОЗАРЬ.

Твой князь сіи слова въ мои уста влагаешъ;
Онъ, самъ тебѣ открышь оіе, изнемогаетъ.
Разбивъ своихъ враговъ и простирая гнѣвъ,
Оскольдъ вломился въ градъ, какъ раздраженный левъ:
Ужъ наше воинство почти плѣненно зрилось;
Но Ростиславъ пришелъ; и щасье претворилось.
Мы взяли верхъ, Оскольдъ спалъ скоро покоренъ,
И сверженный съ коня былъ паче разъяренъ:
Мешался и рубилъ, но близко плѣнъ свой видя,
Свой мѣчъ вонзилъ въ себя, живопъ возненавидя.
Умретъ; но столько онъ еще имѣетъ силъ,
Чтобъ могъ прійти къ тебѣ.

СЕМИРА.

Гокъ тако брань свершилъ!
Се часъ желаннаго веселья и покою!
На вѣки расстаюсь, Оскольдъ, уже съ побою!

Я В Л Е Н І Е. VIII.

Т Ъ Ж Ъ и РОСТИСЛАВЪ.

С Е М И Р А.

Ты славенъ спалъ опять: прошла твоя напасть:
 Не премѣняется моя едина часть.

РОСТИСЛАВЪ.

Когда страдаешъ ты, и я тогда страдаю,
 И скорбію своею тогда не обладаю.
 Люблю тебя сто разъ я больше живопа:
 Твоя княжна меня плѣнивша красота,
 Твоими горестями мя равно огорчаетъ.

С Е М И Р А.

Какія мнѣ бѣды судьбина приключаетъ!
 Мой князь, дражайшій князь, преспанъ о мнѣ жалѣшь!
 Дай праху моему безъ слезъ твоихъ исплѣшь!

РОСТИСЛАВЪ.

Какія то слова! что слышу я драгая!
 Ты грудь мою пѣснишъ, весь умъ разсѣвала.
 Преодоли себя, сноси поску, сноси,
 Сноси дражайшая, и жизнь мою спаси!
 Умѣрь излишество мученія сердечна!
 Ты гонишъ въ гробъ меня: не будь безчеловѣчна!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ОЛЕГЪ, РОСТИСЛАВЪ, СЕМИРА, ОСКОЛЬДЪ,
 котораго вѣдутъ два изъ ево воиновъ, ВИТОЗАРЪ,
 ИЗБРАНА и ОЛЕГОВЫ ВОИНЫ.

СЕМИРА.

Прежалоснѣйшій видѣ! смертельный сердцу ядѣ!
 Несчастная сестра! * возлюбленный мой братѣ!

(* Бросается къ Оскольду.)

ОСКОЛЬДЪ.

Не возвратишь меня ни плачемъ, ни шоккою:
 Спокойся ты; а мнѣ отверзла дверь къ покою.
 Не плачь и ободришь.

СЕМИРА.

Могу ль не плакать я!

ОСКОЛЬДЪ Олегу.

Тебѣ дала, Олегѣ, побѣду часть швол,
 А мнѣ моя судьба отверзла двери гроба,
 Должна прекращена шеперь бытъ наша злоба.
 Будь къ плѣннымъ милосливъ, отдай свободу имъ,
 И храброй сей народѣ соедини съ своимъ.
 Ручаюсь за нихъ! вѣрь мнѣ и будь въ надеждѣ,
 Что будущѣ такъ служить, какъ мнѣ служили преждѣ.
 Щедроша къ плѣнникамъ ешь выше всѣхъ побѣдѣ
 И милосердія ни что не превзойдетъ.
 Плѣняетъ и шيرانъ, когда судьбѣ угодно;
 А милосливымъ бышь, герою только сродно.
 Хотя сей горькій часѣ, что зрюся я въ плѣну,
 И что зрю свѣтъ еще споная, и клянущу;

Но естли мнѣ не бысть прося оприновеннымъ;
 Я сей пославлю часъ, часомъ благословеннымъ.
 Исполни побѣдивъ прошеніе мое.

ОЛЕГЪ.

Исполнися Оскольдъ желаніе швое.
 Когда бѣ и вѣ живомъ швоемъ Олегъ былъ воленъ,
 Хотя бѣ не царствуя ты не былъ имъ доволенъ;
 Я всѣ бы способы къ тому упопробилъ.
 Какъ много гналъ тебя, шакъ много я любилъ.
 Достоинъ вѣ гордости ты былъ жестокой казни,
 А днесь достоинъ ты всея моей пріязни.
 Но поздно вѣ жалости гонѣнья предложишь.

ОСКОЛЬДЪ.

Я больше не могу и не желаю жить,
 Доволенъ, что народъ не вѣ ухахъ оставляю:
 Что честь мою и ихъ оиъ иа избавляю.

(Роспиславу указывая на Семиру.)

Ее вручаю я, любезный другъ, тебѣ.
 Ты ей желаешь благъ, колико самъ себѣ.
 Вѣнчайте жаръ сердецъ, живите неразлучно,
 Вѣ согласіи, вѣ любви и вѣ вѣкъ благополучно.
 Забудьте горести, которыя прошли,
 И веселитесь, вы щастіе нашли.
 Спѣнanjemъ радости своей не разрушайте,
 И только иногда меня воспоминайте.

РОСТИСЛАВЪ.

Когда ты смертію отъемлешся у насъ;
 Я радости своей не чувствую вѣ сей часъ.
 Коликимъ горесіямъ подвластны человеки!
 Проси, любезный другъ, проси мой другъ на вѣки.

ОСКОЛЬДЪ Семирѣ.

А ты сестра моя, не плачь; не плачь о мнѣ;
 Но защитицай людей въ родительской странѣ,
 Которы съ таковой намъ вѣрностью служили,
 И кровь свою за насъ со всей охотой дали.
 Предстательствуй за нихъ --- мой духъ опходитъ прочь,
 И щамиръ въ очахъ моихъ лучъ солнца вѣчна ночь,
 Прости.

СЕМИРА.

О боги!

ОСКОЛЬДЪ.

Ахъ! - - - не рвись - - -

(Оскольдъ умираетъ и сносится.)

СЕМИРА.

Увы, лишилась:

Лишилась брата я, и часъ ево свершилась!
 О мой любезный братъ, оставилъ ты меня,
 И щещно вопію терзаясь и спѣня,
 Спѣнанья моего ты болѣе не внемлешь:
 Въ поскѣ моей уже участья не приемлешь!
 Рокъ, чью ты нынѣ жизнь свирѣпо пересѣкъ!
 Прерви плачевный день, и мой несчастный вѣкъ!
 (Падетъ въ руки къ Избранѣ.)

РОСТИСЛАВЪ.

Дражайшая княжна!

СЕМИРА.

Вся кровь во мнѣ кладѣтъ.

ОЛЕГЪ Семирѣ.

Великодушіе побой да свладѣетъ!

РОСТИСЛАВЪ.

Симѣ жалкимѣ зрѣлищемѣ смущенѣ смертельно я:
 О небо уполи шоску и скорбѣ ея,
 Скончай печальны дни, вѣ которы мы терпѣли,
 И здѣлай, что бѣ сердца вѣ любви безѣ слезѣ кипѣли.

Конецъ трагедіи.

Я Р О П О Л К Ъ

И

Д И М И З А ,

Т Р А Г Е Д І Я .

*Представлена въ первый разъ въ Санктпетер-
бургѣ на Императорскомъ театрѣ
въ 1758 году.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВЛАДИСАНЪ, Князь Россійскій.

ЯРОПОЛКЪ, сынъ ево.

СИЛОТЪЛЪ, перьвый бояринъ.

ДИМИЗА, дочь ево.

РУСИМЪ, любимецъ Владисановъ.

КРЪПОСТАТЪ, наперсникъ Ярополковъ.

Дѣйствіе въ Кіевѣ, въ Княжескомъ домѣ.

ЯРОПОЛКЪ и ДИМИЗА

Т Р А Г Е Д І Я .

Д Ъ Й С Т В І Е І .

Я В Л Е Н І Е І .

ЯРОПОЛКЪ и КРѢПОСТАТЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Всему пришелъ конецъ, что въ свѣтѣ льстило мнѣ:
Превратио все теперь въ печальной сей странѣ.
На что мнѣ больше жизнь! Димизы я лишаюсь.

КРѢПОСТАТЬ.

Я слѣдствій вашей любви успрашаюсь;
Ощущъ твой ярошенъ, а ты не шерибливъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Покоренъ я ему, доколѣ буду живъ.
Извѣстенъ мнѣ законъ родителъскія власпи?
Но памяшенъ и жаръ любовныя мнѣ спраспи.

Не буду сопряженъ супружествомъ съ иной.
 Могу ли позабышь, Димиза, взоръ я пвой!
 Повиновеніе мое къ опцу велико;
 Но вѣчно поперяшь сокровище полико,
 Въ копоромъ все мое веселье состоитъ,
 Чѣмъ мысль моя полна, и чѣмъ вся кровь кипитъ,
 Не леза, колико я о томъ бы ни спаралеза;
 Ни чѣмъ людямъ ни кто такъ много не прельщался.

КРѢПОСТАТЪ.

Отецъ тебѣ сказалъ: усилиши свой пронъ,
 Соекунишь тебѣ съ какой княжною онъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Онъ силенъ безъ пого: а я одной желаю
 Димизиной любви, въ копорой я пылаю.

КРѢПОСТАТЪ.

Изъ главныхъ всѣ тому спараются прешить,
 Къ чему тебѣ отецъ не хочетъ допустить.
 Тѣ очи, кои днесъ пвоимъ очамъ поль мила,
 За Силопѣловой сполны приемаюшь силы,
 Повѣренность ево, копоры подопруть.
 Знатнѣйшія теперь о томъ имѣюшь прудъ,
 Чпобъ зависъ, коею корону заразили,
 Въ благопристойности лукавствомъ погрузили:

ЯРОПОЛКЪ.

Я почно вѣдаю о всемъ лукавствѣ ихъ:
 Рушители они приятныхъ дней моихъ.
 Послѣдній Кій въ пвоемъ остануса я родѣ.
 Умру безчаденъ.

КРѢПОСТАТЬ.

Ты надежда въ семь народѣ.
 По Кіѣ скиптра былъ преемникъ твой отецъ,
 А ты содѣлаешь наслѣдію конецъ.
 Кій сродникъ былъ тебѣ, продли ево ты плѣмя.
 Коль премѣнилось швое приятно время;
 Пекися одолѣшь волненіе души,
 И неполезный огонь шуши ты князь, шуши.

ЯРОПОЛКЪ.

Не утушимъ сей огонь; такъ ты на что вѣщаешь,
 Чѣмъ только болѣе ты душу возмущаешь?

КРѢПОСТАТЬ.

Но страсть швоихъ ушѣхъ къ тебѣ не привлечетъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Однако жизнь мою конечно пресѣчетъ.

КРѢПОСТАТЬ.

Хоть полно сердце я болѣзнію имѣю;
 Словъ нѣшъ, когда себя увѣщевашъ не смѣю.

ЯРОПОЛКЪ.

Исчезли радости: прошелъ мой вѣкъ драгой:
 Въ какомъ смяшеніи, въ какой я грусти злой!
 Вся мысль утоплена моя въ прельсшившемъ взглядѣ.
 О другъ мой, что зачну къ малѣйшей мнѣ оградѣ!

КРѢПОСТАТЬ.

Се здѣсь и Силошѣлъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ЯРОПОЛКЪ, СИЛОТЪЛЪ и КРѢПОСТАТЪ.

ЯРОПОЛКЪ.

Спокойство прешекло,
Которое меня въ свойство къ тебѣ влекло.

СИЛОТЪЛЪ.

Я часто дочери вѣщалъ печально слѣдство:
Любовь ея къ тебѣ преобразилась въ бѣдство.
Не помня, что въ моемъ неправды сердцѣ нѣпѣ,
Димизиѣ жаръ весь дворъ моимъ лукавствомъ чпещѣ,
Горячность подлинну въ припворство премѣняющѣ,
И ею всѣ меня безвинно обвиняющѣ,
Прибытковъ собственныхъ я сроду не искалъ,
И лишѣ для общія попѣ пользы проливалъ.
Не удивительно, что многимъ досаждаю;
Я истинну храня спростямъ не угождаю.

ЯРОПОЛКЪ.

Какой совѣтъ подашь ты мнѣ мой другъ пещерь?

СИЛОТЪЛЪ.

Надежду потерявъ ты скорбь свою умѣрь,
И о свойствахъ со мной уже не мысли болѣ:
Послѣдуй безъ упорствѣ родительской ты волѣ.

ЯРОПОЛКЪ.

Чтобъ я супругомъ былъ не дочери твоей!
Я буду, Силотѣлѣ, до смерти вѣренъ ей.
Какъ много я люблю, тебѣ невѣроятно:
И все безъ сей драгой мнѣ въ свѣтѣ неприятно;

КЪ ней всѣ желанія мои устремлены,
И ея мысли всѣ одной напоены:
Я болѣе уже собой не обладаю:
Не исцѣлима скорбь, въ которой я спрадаю!

СИЛОТѢЛЪ.

И въ крайнихъ горестяхъ будь мужественъ всегда,
Тоска не принесетъ и стонъ тебѣ плода.
Коль чье желаніе съ судьбою не согласно,
Не уполяшь ево, есть, мучишься напрасно;
Храни ты здравіе, и представляй себѣ,
Что вся надежда здѣсь народная въ тебѣ.

ЯРОПОЛКЪ.

По Владисанѣ пусть народомъ той владѣетъ,
Кто вѣрную забышь любовницу умѣетъ.
Хотя Димизы я и скипетра лишусь;
Другой супругомъ бышь я въ вѣкъ не соглашусь.

СИЛОТѢЛЪ.

Такъ спала дочь моя на шо тебѣ любезна,
Что бѣ жизнь твоя была народу бесполезна.

ЯРОПОЛКЪ.

Не будуиъ пользоваться дни злыя ни ково:
Жалѣй, о Силотѣлѣ, несчастного сево!

СИЛОТѢЛЪ.

Противься смертной сей перпѣніемъ досадѣ;
Коль заперты уже пупи къ твоей опрадѣ.
Единый только я совѣтъ тебѣ даю:
Будь швердъ и одолѣй, о князь, любовь сію!

ЯРОПОЛКЪ.

Коль ты отрады мнѣ ни въ чемъ не обрѣтаешъ,
 И только грудь мою тяжелѣ угнешаешъ;
 Еще къ родилелю съ прсменіемъ пойду,
 И со спѣнаніемъ къ ногамъ его паду.

ЯВЛЕНІЕ III.

СИЛОТЪЛЪ одинъ.

Отчаянѣ ево шуда препровождаетъ:
 Кто любитъся, всегда томъ, слѣпо разсуждаетъ.
 Онъ знаетъ что къ тому не склонится опецъ:
 Движеня странны всѣ любовничьихъ сердецъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СИЛОТЪЛЪ и ДИМИЗА.

СИЛОТЪЛЪ.

Нѣтъ пользы въ томъ, что ты смущаяся спонаешъ:
 Лишь только что меня ты тѣмъ огорчешъ.

ДИМИЗА.

Отъемлетъ у меня рокъ радостныхъ дни,
 И оставляетъ мнѣ мученія одни:
 Великъ любезнаго на вѣки мнѣ лишашся;
 Въ толь люшыхъ горестяхъ могу ли не смущашся?

СИЛОТЪЛЪ.

Крѣпися дочь моя, колико лъзя крѣпись,
И предъ любовникомъ, какъ можешъ, ободрись:
Крѣпись; печаль швою злой рокъ пренебрегаетъ:
Крѣпися; грусть швоя тебѣ не помогаетъ.

ДИМИЗА.

Такъ много лъзя ли мнѣ себя преодолють!
Могу ли на него безъ жалости возрѣшь,
Безъ слезъ по вымолвишь, что я его лишаясь,
И безъ рыданія, что вѣчно съ нимъ прощаюсь!
Наставшія часы, и потъ дражайшій вѣкъ,
Копорый, на всегда, какъ сладкій сонъ пролекъ,
Дни будущихъ временъ, конецъ моей надеждъ,
И жизнь, копорыя ждала себѣ я прежде;
Всю грудь мою спѣснятъ, смянутъ весь разумъ мой,
Какъ только лишъ ево увижу предъ собой.

СИЛОТЪЛЪ.

Пресильный ты ударъ ему приготавлиаешь!
Разсудно ли теперь, Димиза размышляешь?

ДИМИЗА.

Толь пламенно горя, съ сей нѣжностью любя,
Всѣ радости свои на свѣтъ семѣ губя,
Удобно ль больше мнѣ имѣши разсужденье!
Едина только смерть мое освобожденье.

СИЛОТЪЛЪ.

Не съ тѣмъ желаніемъ я дочь мою роснилъ,
Что съ рокъ дни младости цвѣтущей прекратилъ.
Природа нудитъ насъ спраснямъ повинованья;
Но разумъ намъ велишь спраснямъ сопротивлянья.

Оспавъ, оставъ любовь и слѣлуй пы уму:
Препяшетвуй дочь моя пы сердцу своему.

ДИМИЗА.

Что вижу я! - - - увы!

СИЛОТѢЛЪ.

Хоть мало припворися:
Хоть ради пы меня судьбинѣ покорися!

Я В Л Е Н І Е V.

СИЛОТѢЛЪ, ЯРОПОЛКЪ и ДИМИЗА.

ЯРОПОЛКЪ.

Димиза - - - о злой день! - - - прошелъ нашъ вѣкъ
драгой:
О боги! - - - какъ могу распаться я съ побой!

ДИМИЗА.

Гдѣ я! - - - о рокъ! - - - увы! - - - о казнь ужа-
сней гроба! - - -
Я гибну - - - ажъ, мой князь!

ЯРОПОЛКЪ.

Увы! мы гибнемъ оба.

СИЛОТѢЛЪ.

Стѣню, что вашей я любви не претилъ,
И ешраси власловашъ сердцами допусилъ;

Но время отошло и въ раскаленную полѣзну;
Тебя въ поски зрю, князь, въ слезахъ зрю дочь лю-
безну.

Се плодъ любви вамъ несчастна дочь моя,
Тебѣ покъ горькихъ слезъ, тебѣ попка твоя?

ЯРОПОЛКЪ Силошѣлу.

Я строгости отца ни чемъ не умѣрляю.

ДИМИЗА.

Ково, любезный князь, ково я днесъ перяю!

СИЛОТѢЛЪ.

Когда родителей твоя ни чѣмъ не колебимъ;
Ты щещно любишь, князь, и щещно ты любимъ.
Я знаю, что любовь не состоитъ во власти;
Но вредно жершвовать поскою и плачемъ спраспи.
Я вѣдаю и зрю колико грусно вамъ:
Увѣзевая васъ я спражду съ вами самъ;
Однако всемъ троимъ намъ должно укрѣпляться. . . .
Не вяшенъ мой совѣтъ!

ДИМИЗА.

Я буду вѣчно рвашья.

СИЛОТѢЛЪ.

Возлюбленная дочь, любовь тебѣ вредна;
Но спраждешъ отъ любви ты вѣ свѣтѣ не одна!
Довольно естъ дѣвицъ вѣ любви тебѣ подобныхъ,
Которы мучились отъ приключеній злобныхъ,
И горести свои старались усладить,
То давъ перпѣнью, чевѣ не ушвердить.
Ты плачешъ, и вѣ слезахъ рѣчей моихъ не внемлешъ!
Рыдаешъ, и мои ты крѣпости отѣмлешъ!
О дочь моя, бреги, бреги ты дни свои!

ДИМИЗА.

Взирай, любезный князь, на слезы твѣ мои!

ЯРОПОЛКЪ.

Немилосердное несчастнымъ приключенье!
Возри дражайшая и на мое мученье!
Къ чему, родитель, я тобою приведенъ!
На что тобою я, на что на свѣтъ рожденъ!

СИЛОТЪЛЪ.

Что жъ дѣлать, коль судьбой вамъ такъ опредѣленно?
Отъ васъ веселіе на вѣки удаленно.

ДИМИЗА Силотѣлу.

Оправды ни какой я больше не ищу;
Ни въ чемъ оправды нѣтъ: терзаюсь и грущу.
Прогнать опчаянье не вижу больше следства,
И предаю себя на горести и бѣдства.

ЯРОПОЛКЪ.

Меня моя напасть ко гробу приведетъ:
Мнѣ счастья безъ нее ни въ чемъ на свѣтъ нѣтъ;
Грустнѣлъ бы безъ нее я всѣ оставши лѣта,
Хотя бѣ я былъ царемъ всего проспанна свѣта!

СИЛОТЪЛЪ.

Когда бы меньше я отечеству служилъ;
Спокойно бы въ мсемъ отечествѣ я жилъ.
Народъ бы всякой день былъ сильными обидимъ,
Я не былъ бы ни къмъ изъ знапныхъ ненавидимъ!
Желали бы они взнестися ей на пронъ,
А ты бы не позналъ каковъ любовный спонъ.
Какъ стало быть ея лицо тебѣ пріятно,
Я шажко воздыхалъ о томъ и многократно,

И мнилъ что будетъ то, что здѣлалось теперь.
 Покинь, о государь, покинь мою, пы, дщерь!
 Не страшно, что спремясь ко мнѣ злодѣйство жа-
 ждетъ;
 Но честь моя теперь отъ злыхъ навѣстовъ спраждетъ;
 Отецъ твой мыслишь, я въ сей бракъ влеку тебя;
 Чшобъ только больше шѣмъ возвысипи себя.

ЯРОПОЛКЪ.

Когда, родитель, былъ таковъ пы грозенъ сыну!
 Мой другъ, о Силошѣлѣ, ее ли я покину!

ДИМИЗА.

Я знаю, что уже, любезный мой отецъ,
 Мой плачъ не умягчипъ жестокихъ шѣхъ сердецъ,
 Которы, на меня съ нимъ, нынѣ вооружены;
 Но неисцѣльной мы любовью заражены.

Я В Л Е Н І Е VI.

Т Ъ Ж Е и П А Ж Ъ .

П А Ж Ъ .

Предъ княземъ бы предсталъ не мѣдя Силошѣлѣ - - -

СИЛОТѢЛЪ.

Скажи, что я къ нему и самъ ийши хотѣлѣ.
 (Пажъ отходитъ.)
 (Ярополку.)

Онъ хочетъ говорить еще о томъ со мною.

ЯРОПОЛКЪ.

Но я не сопрягусь во вѣкъ ни съ кѣмъ съ иною.

ДИМИЗА.

Мой плачъ и скорбь мою изобрази ему :
Ищи что лязя сыскашь къ спасенью моему ;
Но не пропивься ты ево излишно волъ ,
И ахъ ! не раздражай ево ты мною болъ !

СИЛОТЪЛЪ.

Инова Владисанъ уже не учинишъ.

ЯРОПОЛКЪ Димизъ.

А Ярополкъ тебъ по смерть не измѣнишъ.

СИЛОТЪЛЪ.

Согласны нынѣ все на васъ случаи люпы .
О гнѣвныя судьбы ! жестокия минушы !
Великодушіе оспалось только вамъ .

ДИМИЗА.

Отчаянне одно оспалось только намъ .

Я В Л Е Н І Е VII.

ЯРОПОЛКЪ и ДИМИЗА.

ЯРОПОЛКЪ.

Въ какой меня днесъ часъ ты видишъ предъ собою !
Разспанусь на всегда , дражайшая , съ тебою .
Въ малѣйшей зря тебя я грусти не бывалъ ,
И часто въ радостяхъ весь свѣтъ позабывалъ :
А нынѣ нѣжность та въ мученье претворилась ,
И радостная жизнь отъ насъ на вѣки скрылась .

ДИМИЗА.

По что произведенъ ты, князь, не равнымъ мнѣ!
 По что родился ты владѣши въ сей странѣ!
 Мнѣ щасливою бытъ ни что бы не мѣшало,
 И все бѣ меня еще, какъ прежде утѣшало:
 Въ спокойствѣ бѣ я жила и отдаленна бѣдѣ.
 Веселости мои уже васъ больше нѣтъ!
 Превыше силъ моихъ нещастіе мнѣ строго!
 На что я, о мой князь, люблю себя такъ много!

ІЯРОПОЛКЪ.

Равно несносное спраданіе терплю:
 Я милъ себѣ; но ажъ! не меньше я люблю:
 Судьбина всѣ мои веселья помрачила;
 Но спрасъ тебя по смерть мнѣ въ сердцѣ заключила.

ДИМИЗА.

Въ горячности своей имѣючи успѣхъ,
 Другія любяща ища въ любви успѣхъ,
 И полнымъ щаспіемъ исканія вѣнчаютъ:
 А наше пщаніе напасти окончатъ.
 Сей зракъ, которымъ мой духъ слабый зараженъ,
 Сей зракъ, на то, въ моемъ умѣ изображенъ,
 Что бѣ я и день и ночь въ мученьи пребывала,
 И больше бѣ никогда спокойствія не знала:
 Тебя ль забуду я! возможно ль бытъ пому!
 Того забудь, кто толь милъ сердцу моему!
 На то ли мысль моя тобою напоенна,
 Чтобѣ я была, мой князь, всево тобой лишена:
 Чтобѣ нѣжностью моихъ приятныхъ прежнихъ думъ,
 Безперестанно мой огорчевался умъ:
 Чтобѣ я себѣ всегда съ спѣнаньемъ то вѣщала:
 Что прежде въ радостяхъ съ тобою ощущала.

ЯРОПОЛКЪ.

Пускай препятствуютъ случаи какъ хотятъ:
 Ни чѣмъ меня они, ни чѣмъ не опвратятъ.
 Когда безчувственъ я и бездыханенъ буду,
 Тогда любезнѣйша, тогда себя забуду.
 Опедъ пропивъ меня зло можетъ учинить;
 Но вѣрности къ тебѣ не можетъ премѣнить.

ДИМИЗА.

О вѣрность, пверда честь людей любовью плѣнныхъ,
 Терзаніе сердецъ несчастно распаленныхъ!
 Когда бы мучилась побого я одна,
 Еще бы ты была не столько мнѣ вредна;
 А днесь побой своею болѣзнь усугубляю;
 Я гибну, и съ собой друга погубляю:
 Другова, кто мнѣ милъ, и ахъ, милый всево!
 Такая же шоска терзаетъ и ево.

ЯРОПОЛКЪ.

На тронъ наследственный я больше не взираю:
 На все опважиться я для себя дерзаю:
 Безъ робости готовъ напасти претерпѣть;
 Тебя лишаясь мнѣ не спрашно умереть.

ДИМИЗА.

Ты для меня и тронъ и жизнь уничтожаешь:
 А симъ мои еще болѣзни умножаешь:
 Но шаковой себѣ я жертвы не хочу:
 Иль прежде я себѣ дни жизни прекрачу.
 Коль ты народу милъ; попребность ты народна,
 А я единому, мой князь, тебѣ угодна.
 Не помни за всегда горячности моей;
 Однако иногда воспоминай о ней.

Какъ станешъ царствовать, хопя меня не будешъ,
 Совѣща моево, мой князь, не позабудешъ,
 И спанешъ милоспи являпи онъ рабамъ:
 Ихъ бѣдства отвращашъ, шерпѣвъ, мной бѣдства самъ.
 Когда бы я съ тобой на тронѣ пребывала,
 Я бѣ всякой день шебѣ о помѣ напоминала.
 Благополученъ царь, коль искусится онъ,
 Какъ тяжко испускать безъ пользы бѣднымъ стонъ,
 И злополучна я, что я тебя, князь, трачу:
 Безъ пользы я спеню, и безъ надежды плачу.

ЯРОПОЛКЪ.

Желанную мной жизнь побою погубя,
 Ни гдѣ ужъ трона нѣтъ мнѣ больше безъ тебя.
 Сокроются мои съ побою всѣ забавы,
 Все щастіе мое и упованье славы.
 Погибни все, коль сихъ я бѣдѣ не избѣгу. - - -
 Димиза, я тебя покинушь не могу.

ДИМИЗА.

И я не чувствую тебя покинушь, силы.

ЯРОПОЛКЪ.

Прелѣстныя глаза, на что вы мнѣ такъ милы!

ДИМИЗА.

Престань прелѣщаться мной, не множъ тоски своей,
 И помогай, о князь! ты слабоспи моей!

ЯРОПОЛКЪ.

Яви любовь, яви къ спасенью намъ дороги!

ДИМИЗА.

Явите милость намъ о праведныхъ боги!

ЯРОПОЛКЪ.

Всѣ способы для насъ еще употребляю.
А ты меня люби, какъ я тебя люблю:
Отъ горести себя мы можемъ быть избавимъ.

ДИМИЗА.

Другъ друга мы любя, другъ друга въ вѣкъ оста-
вимъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВЛАДИСАНЪ, СИЛОТѢЛЪ и РУСИМЪ.

ВЛАДИСАНЪ.

Чтобъ такъ онъ мнѣ какъ сынъ покорство показалъ,
Совѣшуй ты еще, какъ я тебѣ сказалъ.
Скажи ему, что я склонись ево умѣю;
Я способы прервать упрямыя ихъ имѣю.

СИЛОТѢЛЪ.

Что было можно мнѣ, вѣщалъ я все ему;
Но онъ не слѣдуетъ совѣшу моему.

ВЛАДИСАНЪ.

Послѣдуетъ. Того, ни Силотѣлѣ не знаетъ,
Ни доль ево, что царь исполнить предпримаетъ.
Другова ни чево я ей не приключу:
Но Ярополка съ ней конечно разлучу.

СИЛОТѢЛЪ.

Дай небо, что бы въ томъ имѣлъ ты, царь, успѣхи!

ВЛАДИСАНЪ.

Не для любовныя рожденъ мой сынъ утѣхи;
Рожденъ онъ царствовать гдѣ преставной сей странѣ,
И подражателемъ въ дѣлахъ своихъ быть мнѣ.

Хотя кто всей землѣй въ побѣдахъ обладаетъ;
Онъ плѣнникъ, естли онъ спрасней не побѣждаетъ.
Что въ томъ, что власпвую великой я страной;
Невольникъ я, когда не властвую собой.

СИЛОТѢЛЪ.

Я стражду самъ, что онъ шоико подданъ страсти;
Когда прошивишься она Монаршей власпи,
И не даешъ ему послушнымъ быть ошу,
И угошовишься ко царскому вѣнцу.

ВЛАДИСАНЪ.

Димиза что теперь и мнишь и начинаешъ!

СИЛОТѢЛЪ.

Димиза въ горести лѣешъ слезы, и спонаешъ,
И все шо дѣлаешъ опъ пламени въ крови,
Что свойспвенно шворишь въ нещастнѣйшей любви.

ВЛАДИСАНЪ.

Я знаю кѣмъ она спонаши наученна;
Но скоро будетъ ша наука пресѣченна.

СИЛОТѢЛЪ.

Что только спрасшь одна въ сердца вмѣщаешъ имъ,
Ты спавишь, государь, лукашпвомъ шо моимъ:
Лукавшпво никогда мнѣ въ сердце не вселялось:
Что я ни исправлялъ, все правдой исправлялось.
Свидѣтельствуюся я всею сей страной,
Свидѣтельствуюся я въ томъ самимъ тобой,
Что для услугъ тебѣ покою я лишился,
И для отечества колико я шрудился.
Преспонародно я почтенье презиралъ,
И въ добродѣтели я славу преширалъ,

Не дѣлая сему ни въ чемъ ущерба царству:
И бывъ тебѣ рабомъ былъ рабъ и государству.

ВЛАДИСАНЪ.

Ты всѣхъ число своихъ для общей пользы дѣлѣ,
Не къ пользѣ дѣломъ симъ единымъ перевозшелѣ.
Пошли ко мнѣ ты дочь: я ей скажу поняшно.
А ты по памяшуй, что щастіе превратно.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИСАНЪ и РУСИМЪ.

ВЛАДИСАНЪ.

Пройдетъ съ надеждою ево сей сладкій сонъ.
Не для Димизы сей великолѣпный тронъ.
Кто мнѣ упорствуетъ, тому и я упоренъ.
Я щедрѣ, коль вѣренъ рабъ, и строгѣ, коль не покоренъ.

РУСИМЪ.

Великій государь, коль смѣю я донести:
Я мышлю, можетъ быть вина ево и есть;
Но больше думаю, что вся тому причина,
Димизина любовь и красота едина.

ВЛАДИСАНЪ.

Всему причина онъ: то можно разсудить,
Чтобъ рога своею шѣмъ щастіе утвердить.
Ни чѣмъ лицомъ мой сынъ ни мало не прельстился,
И почно въ дочь ево такъ смертно онъ влюбился.
Иль ей въ красѣ дѣвицъ подобныхъ больше нѣтъ?
Димиза не о немъ; о тронѣ слезы льешь:

Любовникъ иногда разженъ лица пріяпствомъ,
 Любовница къ нему горитъ ево богатствомъ.
 Тѣхъ браковъ много, гдѣ богатство кажется властью,
 И мало, гдѣ одна сочешоваешъ спрасшь.

РУСИМЪ.

Съ Димизой чаще всѣхъ дѣвицъ швой сынъ видался,
 И часто видяся скоряе съ ней спознался.
 Случай и красота принудяшъ воздохнуть,
 И могушъ сѣдинясь швердѣйшу грудь пронушь.
 Димиза, спрасшию, ево не обвиняла,
 И всю ево любовь во дружество вмѣняла.
 Не рѣдко видимъ мы что рушити покой,
 Одинъ къ любви шагъ опъ дружбы намъ шакой.
 Взаимственная спрасшь горячность умножаетъ,
 И нѣжностью сердца удобно заражаетъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Когда не хочешъ онъ лишенъ наслѣдства бышь,
 Любовницу сію онъ долженъ позабышь.
 То можешъ быши: онъ ее и не забудешъ;
 Однако ни когда супругомъ ей не будешъ.

ЯВЛЕНІЕ ШІ.

ВЛАДИСАНЪ, ДИМИЗА и РУСИМЪ.

ВЛАДИСАНЪ.

Жалѣй къвѣшущія Димиза красоты.
 Твой блѣдный видъ лица, дыханій песнопы,
 Мнѣ кажущъ какъ пеперь ты въ грусти безпокойна;
 Не съшуй и моей будь милосши достойна.

ДИМИЗА.

Не шдилась государь, тебя прогнѣвашь я,
Прогнѣвала тебя несчастна спрасть мол.

ВЛАДИСАНЪ.

Коль винности швоей любовна спрасть причина;
Опспань отъ моево преслушнаго мнѣ сына.

ДИМИЗА.

Хопя покинуши ево и не хочу,
Неволею свое желанье прекрачу:
Когда жѣ меня судьба надежды сей лишаетѣ;
Кому, о государь, мой тяжкій спонѣ мѣшаетѣ?

ВЛАДИСАНЪ.

Спѣнаньемѣ суешнымѣ ты вѣ немѣ превозишѣ кровь,
И умножаешѣ вѣ немѣ бесплодную любовь,
Для укрѣпленія вѣ упрямствѣ преслушанья.

ДИМИЗА.

Мой спонѣ пока влечетѣ прошиву, ахѣ! желанья:
Противѣ желанія я симѣ тебя гнѣваю;
Я сына швоево неволею люблю.

ВЛАДИСАНЪ.

Когда швоя со всѣмѣ надежда прекращенна;
Должна безпрочная грусть быти отвращенна.

ДИМИЗА.

Кѣтому нѣшѣ силѣ моихѣ: груститѣ я буду вѣ вѣкѣ;
Не можетѣ веселѣ быть несчастный человекѣ,
Кто толь пресильною напасью побѣдился
Моя горчайша жизнь ни чѣмѣ не усладится;

Несносно поразила жестокой мя ударъ.
 Надежда вся ушла, и весь оспался жаръ:
 Моя спокойна жизнь побоею пресѣченна:
 Всево лишена я, коль съ княземъ разлученна.

ВЛАДИСАНЪ.

Для будущихъ временъ, къ спокойствію своему,
 И свято слѣдуя приказу моему,
 Чтобъ, большія еще, убѣгнути прослуги:
 Назначъ другога мнѣ въ сей день себѣ въ супруги.

ДИМИЗА.

Ты хочешъ, чтобъ была другому я жена!
 Иль мало я еще терпѣшь осуждена?
 Любѣйшую бѣду ты мнѣ усугубляешъ.
 Безчеловѣчно ты Димизу погубляешъ!
 Я только тѣмъ себя въ полъ тяжкій гнѣвъъ ввела,
 Что сыну твоему я стала бытъ мила:
 И только тѣмъ себя единымъ погубила,
 Что сына твоего какъ душу я любила.

ВЛАДИСАНЪ.

Не къ гибели велю Димизѣ посягнушь;
 На истинный ее хочю поставишь путь;
 Чтобъ тѣмъ свой прежній огонь и щещный утушила,
 И сыну моему подобное внушила.

ДИМИЗА.

Удобно ли такой исполниши приказъ!
 Довольно безъ того, уже терзаешъ насъ,
 Что властію ему велишь меня оставишь.
 Ты щизиши горести обѣимъ намъ прибавишь.
 Онъ можетъ безъ того тебѣ послушенъ бытъъ.
 И позабывъ меня другую полюбишь;

На что ему моей невѣрности желашь,
И измѣниши мнѣ ему повелѣвашь;
Для умноженія спѣшанья моего,
И ради пущаго смятенія ево?

ВЛАДИСАНЪ.

То здѣлашь наддежишъ Димизѣ неопложно.

ДИМИЗА.

Увы! ни какъ того исполнишь не возможно!
Жишь съ мужемъ и къ нему не чувствовашь любви,
Къ другому чувствуя пареніе крови,
И слышашь о себѣ шому приличну славу,
Упорно честности и безпорочну нраву.
Могу ль имѣти я супруга во глазахъ,
Коль буду о другомъ спонаши во слезахъ:
Супруга зрѣшь въ одрѣ его поддавшись власти,
И въ серацѣ ощущашь другога къ злой напасти!

ВЛАДИСАНЪ.

Безъ прекословія исполни, что велю.

ДИМИЗА.

О шомъ, о государь! одномъ тебя молю,
Чтобъ ты велѣлъ опселя въ пустыню мнѣ вселишья,
Отъ княжескихъ очей на вѣки удалишья,
Однимъ вздыханіемъ мою питаша спрасть,
И шамъ оплакивашь мою сурову часть.
Въ лѣсахъ я буду жишь: ты будешъ на престолѣ;
Такъ больше ужъ тебя не возмущу опшолѣ.

ВЛАДИСАНЪ.

Чтобъ могъ искоренить надежду всю мой сынъ,
Къ шому лишъ только, бракъ швой, способъ мой одинъ.

Покорствуй: коль еще ты станешь опречаться;
Отецъ твой вскапсся: и можетъ все съ нимъ спастся.

ДИМИЗА.

Въ меня, о небо, ты несчастную ударь!
Изльй ты гнѣвъ на мя несчастну, государь!
Не виненъ Ярополкъ, едина я виновна:
Рази! передъ побой я бѣдная безслова.

ВЛАДИСАНЪ.

Не будетъ больше онъ Димизы лобызать:
А ты должна пошчасъ ошвѣстивіе сказать.

ДИМИЗА.

Не виненъ мой отецъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Что виненъ, я по знаю.

ДИМИЗА.

Клянуся въ помѣ - - -

ВЛАДИСАНЪ.

Я ето препинаю.

Скажи на мой вопросъ, помю я жду конца;
Иль больше жива зрѣшь не будешь ты опца.

ДИМИЗА.

Я купно съ нимъ умру, и сиду съ нимъ къ покою.
Пронзи спѣсенну грудь ты гнѣвною рукою.
Когда низвергъ меня ты въ бездну злѣйшихъ бѣдъ;
Что хочешь дѣлай ты: на что тебѣ ошвѣстѣ?

ВЛАДИСАНЪ.

Дѣвичество себя и младость извиняюшѣ;
 Но дерзости мой гнѣвъ и паче воспаменяюшѣ.
 (Русиму.)

Бели ея опца подѣ спражу ты опдашь.

ДИМИЗА.

Русимѣ - - - о государь! - - - лязь лѣ болѣе спрадашь!

ВЛАДИСАНЪ.

Живопѣ его пресѣчь, мнѣ спойшѣ только слова.
 (Русиму.)

Поди.

ДИМИЗА.

Сѣ кѣмѣ хочешѣ ты, ко браку я готова.

ВЛАДИСАНЪ.

Я всѣ вины опцу Димизы оппустилъ;
 И милость или смерть ему предвозвѣстилъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДИМИЗА одна.

На что, на что такой несчастной жизнь далась!
 Кѣ чему я въ матерней упробѣ зачалась!
 О варварѣ, сѣ кѣмѣ меня ты вѣчно разлучилѣ,
 И что еще ты мнѣ мучитель приключилѣ!
 Велишѣ родителя опѣ смерти мнѣ избавишѣ,
 Такою жертвою, что страшно въ умѣ представишѣ.

О утѣшеніе всегдашніе думѣ моихъ,
 Мой князь! меня беруть на вѣкъ изъ рукъ твоихъ.
 Но только ли, что мнѣ съ тобою разлучаюсь;
 Ведаютъ, въ очахъ твоихъ другому мнѣ вручаюсь;
 Что съ ты невѣрности моей свидѣтель былъ,
 И позабытъ бы то, что всей душой любилъ.
 Спасу родителя, но не такую жертвой.
 Разстанешся со мной, мой князь! но только съ мертвой.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЯРОПОЛКЪ и ДИМИЗА.

ЯРОПОЛКЪ.

Димиза! ты уже престала быть мол.
 Однако вѣдай ты, что твой до гроба я.

ДИМИЗА.

Колико рокъ ни лютъ, какъ счастье мнѣ ни злобно,
 О мой любезный князь! и я твоя подобно.

ЯРОПОЛКЪ.

Тобою казнь моя самой утверждена.

ДИМИЗА.

Я только для тебя на свѣтѣ рождена:
 Я для тебя жила, мой для тебя духъ рвется,
 И для тебя живопъ Ильмень пресѣчешся.

ЯРОПОЛКЪ.

Живопъ!

ДИМИЗА.

Не мни того, что можно долѣ жить;
 Коль мнѣ супругою кому иному бытъ.
 Когда я въ крайности родителея спасала,
 Не помнила сама, что я тогда сказала.
 Когда тебѣ меня невѣрною не зрѣтъ;
 Такъ ты совѣшуй самъ Димизѣ умереть.

ЯРОПОЛКЪ.

Все легче мнѣ, коль духъ останется твой въ тѣлѣ.

ДИМИЗА.

Мнѣ сей противный бракъ всево, что есть тяжелѣ.

ЯРОПОЛКЪ.

Ужасно воображать, не только зрѣши то,
 Чтобъ ты скончала жизньъ.

ДИМИЗА.

А то или ни что,
 Когда увидишь ты съ другимъ меня сопряженну,
 Приятности являть другому принужденну,
 Глаза отъ глазъ твоихъ по всюду отвращаешь,
 И взоромъ ласковымъ другога ужъ прельщаешь?
 Какъ будешь ты терпѣть, чтобъ я тебя чуждалась,
 И предъ совмѣстникомъ твоимъ бы унижалась?
 Какъ будешь помниши, что я твоя была,
 И послѣ сердце я другому отдала:
 Что шю, къмъ твой духъ поль жестоко налипшся,
 Онъ, въ полныхъ радостяхъ, всечасно веселишся.

ЯРОПОЛКЪ.

Прежесточайшая то мука для меня;
 Но здравіе твое и жизнь твою храня,

Не отрекусь ийти на всѣ мученья въ свѣшѣ.
 Тебѣ ли младости умрети въ лупчемѣ цвѣшѣ?
 И какѣ я буду зрѣшь: о какѣ я по снесу!
 Поверженну твою злой смертїю красу!
 Глаза, копорыми мои всѣ чувстввы плѣнны,
 Увижу предѣ собой сномѣ вѣчнымѣ зашворенны.
 Не буду жалоспи въ себѣ я зрѣши въ нихѣ:
 Не будешѣ и внимашѣ спенанїй твы моихѣ.
 И чшобы только пы на мя кидала взгляды,
 Не будешѣ для меня и сей уже опрады.

ДИМИЗА.

Такѣ должно нынѣ мнѣ чужой супругой бышь,
 Или рѣдителя безвинно погубишь?

ЯРОПОЛКЪ.

Спасай ево, и мнѣ въ напаспи помогал,
 Хопя чужал будѣ; лишѣ бушь жива драгая.

ДИМИЗА.

Тяжелѣ смерти мнѣ такой живѣшѣ спо разѣ.

ЯРОПОЛКЪ.

Такѣ что жѣ осталось любезная для насѣ?

ДИМИЗА.

Едина только смерть бѣды мои скончашѣ.

ЯРОПОЛКЪ.

Но что жестокая о мнѣ Димиза чашѣ?
 Иль мнишѣ ты, что тогда и мой минешѣ жарѣ:
 Или горя тобой смерплю такой ударѣ?
 Пропивѣ спремленїя сѣя на насѣ судьбины,
 Сїи намѣ способы остались едины.

Ты хочешъ умертвитьъ любовника, любя!
Не буду больше жить минушы безъ тебя.

ДИМИЗА.

Ни гдѣ пристанища, несчастна, не имѣю.
Играй свирѣпый рокъ ты бѣдностью моею!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЯРОПОЛКЪ, СИЛОТѢЛЪ и ДИМИЗА.

СИЛОТѢЛЪ.

Куда тебя мое спасеніе ввело!
Я знаю какъ по вамъ обѣимъ тяжело;
Но я спасенія такого не желаю,
Которымъ на бѣды васъ нынѣ посылаю.

ЯРОПОЛКЪ.

Намѣренія ты не вѣдаешъ ея:
Предприняла умреть прекрасна дочь швоя.

ДИМИЗА.

Мое желаніе, родителъ мой, не дивно.

СИЛОТѢЛЪ.

Желаніе швое родителю прошивно.

ДИМИЗА.

Такъ мнѣ мучительнымъ себѣ духъ бракомъ льстить:
Или да варварства ширана допустить?

СИЛОТЪЛЪ.

Димизѣ безъ того удобно обойшишься:
 Вѣ далекія спраны должна опселя ты скрышься.
 Я чаю что тебѣ жестокѣ и сей совѣтъ;
 Но лучше для тебя уже совѣта чѣтъ;
 Инова нечево зачатъ тебѣ вѣ семѣ дѣлѣ.
 Бѣги, готово все уйши тебѣ опселя.

ДИМИЗА.

Но спанетъ царь тебя и вѣ томѣ подозрѣвашь.
 Тебѣ вѣ опасности здѣсь должно пребывашь!

СИЛОТЪЛЪ.

Спараніе о томѣ имѣши самѣ я спану.

ДИМИЗА.

О небо! положи иную мысль пирану!
 А ты любезный мой, будь щастливѣ вѣ сей спранѣ,
 И паче мѣры ты не сѣшуй обомнѣ.
 Возпоминай меня; но будь великодушнѣ,
 И будь во всемѣ уже родителю послушенѣ.
 Колико горестъ мнѣ моя ни тяжела;
 Изѣ трехѣ напасшей я легчайшу избрала.

ЯРОПОЛКЪ.

Вотъ наши радости влекутъ, какія слѣдшвы:
 Соизволяю самѣ на собственныя бѣдшвы:
 Мнѣ рокѣ тебя велишѣ драгая покидашь,
 Простишься, и по смерть ужѣ больше не видашь.
 Спупай изѣ града вонѣ: настала жизнь другая. - - -
 Не плачь о мнѣ, не плачь Димиза драгая:
 Не умножай еще ты грусти моя,
 Уже и безъ того изнемогаю я.

Какъ ты распанешся съ любовникомъ на вѣки,
 И будешь шествовать въ спраны опсель далеки;
 Когда простишь опшоль въ края сѣи свой взглядъ,
 Когда ни вобразишь себѣ печальный градъ,
 Мой зракъ тебѣ всегда въ умѣ будетъ представляясь,
 Ты будешь воздыхать, слезами обливаясь.
 Средь темныхъ тамъ лѣсовъ, между высокихъ горъ,
 На ихъ верьхахъ, вездѣ, куда ни вскинешъ взоръ,
 Мѣчпашся буду я тебѣ къ пвоей печали,
 И дни, которыя какъ воды пробѣжали,
 Которы, прежде толь увеселяли насъ,
 И сей плачевнѣйшій разлуки нашей часъ.
 Доволясь тѣмъ однимъ, что мы другъ другу милы,
 Одолѣвай по все, колико спанешъ силы.

СИЛОТѢЛЪ.

Поди любезна дочь ты въ комнаты къ себѣ:
 Все тамъ учреждено: все скажутъ тамъ тебѣ;
 Распанься ты съ своей природною спраною.
 Вопъ ради ты чево воспипуема мною!
 Ты въ часъ нещастливый въ упробѣ зачалась:
 Ты къ горести моей прекрасна родилась:
 Къ чему мнѣ больше жизнь! я жизни ненавижу.
 Прости, ужъ я тебя до смерти не увижу.

ДИМИЗА.

Всѣ радости мои свирѣный рокъ пресѣкъ!
 Прости родитель мой, прости и ты на вѣкъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Димиза! не могу съ тобою я простиписья.
 Мы купно должны всѣ въ пупи опсель пущиписья.
 И гдѣ скончаю я съ тобой драгая спонъ,
 Мнѣ тамъ опечесшво, мнѣ тамо царскій спронъ.

СИЛОТЪЛЪ.

Чтобъ яросненъ на^штя по правдѣ былъ родителемъ!
И чтобъ тебѣ былъ я ко гнѣву предводителемъ,
Нѣтъ: будь послушенъ ты: такъ хочетъ царь, отецъ.

ДИМИЗА Силошѣлу.

И нашихъ пающихъ мучитель злой сердецъ.
Прости князь - - -

ЯРОПОЛКЪ.

Нѣтъ не лзя съ тобою разлучиться.

СИЛОТЪЛЪ.

Ты только болѣе стремишься огорчиться.
Или ты хочешь зрѣть въ чужихъ рукахъ ея,
Иль мертву?

ЯРОПОЛКЪ.

Живу. Ты любовница моя:
Противу всѣхъ препятствъ мнѣ будешь ты супруга.
Въ народѣ многія такъ любящъ мя какъ друга.
Я скоро возвращу погибшій нашъ покой,
Вооруженною спасемся мы рукой.

ДИМИЗА.

Противъ родителя - - -

ЯРОПОЛКЪ.

Онъ будетъ на престолѣ
Но ужъ не разлучитъ меня съ тобою болѣ.

ДИМИЗА.

Какую дерзость ты - - -

СИЛОТЪЛЪ.

Опомнись.

ЯРОПОЛКЪ.

Память ешь;

Но разлученія сего не дѣля мнѣ снести.

Не слышу вашихъ словъ; уставъ внимаю страсти,

И подвергаюся ея единой власти.

(Отходитъ.)

ДИМИЗА.

Остановимъ ево въ ужасной сей судьбѣ.

СИЛОТЪЛЪ.

Къ чему приходитъ онъ, горячностью къ тебѣ!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВЛАДИСАНЪ и ЯРОПОЛКЪ.

ВЛАДИСАНЪ.

Уже Димизино упрямство прекращенно,
И въ послушаніе коронѣ превращенно;
Такъ суешны и пы намѣренья забудь:
Прешанъ пы мнѣ грубись, и мнѣ покоренъ будь.

ЯРОПОЛКЪ.

Царю, родителю, былъ я всегда покоренъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Однако нынѣ спалъ во всемъ пы мнѣ упоренъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Всѣ радости мои въ напасти премѣня,
Не дѣлай, государь, упорнымъ пы меня.
Мученія мои, о жителяхъ небесны,
Единымъ только вамъ, единымъ вамъ извѣстны:
Смятенному вы мнѣ свидѣтели одни,
Хотѣлъ ли разрушить спокойны здѣсь я дни,
Была ль опца гнѣвить душа моя гопова!
О часъ моя, въ сей день, колико пы сурова!

ВЛАДИСАНЪ.

Дѣкъ ты преступникомъ оспашься предпріялѣ!

ЯРОПОЛКЪ.

По днесъ тебя твой сынъ еще не прогнѣвляѣтъ;
 Но о плачевный день, къ чему меня приводишь!
 Къ какой ты спрогости, родителъ мой, приходишь!
 Я сынъ твой; долженъ я тебѣ послушанъ бытъ;
 Но должно ль и тебѣ, что я твой сынъ, забыть,
 И все мои отнять дражайшія забавы?
 Крани, о государь, родителъскія правы!
 А я хранишь готовъ всегда уставы чадѣ.

ВЛАДИСАНЪ.

Во всемъ тебѣ уставъ твоей любезной взглядѣ.

ЯРОПОЛКЪ.

Душа моя очамъ Димизы покоренна;
 Но сына должность, ахъ! - - - еще не претворенна;
 Ты пребуй, чтобъ я долгъ сыновства сохранилъ,
 Но не того, чтобъ я любезной измѣнилъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Преступникъ ты свой долгъ со всеѣмъ позабываешь.

ЯРОПОЛКЪ.

Преступникомъ бытъ ты мнѣ самъ повелѣваешь.
 На то ль дана отцамъ надъ нами полна власть,
 Чтобъ чадамъ приключитъ могли они напастъ?
 Велики имена, коль насъ не утѣшаютъ;
 Великошью своею, насъ только устрашаютъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Когда я именемъ отца ужасенъ былъ,
 Я сына своего послушнаго любилъ;
 Но сыномъ болѣе уже тебя не вижу:
 Преслушнаго раба я въ сынѣ ненавижу;
 Опровергаешъ ты намѣренья мои,
 И щщишься утвердиль забавы ты свои,
 Которы съ мнѣнїемъ отцовымъ не согласны.
 Но знай, что всѣ твои упорности напрасны.

ЯРОПОЛКЪ.

Не щщишься своею ты гнѣва смягчить:
 Меня напастей твоей стремишься ошягчить.
 Представь себѣ мой боль, представь мое мученье,
 Представь жестокое съ Димизой разлученье:
 Что лучше жизни мнѣ, я по тобой гублю:
 Вообрази себѣ, какъ я ее люблю.
 Взятая ея красой, взята моя свобода:
 Мнѣ мнился, что ее одну на свѣтѣ природа,
 Для сердца моего къ любви произвела:
 Толь щедро ей одной прїятности дала:
 Я слѣпо можешъ быть въ нихъ мысли проспираю,
 И красоты ея прїстрасно разбираю:
 Лишь только опѣ пого, что ею я горю,
 Но я на свѣтѣ всѣхъ ее прекраснѣй зрю.

ВЛАДИСАНЪ.

Въ какомъ ни видишь ты ее прекрасномъ цвѣтѣ,
 Пускай она для всѣхъ прекраснѣйшая въ свѣтѣ,
 И прелѣсть ей одной шополика дана;
 Не для тебя она на свѣтѣ создана.

ЯРОПОЛКЪ.

Не для меня! - - - увы! - - - о праведныя боги,
 Толико должны ли родители быть спруги!

За что на казни сынъ побою осужденъ:
Иль только мучишься побою я рожденъ?
Коль ты меня разишь несною посою,
Коль ты меня лишилъ на весь мой вѣкъ покою;
Бери обратно жизнь мнѣ данну отъ тебя,
Но кровь свою во мнѣ несчастливомъ губя,
Хотя разъ вообрази, какъ ты меня терзашъ!

ВЛАДИСАНЪ.

Вообрази, кому пропивишься дерзашъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Когда о пламенной любви я не лгу;
Всему, что въ свѣтѣ есть, пропивишься могу.

ВЛАДИСАНЪ.

Не о любви своей ты наглый увѣряешъ;
Но все свое ко мнѣ почтеніе теряешъ;
А я всѣ наглости внимаю и терплю!

ЯРОПОЛКЪ.

Не можно вымолвить, какъ я ее люблю:
Когда не мню о ней, я мысли не имѣю:
Наполненъ весь мой умъ и сердце только ею:
Я пламенно горю въ безмѣрной къ ней любви,
И чувствую мяжежъ во всей моей крови.
Не жди! о государь, чтобъ я переѣнился;
Пресильно зракъ ея мнѣ въ сердце вкоренился:
Не исцѣлимо спалъ я ею зараженъ,
И въ сердцѣ у нея равно изображенъ:
Къ ней все меня влечетъ, и все мнѣ въ ней прелѣстно:
Ея со мной лице на памяти всемѣстно:
На всякой день ее зрю въ новой красотѣ:
Гдѣ только шла она, мнѣ пропки милы тѣ;

Когда жѣ не для меня на свѣшѣ она родилась,
И ею спрась въ мнѣ бесплодно возбудилась,
Не мѣдли дай мнѣ смерть!

ВЛАДИСАНЪ.

Димизу ты забудь!

ЯРОПОЛКЪ.

Тиранствуй и пронзай опчальную грудь!

ВЛАДИСАНЪ.

Подѣ спражу войны преступника ведите.

ЯРОПОЛКЪ.

О боги, вы мою драгую соблюдайте!

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИСАНЪ одинъ.

Ево ли то языкѣ такѣ дерзко мнѣ вѣщалѣ:
Какую ярость я то слыша ощущалѣ!
Когда такѣ мало ты собою обладаешѣ,
Ты самѣ себя на смерть поносу осуждаешѣ,
На смерть поноскую! о мой любезный сынѣ!
Мой сынѣ! среди такихѣ упорностей и винѣ!
Не сынѣ ты мнѣ: ты врагѣ и крови и короны;
Нѣшѣ жалости во мнѣ тебѣ на обороны.
Но естли гдѣ когда щедропа замолчишѣ;
Опмщеніе одно себя воополчишѣ,
И спрась мучительства едина устремилѣ:
А истина предѣ нимѣ исчезнетѣ иль зашмилѣ.

Но что вѣщаю я! моя ли ето спрассть,
 Чшобѣ сыну надѣ собой дасть первенство и власть!
 Когда не чувствуешѣ мой сынѣ ко мнѣ пріязни;
 Онѣ такѣ же, какѣ и рабѣ, подвержемѣ люшой казни.
 Опстань опѣ пагубной прельспившей красомы:
 Раскайся Ярополкѣ, или погибнешѣ ты;
 Веселье мнѣ швое прошивное промчалось;
 Лишѣ тодько бышіе, швое не окончалось.

Я В Л Е Н І Е Ш.

ВЛАДИСАНѢ, ДИМИЗА и РУСИМѢ.

ДИМИЗА.

Твой духѣ смушила я, великій государь;
 Опмщай смущеніе безѣ жалости, ударь,
 И удареньемѣ симѣ смягчи ты сердце гнѣвно;
 Ты будешѣ безѣ меня вѣ спокойствіи вседневно,
 И сына ты по помѣ начнешѣ послушна зрѣть:
 Я для ради ево гопова умерешѣ.

ВЛАДИСАНѢ.

Ты кѣ браку приступишь сѣ другимѣ уже хошѣла?

ДИМИЗА.

Рви душу ты мою, и оплучай опѣ шѣла;
 Доколь оставишѣ ты меня на свѣтѣ бышѣ,
 Мнѣ сына швоего ни какѣ не любя забышѣ:
 И гдѣ бы ни жила, того не можешѣ спасться,
 Я буду всякой часѣ вѣ умѣ ему мѣчшашѣся,
 Сѣ воображеніемѣ прегорестныхѣ минушѣ:
 Гдѣ будетѣ онѣ и я на памяни все шущѣ;

Рушительницею всегдашняго покою;
 Ево измѣнницей; но только лишѣ пакою,
 Которая о немѣ вздыхаетъ за всегда,
 И позабышь ево не можешъ никогда.

ВЛАДИСАНЪ.

Душа моя побой конечно беспокойна,
 И смерти ты давно упорная достойна;
 Но я тебя еще спараюся хранишь,
 И только лишѣ хочю принудить измѣнить.

ДИМИЗА.

Кѣ какой презрительной ты спраспи принуждаешъ!
 За что невинную такъ строго осуждаешъ?
 Но знаешъ ты, что смерть моя въ моихъ рукахъ:
 А мнѣ не такъ пляжка, какъ сей грозящій спрахъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Но спрашно ль по тебѣ, когда передъ собою,
 Увидишь мертва ты любимаго побою.

ДИМИЗА поднявъ на себя кинжалъ.

Не буду видѣшь я.

(Русимъ кинжалъ у нее
 отнимаетъ)

ВЛАДИСАНЪ.

Попущуся по явишь,
 Тому, кто такъ меня спремился прогнѣвишь.

ДИМИЗА падаетъ на колѣни.

Что только можешъ лишѣ на жалость шя подвигнуть,
 И сердца швоего до внутренней достигнуть,
 Устами по шеперь моими говоришь,
 Какъ будшо равной мнѣ любовію горить:

Представь, въ какія ты суровости приходишь,
И въ каковыя насъ мученія приводишь.

ВЛАДИСАНЪ.

Я слушать не хочу.

ДИМИЗА воставъ.

Спрягай меня съ другимъ,
И разлучи на вѣкъ съ любовникомъ драгимъ:
Миѣ смерть ево по днесъ еще не предвѣщалась:
Исполню твой приказъ, какъ преждѣ обѣщалась.

ВЛАДИСАНЪ.

Безъ нѣжности скажи сіи ему слова,
Чтобъ пѣмъ разсѣялась по граду здѣсь молва,
Что ты, кошорова прошиву правъ любила,
По правоснн совѣмъ изъ сердца испребила:
И чтобы кто съ побой на вѣки разлученъ,
Остался отъ тебя на вѣки огорченъ;
Во хладъ перемѣнивъ горячность онъ сердечну.
Русимъ ошанься вняшь.

(Отходитъ.)

ДИМИЗА.

Рѣчь поль безчеловѣчну!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДИМИЗА и РУСИМЪ.

ДИМИЗА.

Се царь, который судъ и милоснн блюдетъ!
Къ примѣру доброму онъ подданныхъ ведетъ.

О боги, для чего между себя безъ спора,
 Даете скипетры вы смертнымъ безъ разбора,
 И щася на земли неправду истреблять,
 Даете часто власть невинныхъ погублять!

РУСИМЪ.

Я вижу всю ево и самъ неправду ясно;
 Но прощивленіе твое уже напрасно.
 Не можешь ты иной оспрады обрести,
 Какъ только своею любезною спасши.
 Преодоленіе любовью измѣряя,
 Спаси ево живомъ, любовь ево перья:
 И дѣйствіе презрѣвъ шакихъ, какъ онъ царей,
 Подобна будь богамъ, достойна олшарей.

ДИМИЗА.

Я мышлю Ярополкъ шитранспву научиться,
 Изъ сердца твоего я щуюся оплучиться!
 О томъ стараюся, чтобъ ты меня забылъ,
 И мнѣ еще при томъ и неприятель былъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ЯРОПОЛКЪ, ДИМИЗА и РУСИМЪ.

ЯРОПОЛКЪ.

Я присланъ предъ тебя Димиза извѣститься,
 Могу ль горячностью еще твоею льститься,
 И вняшь изъ устъ твоихъ всея мнѣ жизни часть,
 Достойна ли твоей мой любви спросить.

ДИМИЗА.

Ты долго былъ моимъ, а я была своею:
 Теперь уже не по намѣренью имѣю:
 Не ради я тебя на свѣтѣ семъ живу,
 И узы на всегда съ побой нынѣ рву.

ЯРОПОЛКЪ.

Тебя ли вижу я! или вижуся съ иною!
 И ты ль вѣщаешь по! рвешь узы ты со мною?
 Со мной рвешь узы ты любовь ко мнѣ храня,
 И хочешь позабыть невѣрная меня!

ДИМИЗА.

Вся кровь моя побой горѣла и пылала;
 Но гнѣвная того судьбина не желала,
 И извлекла она ненадлежащій жаръ.

ЯРОПОЛКЪ.

Какой, о небеса, я чувствую ударъ!

ДИМИЗА.

Коль мой не сходенъ жаръ ни мало съ дарской волѣй,
 Не соглашаяся съ моей несчастной долѣй;
 Такъ долгъ ево великъ изъ сердца выгнать вонъ.

ЯРОПОЛКЪ.

И вѣчной приключить возлюбленному спонъ.
 Тебя ли вижу я къ себѣ сколько люшу!
 Въ пружесточайшую влюбился я минушу!
 Обманутъ прелѣстью своихъ я живыхъ глазъ,
 Надежду получилъ въ презлополучный часъ!

ДИМИЗА.

Въ презлополучный часъ и я любви спала:
 Надежда предомной мѣчпашельно блистала:

А естѣли мнѣ уже не лѣзя твоею бытъ;
Я спану отвыкашь, мой князь, тебя любить.

ЯРОПОЛКЪ.

Когда бѣ и я имѣлъ такое сердце злобно,
И я бы отвыкалъ любить тебя подобно.
Хотя ты лъвицею меня прошиву будь,
И какъ змѣя соси побой пронзенну грудь,
Доколь я живѣ, тебя Димиза не забуду,
И только вспоминашь одни пріятства буду,
Которыми ты мой преисполняла умѣ.
Не буду о тебѣ иныхъ имѣши думѣ,
Какъ шѣ, которыми до нынѣ я пикался,
Когда мнѣ ложный жарѣ за истинный мѣчтался.
Не спану отъ тебя, Димиза отвыкашь,
Доколь не спанетъ смерть очей моихъ смыкашь:
И какъ мой будетъ духѣ отъ тѣла оплучаешь,
Вѣ безвѣстныя мѣста опселѣ опомчаешь,
Забывѣ передъ собой невѣрности вину,
Со всею нѣжностью тебя воспомяну.
Отспати отъ тебя не ощущаю силы,
И очи мнѣ твои по гробѣ мой будутъ милы.
Какъ хочешъ ты меня свирѣпствуя круши,
Останешся на вѣкѣ милые мнѣ души.
Моя привыкша мысль побою упѣшаешь,
Не дастъ во мнѣ враждѣ съ любовію смѣшаешь:
И какъ она побой меня ни огорчитъ,
Однако никогда тебя не оплучитъ.
Когда безъ тягости ты спрасть одолѣваешь,
Когда безъ прудности меня позабываешь;
Горячность мнѣ твоя со всѣмъ пеперь явна:
Любовь твоя была съ моею не равна.
Кладешъ отправу ты къ моей сердечной ранѣ:
Оставь меня, оставь жестока вѣ обманѣ,
И вѣ мысли сей умереть наполненну мѣчты,
Что я побой любимѣ подобно былъ какъ ты

ДИМИЗА.

Къ чему питати намъ мучительныя страсти,
 Иль только умножать намъ общія напасти;
 Прошли минушы все приятныхъ нашихъ дней:
 Подите вы часы изъ памяти моей,
 Которыя меня столько услаждали,
 И мы которыми безвинно досаждали.

ЯРОПОЛКЪ.

Бунтуешъ кровь во мнѣ, вздымаются власы:
 Ты памятуешъ тѣ жестокая часы!
 Открылось то какъ ты ко мнѣ въ любви пылаешъ;
 Вдыхаешъ и меня изъ сердца высылаешъ:
 Иду отселя еще невѣрную любя:
 Умру и больше зрѣть не буду я тебя.
 (Хочешъ отойти)

ДИМИЗА удержавъ его.

Я можешъ сытъ, мой князь, еще тебя достойна.
 Скажу - - - постой на часъ:

ЯРОПОЛКЪ отходя.

Я рвусь, а ты спокойна.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДИМИЗА одна.

КЪ чему попребенъ былъ припворный мнѣ порокъ!
Сстрадай моя душа! терзай меня злой рокъ!
Отъ сихъ минушъ меня онъ спанешъ ненавидѣть.
О боги, дайте мнѣ еще ево увидѣть!

Конецъ прешьяго дѣйсвія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЯРОПОЛКЪ одинъ.

Неѣастіе мое всѣ мѣры превзошло!

Я вижу одново меня оно нашло,
Кому свои являшь свирѣпства самы злосны,
И стрѣлы на ково бросаши смертоносны.
Пребѣдственна мнѣ моя любовна спрасшь,
Вѣ какую пы меня повергнула напасшь!
А я тебя еще, еще не умѣряю,
Когда побою все на свѣшѣ я перяю?
Я вѣ пламенной къ одной тебѣ любви кипѣлъ,
И только за тебя Димиза я шерпѣлъ:
Мнѣ только за нее пы злобы рокѣ, являешъ!
А пы меня за то, Димиза, оставляешъ!
Я все, и за себя, и опѣ тебя гублю:
А я тебя еще жестокая люблю:
И зря невѣрности еще не премѣняюсь.
Люблю! - - - люблю - - - нѣшъ я Димизѣ поклоняюсь.
Ты бывѣ любовницей мнѣ спала дикій звѣрь;
Терзай невѣрная, терзай меня шеперь,
И сердце разрываи на мѣкїа мнѣ часши,
Когда оно вѣ швоей немилосердой власши!
За искренну любовь шово ль достоинѣ я,
Тово ли опѣ тебя ждала любовь моя?

На полъ меня горѣшь ты жарко научила,
 Чтобъ тѣло ты мое съ душею разлучила,
 Ко взору своему всѣ мысли приманя!
 Тиранспвуй, варварспвуй и погубляй меня!

Я В Л Е Н І Е II.

ЯРОПОЛКЪ и РУСИМЪ.

РУСИМЪ.

Велѣлѣ родителъ твой, тебѣ пвой долгъ представить:
 Попщисъ опѣ ярости суда себя избавишь,
 И общайся ты Димизу позабышь,
 Когда уже во вѣкѣ ея не можешъ бышь.

ЯРОПОЛКЪ.

Я знаю, что она достойна бышь забвенна,
 И знаю, что моя напастъ непрешкновенна;
 Но я ее никакъ забыши не могу,
 И въ сердцѣ къ ней любовь до гроба собрегу.

РУСИМЪ.

Не раздражай еще родителя ты пверда;
 Однако частъ пвоя хопя не милосерда,
 Димизы не вини, невѣрной не зови,
 И оставляй ее доспойною любви.

ЯРОПОЛКЪ.

Предъ симъ часомъ ты зрѣлѣ Димизы добродѣшель,
 Невѣрности ея, Русимъ, ты самъ свидѣшель.

РУСИМЪ.

Вѣщалъ родителъ швой устами шо ея:
Она тебѣ вѣрна, хошя и не швоя.

ЯРОПОЛКЪ.

Вѣрна! - - - невѣрностью ея мой духъ размученъ - - -
Коль ешо истинна; такъ я благополученъ.
Димиза, у тебѣ я въ сердцѣ остаюсь! - - -
Заплачь когда умру; я смерти не боюсь.

РУСИМЪ.

Коль вашей участи судьба не согласила,
Напрасно вамъ любовь надежду приносила.
Превозмогай себя, уже надежды нѣтъ:
И больше не влечи къ себѣ ты новыхъ бѣдъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Не вижу новыхъ бѣдъ; единой я избавленъ,
Что въ сердцѣ у своей любезной я оставленъ:
Другая мнѣ бѣда, что я ее лишусь:
А больше ни о чемъ я въ жизни не крушусь.

РУСИМЪ.

Такъ я для пуцкихъ мукъ о ней тебѣ увѣрилъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Нѣтъ, муки, ты мои и бѣдствіе умѣрилъ:
А въ преслушаніи остаться я хотѣлъ;
На угроженія безъ страха я лепѣлъ.
Но какъ ты вѣдаешь о вѣрности любезной?
Скажи къ оправдѣ мнѣ хошя и бесполезной.

РУСИМЪ.

При мнѣ приказанъ былъ Димизѣ сей приговоръ,
Который сославлялъ съ тобою разговоръ:

Родитель твой грозилъ ей смертію своею.

ЯРОПОЛКЪ.

Мнѣ смерть страшна лишъ тѣмъ, что я разстанусь
съ нею.

РУСИМЪ.

Она съ упорностью съ побоею говоря,
И меньше въ ней еще тебѣ спасенья зря,
Велѣла объявить всю истинну нагую:
И естли любишь ты еще свою драгую,
Чтобъ ты передъ опцемъ упрямство преломилъ,
И избавляя себя, коль вѣришь, какъ ты милъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Пускай свирѣпствуетъ немилосерда доля,
И исполняется родительская воля,
Когда ему на то дана монарша власть,
Чтобъ сыну своему могъ дѣлать онъ напасть.
Срази ты царь меня, имѣя сердце злобно:
Лишь только не срази Димизы ты подобно!

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИСАНЪ, ЯРОПОЛКЪ и РУСИМЪ.

ВЛАДИСАНЪ.

Твоей не можетъ быть Димиза никогда,
И опъ тебя она опспала на всегда:
Ты слышалъ по; преспань о ней уже ты рваться:
И долженъ части ты своей повиноваться.

ЯРОПОЛКЪ.

Повиненъ я во всемъ родителъ мой тебѣ,
 И повинуюся во всемъ моей судьбѣ.
 Бери Димизу ты, спенанія не внемли,
 Но съ нею у меня и жизнь мою отъемли!

ВЛАДИСАНЪ.

Но всѣ твои о ней спаранья суебны;
 Она пришла въ себя, о томъ извѣстенъ ты;
 Она тебѣ сама, чшобѣ ты опсталъ, сказала.

ЯРОПОЛКЪ.

Пусть любу мнѣ она измѣну показала;
 Но мнѣ опсташь не вѣзя, гдѣбѣ я ни пребывалъ;
 Мой рокъ всѣ мысли къ ней и сердце приковалъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Я скоро разорву сіи твои оковы.

ЯРОПОЛКЪ.

Плѣнныя сердца на всѣ бѣды готовы:
 Сильный моей любви ни гдѣ на свѣшѣ нѣшѣ:
 И только смерть одна пакія узы рвешѣ.

ВЛАДИСАНЪ.

Лишивъ меня къ себѣ родительской приязни,
 Къ пражесточайшей ты въ сей день готовься казни.
 Разверзу на тебя свирѣпа ада зѣвѣ,
 И весь пролью во мнѣ тобой возженный гнѣвѣ:
 До внутренности бѣдѣ душа твоя достигнешѣ:
 Сама днешь испинна мя къ ярости подвигнешѣ:
 Безъ милосердія явился власть моя:
 Простру жестокости во всѣ уже края,

Когда ты милости родительски опмѣщешъ:
 Хотя отваженъ ты, ужасно воспрепѣщешъ:
 Прибавьте люлости мнѣ, боги, на нево:
 Щедрому выньте всю изъ сердца моего,
 И дайте совершить намѣреніе строга!
 Вы видите съ небесъ: шерпѣнья было много.

ЯРОПОЛКЪ.

Ко исполненію суровостей своихъ,
 Пристойно ль призываешь помощниковъ такихъ?
 Правители небесъ не могутъ быти злобны;
 Не думай, что они и въ помѣ тебѣ подобны.

ВЛАДИСАНЪ.

Поди изъ глазъ моихъ, не сынъ ты больше мнѣ.

ЯРОПОЛКЪ.

Свидѣтель небо ты моей предъ нимъ винѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЛАДИСАНЪ и РУСИМЪ.

ВЛАДИСАНЪ.

Наполненна моя вся внутренняя адомъ:
 Изъ сердца кровь сосупъ змѣи пияясь ядомъ.
 Не слушай совѣсти обманчивой пеперь,
 И умертви предъ нимъ предателеву дщерь!

РУСИМЪ.

Ты милосивъ ко мнѣ; я вольность шу имѣю,
 Что я тебѣ сказать всѣхъ прочихъ больше смѣю.

Ты спрогѣ, но правленѣ: коль кровь змѣи сосутѣ;
 Такѣ вѣдай, что не правѣ предѣлемый швой судѣ.
 Бреги, о государь, ты истинную славу,
 И слѣдуй совѣсти единыя уставу,
 Правительницѣ душѣ, сей искрѣ божества,
 Внупри невидимо живущей существа!
 Не для ради шво даюшя скиптры вѣ руки,
 Чтобѣ смертнымѣ горести содѣловашъ и муки:
 Не истинной людей, но властью обвиняшъ,
 И вѣ горлости себя сѣ безсмертными равняшъ;
 Великолѣпствующѣ монаржи вѣ помѣ вѣнцами,
 Что ихѣ сѣ усердіемѣ народы чпятѣ опцями,
 И вѣ вѣрности своей спарался горѣшъ:
 За нихѣ сѣ охотою гоповы умерешъ:
 Что силой полныя сѣ короной данной власти,
 Способно имѣ кончалъ и отвращалъ напаси:
 За добродѣтели щедрому всѣмѣ являшъ
 И беззаконіе вѣ народѣ истребляшъ:
 Сердцами властвовать: и властію такою,
 Возмочь бышъ общаго орудіемѣ покою.
 Не для ради себя имѣешѣ царскій санѣ,
 Для пользы общей онѣ тебѣ богами данѣ;
 Не кѣ нападенію владѣй, но кѣ оборонѣ,
 И шмы не прилагай кѣ сіяющей коронѣ!

ВЛАДИСАНЪ.

На что я царь, когда не слушающѣ меня?
 На что мнѣ власть, когда и милоспи храня,
 Одѣтѣ порфиромъ на тронѣ превысокомѣ,
 Всегда свои спраны обѣмля бдящимѣ окомѣ,
 Ни преступленія не буду истребляшъ,
 Ниже преступниковѣ карашъ и погубляшъ?
 Коль ты пренебрегла злодѣйка всѣ угрозы:
 Увянушѣ лиліи красы швоей и розы.
 Смятеніе души, о совѣсть, ты не множѣ,
 И сердце суешно ты больше не превожѣ;

Не внемлю своего я гласа сожалѣнья!
 Поди и исполняй мое благоволенье;
 Въ бесплодной ярости довольно я горѣлъ:
 Вели ее казнить; но чтобы князь то зрѣлъ!

РУСИМЪ.

Храни священныя ты истинны уставы,
 Для человѣчества, для скипетра и славы!
 Почувствуй ты, что духъ твой злобою погранъ.
 Ты былъ поднесъ монархъ, и хочешь бытьши пиранъ:
 Я дерзко говорю; но я не лицемеренъ:
 Колико дерзокъ я, колико я и вѣренъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Внемли: скажи ты ей, чтобъ мужа избрала,
 И тѣмъ надежду всю у князя опняла.
 То ясно, что она не много претворялась;
 Надежда нѣжности ево не поперялась.
 Предстанетъ предъ тебя пропивница сія;
 Увѣщевай опца, увѣщевай ея:
 А естли тѣ жъ они; отдай опца въ темницу,
 И вестъ вели на смерть сію свирѣпу львицу.

ЯВЛЕНІЕ V.

РУСИМЪ одинъ.

Въ жестокости своей неправедно гори!
 Не для ради того вѣнчаюся цари:
 Они вѣнчаются для обща блага мира,
 Чтобъ бытьши прибѣжищемъ вдовы, убога, сира,
 Пороки гнаши вонъ и зло искореняшь:
 За добродѣтели награду учиняшь

Когда ты въ варварствѣ спремился зрѣть успѣхи;
 Такъ знай, не царски по разбойничьей успѣхи.

Я В Л Е Н І Е VI.

СИЛОТѢЛЪ, ДИМИЗА, РУСИМЪ и СТРАЖИ.

РУСИМЪ.

Расстанься съ дочерью; се часъ послѣдній ей:
 Концѣ и бѣдности, концѣ и жизни всей,
 Когда не избереши немѣдленно супруга.
 Ты честенъ, я тебя какъ вѣрнаго ччу друга:
 Увѣщевай ее къ тому въ послѣдній разъ:
 Или она умретъ: мнѣ данъ уже приказъ.

ДИМИЗА.

Димиза умереть готова безъ боязни.

СИЛОТѢЛЪ.

Умри безъ препѣша.

РУСИМЪ.

Спуй на мѣсто казни.

ДИМИЗА.

Едину только мнѣ передъ моимъ концомъ,
 Русимъ, минушу дай простишься мнѣ съ опцомъ.

РУСИМЪ.

Поди въ темницу ты: вы спражи съ нимъ подите;
 А вы несчастную на казни поведите.
 Прощайся съ ней мой другъ, прощайся съ ней теперь,
 И покидай на вѣкъ возлюбленную дочь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СИЛОТЪЛЪ и ДИМИЗА.

СИЛОТЪЛЪ.

Прости любезна дочь! - - - о пы судьбина люта! - -
 Пришла уже твоя послѣдняя минуша.
 Въ послѣдній разъ тебя я вижу предъ собой:
 Всѣ радости мои кончающа сѣ тобой.

ДИМИЗА.

Хотя и никогда меня не позабудешъ;
 Но больше ужъ меня во вѣки зрѣшь не будешъ.
 Крѣпись моя душа! - - - просни! - - - о небеса!

СИЛОТЪЛЪ.

О боги, есть ли что лютей сего часа!

ДИМИЗА.

Преодохъ себя!

СИЛОТЪЛЪ.

Слунай въ мракъ вѣчной ночи!

ДИМИЗА.

Лишаюся мой тебя, родитель очю.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

Д Ъ Й С Т В І Е V.

Я В Л Е Н І Е I.

ВЛАДИСАНЪ одинъ.

Коль правоснн въ судѣ монарху не имѣшь;
Такъ правншь скипепромъ не лѣзя ему умѣшь.
Намѣстннкѣ я боговъ, и мнѣ ль перпѣшь ошѣ праха!
Попребно варварство ко умноженью спраха.
Щедрота не всегда прнстойна бышь суду:
И часто милоснн дороги ко вреду.
Не пользуемъ вѣнцу народа своевольство,
Ни размышленіе ни разума довольство;
Но послушанью умъ онѣ долженъ покоряшь,
И спраснн всѣ свои приказомъ умѣряшь. - - *
Какое, Владисанъ, имѣешъ разсужденье:
И такъ ли хочешъ ты вести свое владѣнье!
Богами на главу твою взложенъ вѣнецъ,
Чтобъ былъ народнаго ты щастія творецъ:
А ты свободу днесъ ихъ душъ искореняешъ,
И добродѣтель вонъ ты съ нею выгоняешъ;
Какъ скоро человекѣ въ неволю попадетъ,
Съ свободой честности немало пропадетъ:
Начнетъ передъ царемъ онѣ быши лицемѣренъ:
Невольникѣ никогда не можетъ быши вѣренъ - - *
Оставъ безплодную ты истинну пеперь,
И яростью одной опмщеніе измѣрь!

Когда поносну смерть, Димиза, презираетъ;
Винна ль она или нѣтъ, пускай и умираетъ.

Я В Л Е Н І Е П.

ВЛАДИСАНЪ и РУСИМЪ.

ВЛАДИСАНЪ.

Уже ли совершенъ побоею мой приказъ?
Иль хочешь ты, Русимъ, въ другой по слышать разъ,
Что сказано тебѣ?

РУСИМЪ.

Народъ того желаетъ,
Увидя, что твой гнѣвъ всѣхъ паче мѣръ пылаетъ,
Чтобъ онъ возмогъ смягчить намѣренье швое:
И далъ устамъ моимъ прошеніе свое.
Не упражняется народъ въ отважныхъ пѣняхъ,
Но предъ побоею весь со мною на колѣняхъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Народу долгъ велитъ въ покорствѣ пребывать,
Тебѣ послушнымъ быть, а мнѣ повелѣвать.

РУСИМЪ.

И дѣлать милоспи народу сколько можно.

ВЛАДИСАНЪ.

Димизѣ надлежитъ умрети не опложно,
Когда по правоспи на шо осуждена.
Готова ли къ тому, и гдѣ шеперь она?

РУСИМЪ.

Уже на площади кончины ожидаетъ;
 Но робость мыслями ея не обладаетъ,
 Хотя въ сей часъ ея тобой прервется вѣкъ. - - -
 Что дали боги ей, отъемлетъ человекъ!
 Но ты не человекъ; ты шигру стая подобенъ:
 Не удивляюся, что ты столько злобенъ:
 Тому дивлюся я и долженъ воскипеть,
 Что боги все по зряшъ и могутъ по шерсть!

ВЛАДИСАНЪ.

Подъ стражу войны.

РУСИМЪ.

Тыся чesнность ненавиждьтъ!
 Жочу умереть, чтобъ мнѣ тиранствъ твоихъ не ви-
 дѣть.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИСАНЪ одинъ.

Щедра ты теперь пустой мнѣ только сонъ;
 Остатокъ жалости ступай изъ сердца вонъ!
 Супротивляюся я совѣсти преденью;
 Стремись моя душа ты только ко опмиженю
 Бери, о Владисанъ, громъ съ молніей, ударъ:
 И помни только то, что ты въ странѣ сей царь:
 На что тебѣ любовь подвластнаго народа!
 Подъ игомъ быши ихъ произвела природа:
 Для подлости своей они сотворены,
 И любочестію царей покорены.

Но сердце ты дрожишь, и вы дрожите ноги!
 Не обличайте мя, о праведные боги!
 Коль можетъ ваша власть свирѣлости сносить,
 Такъ дайте мнѣ плоды жестокости вкусить!
 Терпите подданны! по должность вашей чести;
 Ни кто не предписалъ закона царской власти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЛАДИСАНЪ и РУСИМЪ.

ВЛАДИСАНЪ.

Подъ спражу ты злодѣй еще не провожденъ!

РУСИМЪ.

Я былъ подъ спражею; но спражей свободенъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Къ злой казни ихъ привлекъ и къ смерти ты съ собою.

РУСИМЪ.

Не винны ни они, ни я передъ тобою;
 Но беззаконникъ сынъ твой виненъ нынѣ спалъ:
 И мѣчъ прошивъ тебя ево уже блисталъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Мой сынъ!

РУСИМЪ.

Пренаглыя къ себѣ прибравъ народы,
 Забывъ монаршу власть, забывъ законъ природы,
 Стремясь оружіемъ любовницу спасти,
 И да опечесиво мѣчъ острый вознеси,

Въ жестокой ярости на войски порывался;
Но опнашъ мѣчъ ево и ужасъ миновался.

ВЛАДИСАНЪ.

Скажи мнѣ кѣмъ рабовъ моихъ спаслася кровь,
И кто избавилъ насъ отъ бѣдствія?

РУСИМЪ.

Любовь.

ВЛАДИСАНЪ.

Любовь преступнику желѣзо обнажила.

РУСИМЪ.

И предъ шею ево съ покорствомъ положила.
Когда я шелъ опсель, и несъ съ собой швой гнѣвъ,
Зла наглость въ оный часъ свой весь разверзла зѣвъ:
Когда приближился любовникъ къ мѣсту казни,
И зрѣлъ любовницу споящу безъ боязни:
У воиновъ швоихъ онъ вырвался изъ рукъ,
И бросясь какъ стрѣла дѣся покинувъ лукъ:
Вскричалъ: друзья мои, шеперь вы по являйте,
Въ чемъ клялися вы мнѣ и храбрость устремляйте.
Тревожится народъ, смущается весь градъ,
И сткрывается въ сердцахъ шаенный ядъ.
Свой мѣчъ я взявъ бѣжалъ собрати вѣрны войски:
И закипѣли всѣ со мной сердца геройски.
Сквозь многія шолпы Димизы князь достигъ,
Взялъ мѣчъ: и шолько лишъ ево на насъ воздвигъ,
Димиза за руку преступника схватила,
И наглость онаго въ покорство превратила.
Достоинъ ли любви, сказала, ты шеперь?
Учися у меня, хощь я не царска дщерь.
Спарайся честію во всемъ одолеваться,
И добродѣтели во всемъ повиноваться.

Спасла отъ крайняго, Димиза, бѣдства насъ:
Князь бросилъ мѣчъ: огонь въ преступникахъ угасъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Вели что бѣ войны спокойство охраняди;
Въ темницы посади которы измѣняли:
Вельможъ передъ меня предспаши учреди:
Преступника ко мнѣ въ оковахъ приведи:
Димизу и опца ея предспавь.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЛАДИСАНЪ одинъ.

О время!

О правосудіе, ты мнѣ несносно бремя!
Мой сынъ противъ меня съ оружіемъ воссталъ!
Не сына я себѣ, но шигра воспиталъ.
Удобно ли сказать себя зря въ жизни злосной?
Разбойникъ сей рожденъ отъ крови вѣнценосной?

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ВЛАДИСАНЪ, РУСИМЪ, ЯРОПОЛКЪ, ДИМИЗА,
СИЛОТѢЛЬ, ВЕЛЬМОЖИ и СТРАЖИ.

ЯРОПОЛКЪ.

Забудь, о государь, что я тобой рожденъ,
И не суди: я самъ собою осужденъ!

Иду на смерть, ее въ швоемъ я жду отвѣтъ,
 И знаю что не лъзя мнѣ больше жить на свѣтѣ.
 Къ Димизѣ уменьшишь я спраспи не умѣлъ;
 Но предпріятія инова не имѣлъ,
 Какъ лишъ любовницу отъ смерти злой избавишь,
 Ее съ собою взявъ и городъ сей оставишь.

ВЛАДИСАНЪ.

Чего достоинъ онъ?

ДИМИЗА.

Достойны мы умереть;
 Стремись послѣдній жаръ любви нашей зрѣшь,
 И буди вѣрности ты нашей свидѣтель.

ВЛАДИСАНЪ.

Но превосходная Димизы добродѣтель,
 Иной даетъ уставъ и гонитъ казни прочь.
 Ты мнѣ любезный сынъ: ты мнѣ любезна дочь.

(Слагаются съ Ярополка оковы.)

ЯРОПОЛКЪ.

Злодѣйства моего я болѣе гнушаюсь:
 И ахъ, едва, едва Димизой утѣшаюсь!

ДИМИЗА.

Въ комъ зрѣла я врага, я въ помѣ отца нашла:
 На самый щастья верьхъ шобою я взошла,
 Я прежнее швое гоненіе забуду,
 Благодаря тебя доколь дышати буду.

И я уже того не позабуду въ вѣкъ,
Что я копя и царь, такой же человекъ,
И что я множество зря смертныхъ подъ ногами,
Такая жъ, какъ они, пылинка предъ богами.

Конецъ трагедіи

и III Части.

